

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

3. 2019 МАЙ–ИЮНЬ

К 25-ЛЕТИЮ ПАРЛАМЕНТА КБР

В Нальчике, в Государственном музыкальном театре, 17 мая 2019 года прошли торжества, посвященные 25-летию Парламента КБР. В мероприятии приняли участие временно исполняющий обязанности Главы КБР Казбек Коков, члены Совета Федерации депутаты Государственной Думы ФС РФ от Кабардино-Балкарии, делегации Абхазии, Адыгеи, Калмыкии, Ленинградской, Томской, Волгоградской и Тверской областей, субъектов Северо-Кавказского региона во главе с руководителями законодательных органов государственной власти.

На торжествах также присутствовали депутаты Верховного Совета и Парламента КБР разных созывов, члены Правительства КБР, руководители федеральных территориальных органов власти в КБР, представители местных администраций городов и районов республики, общественные деятели.

Парламентариев республики с юбилеем высшего законодательного органа поздравили Председатель Совета Федерации ФС РФ Валентина Матвиенко и заместитель Председателя Государственной Думы ФС РФ Сергей Неверов. В видеообращении В. Матвиенко отметила, что 25-летие Парламента КБР – важное событие не только для региона, но и общественно-политической жизни страны:

– За четверть века сделано немало: вы создали правовую базу, которая позволяет эффективно реализовать потенциал республики, и сегодня активно работаете над совершенствованием законодательства, тесно и плодотворно взаимодействуете с исполнительной властью, укрепляете связи с органами местного самоуправления, а главное, с гражданами. Мы высоко оцениваем ваше конструктивное плодотворное взаимодействие с Советом Федерации. Республика уверенно идёт по пути экономического,

социального и культурного развития. В то же время, вам ещё есть над чем работать: регион с такими уникальными природно-климатическими условиями, такими замечательными патриотами, жителями республики, может и должен привлекать ещё больше российских, зарубежных туристов и инвесторов. Желаю всем, кто связан с историей законодательного органа республики, депутатам разных созывов, работникам аппарата крепкого здоровья, благополучия и хорошего настроения, а нынешнему составу Парламента – новых успехов во благо жителей Кабардино-Балкарии!

С. Неверов в видеопоздравлении сделал акцент на том, что за 25 лет проделана огромная работа в части обеспечения социально-экономического развития региона, безопасности граждан и правопорядка, защиты прав граждан республики, развития федерального законодательного обеспечения:

– Вы вносите очень много качественных законодательных инициатив в Государственную Думу. Желаю вам дальнейшего благополучия, дальнейших замечательных законов, которые вы принимаете, и, конечно, поддержки ваших избирателей – самой высокой оценки, которая есть у депутата.

С приветственным словом к парламентариям обратился Врио Главы КБР Казбек Коков:

– Сегодня мы собрались в этом зале по поводу знаменательного события в жизни Кабардино-Балкарии – 25-летия Парламента нашей республики. За прошедшие годы проделана поистине колоссальная работа по внедрению в жизнь подлинного народовластия. Можно с полным основанием утверждать, что именно в этот период в республике состоялся реальный, эффективный парламентаризм, основанный на российских и общемировых традициях. На торжественном заседании присутствуют представители разных поколений депутатов. На всех этапах развития Кабардино-Балкарии они с честью и достоинством исполняли свой долг, служили примером преданности и беззаветного служения народу, интересам родной республики. Именно они нарабатывали первый опыт законотворчества и парламентской практики. Мы глубоко признательны и безмерно благодарны нашим старшим за этот бесценный опыт, за активную жизненную позицию.

В выступлении руководителя региона отмечалось, что избранный в 1993 году первый Парламент в сложных условиях переходного периода внёс неоценимый вклад в сохранение в республике общественно-политической стабильности, в укрепление единства нашего народа. Его деятельность оставила не только богатый опыт законотворчества, но и умение находить политический компромисс.

– Хочу выразить благодарность Парламенту за конструктивное сотрудничество с государственными и общественными институтами, за

взвешенную и мудрую позицию по ключевым вопросам жизни общества, – продолжил К. Коков. – Уверен, так будет и впредь, ибо у нас общие цели – динамичное развитие экономики, повышение благосостояния наших граждан, создание условий для раскрытия человеческого потенциала. В конечном итоге Кабардино-Балкария должна стать одним из наиболее развитых субъектов Российской Федерации. С каждым годом возрастает профессионализм, правовая и политическая зрелость нашего депутатского корпуса. За последние 25 лет Парламентом создана надёжная законодательная база для устойчивого социально-экономического развития республики. Наш долг – беречь и всемерно укреплять институт парламентаризма, создавать условия для эффективной работы этого важнейшего органа государственной власти республики.

Казбек Коков выразил признательность гостям – членам делегаций субъектов страны, с которыми республика издавна связана отношениями дружбы и братства:

– Хочу от всей души поблагодарить наших дорогих гостей и коллег за оказанную честь, пожелать успехов в их многотрудной деятельности на благо нашего Отечества.

Обращаясь к собравшимся в зале, врио Главы КБР подчеркнул:

– Совместными усилиями мы сумеем преодолеть любые трудности, обеспечить родной Кабардино-Балкарии достойное будущее.

*Вручение награды
И. Б. Бечелову*

Казбек Коков также выполнил приятную миссию – вручил награды законодателям прошлых лет и депутатам Парламента КБР действующего созыва. За существенный вклад в развитие законодательства и парламентаризма орденом «За заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой» награждён Председатель Совета Представителей Парламента КБР второго созыва, Председатель Парламента КБР третьего созыва Ильяс Бечелов. За существенный вклад в развитие законодательства и парламентаризма Почётных грамот КБР удостоены депутаты Парламента КБР Арсен Барагунов и Талип Макитов.

Почётное звание «Заслуженный юрист КБР» присвоено заместителю начальника правового управления аппарата Парламента КБР – начальнику отдела правовой экспертизы Руслану Ворокову.

Слово было предоставлено Председателю Парламента КБР Татьяне Егоровой. Спикер поблагодарила гостей, прибывших из разных регионов страны, чтобы разделить с парламентариями Кабардино-Балкарии

празднование знаменательной даты, выразила искреннюю признательность за оказанное внимание и поддержку.

Т. Егорова выступила с докладом, в котором была дана оценка пройденного высшим законодательным органом пути, подведены некоторые итоги деятельности. По словам председателя высшего законодательного

Выступление Т. Б. Егоровой

органа, в основу работы Парламента КБР были положены принципы и традиции, заложенные ещё Верховным Советом республики, который эффективно использовал свои законодательные, контрольные и иные полномочия во имя благополучия и процветания Кабардино-Балкарии.

– Особенно отчётливо это проявилось в сложный переходный период начала 1990-х годов, когда в результате кардинальной перестройки политической системы страны, децентрализации управления и вызванного этими процессами усиления центробежных сил под угрозой оказались единство и согласие наших народов, а по существу будущее республики, – акцентировала внимание

Татьяна Егорова. – Избежать драматического сценария развития событий удалось благодаря политической зрелости депутатов, осознанию ими своей исторической ответственности за судьбы народов Кабардино-Балкарии. И, конечно же, особую роль в этом сыграли мудрость и дальновидность Валерия Кокова, возглавлявшего Верховный Совет в этот один из самых сложных периодов в истории республики.

В докладе была дана подробная информация о структуре Парламента первого и второго созывов, деятельности депутатов первого созыва, заложивших основу современной законодательной базы КБР. Главным правовым актом для Парламента явилась принятая 1 сентября 1997 года Конституция КБР, определившая Кабардино-Балкарию в качестве полноправного субъекта Российской Федерации, закрепившая принципы единства и неделимости республики, народовластия и разделения властей, провозгласила светский и социальный характер нашего общества.

Сегодня основное внимание депутатов сосредоточено на совершенствовании созданной законодательной базы, её актуализации и повышении качества.

Парламент республики активно участвует в федеральном законодательном процессе. В Государственную Думу ФС РФ внесено более сотни проектов федеральных законов, 16 приняты и вступили в силу,

семь из них – в период работы действующего созыва. Некоторые законодательные предложения Парламента нашли отражение и в других федеральных законах.

Важное значение придаётся развитию межпарламентских связей. По инициативе Парламента КБР образована Северо-Кавказская парламентская ассоциация, заключены соглашения о межпарламентском сотрудничестве с 15 субъектами страны, парламентами Абхазии и Южной Осетии. Тесное взаимодействие идёт с палатами Федерального Собрания РФ. Возможность для установления конструктивного диалога и обмена опытом с лидерами регионов и городов европейских стран даёт и участие представителя Парламента республики в работе Конгресса местных и региональных властей Совета Европы.

Т. Егорова обратила внимание на то, что эффективная деятельность законодательного органа власти была бы невозможной без вклада, который внесли депутаты пяти созывов и сотрудники аппарата Парламента КБР:

– Хочу поблагодарить каждого за активную работу, высокую гражданскую позицию, за деятельное участие в совершенствовании законодательства, в реализации задач, направленных на обеспечение успешного развития всех сфер жизнедеятельности республики.

Особые слова признательности были адресованы избирателям, интересам которых, как заверила Татьяна Егорова, служил и будет служить Парламент КБР.

Руководитель законодательного органа обозначила и задачи по обеспечению качественных изменений во всех сферах жизни общества, которые стоят перед парламентариями. Они определены майскими ука-

В парке культуры и отдыха г. Нальчика

зами Президента РФ и развёрнуты в национальных проектах.

Татьяна Борисовна сказала и о том, что в скором времени в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии произойдут значимые события – выборы депутатов Парламента КБР шестого созыва, а вслед за этим и выборы Главы КБР.

– Верим, что подготовка и проведение этой важной политической кампании послужит консолидации всех здоровых сил общества во имя обеспечения родной Кабардино-Балкарии достойного будущего, а каждому жителю республики – мирной и благополучной жизни. Вместе мы обязательно добьёмся успеха в достижении этой поистине благородной цели, – завершила речь Татьяна Егорова.

Со знаковым событием парламентариев поздравили член Совета Федерации ФС РФ от КБР Мухарбий Ульбашев. Он поделился воспоминаниями о событиях, при которых происходило становление современной государственности России и Кабардино-Балкарии. М. Ульбашев довёл до сведения присутствующих информацию о решениях руководства Совета Федерации. В ознаменование юбилейной даты, за большой вклад в развитие парламентаризма РФ и совершенствование законодательства КБР почётным знаком Совета Федерации ФС РФ за заслуги в развитии парламентаризма награждена Председатель Парламента КБР Татьяна Егорова. За существенный вклад в развитие парламентаризма РФ медалью «Совет Федерации. 25 лет» награждены заместитель Председателя Парламента КБР Салим Жанатаев и депутат Парламента КБР Владимир Бердюжа. За многолетний добросовестный труд и большой вклад в развитие парламентаризма в РФ, совершенствование законодательства КБР Почётными грамотами Совета Федерации ФС РФ отмечены заместитель Председателя Парламента КБР Михаил Афашагов, депутаты Парламента КБР Елена Кансаева, Мухамед Кудалиев, Татьяна Канунникова, Алисолтан Настаев.

С поздравлениями к парламентариям обратился депутат Государственной Думы ФС РФ от КБР Адальби Шхагошев:

– Наш Парламент мне очень близок как депутату Парламента первого созыва 1993 года. С благодарностью вспоминаю моих старших коллег по Парламенту за политический, законодательный и жизненный опыт, который помогает мне и сегодня.

*Выступление
А. Л. Шхагошева*

Много добрых пожеланий прозвучало от Председателя Парламента Республики Северная Осетия-Алания Алексея Мачнева, Председателя Законодательной Думы Томской области, Председателя Совета законодателей Сибирского федерального округа Оксаны Козловской, Председателя Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея Владимира Нарожного.

В ходе торжественного заседания озвучены некоторые факты из истории Парламента. За четверть века мандата депутата высшего законодательного органа республики были удостоены 336 граждан. Годы работы нынешнего созыва Парламента ознаменовались знаковыми для страны и Кабардино-Балкарии событиями. В 2017 году республика отметила важную дату в своей и общероссийской истории – 460-летие добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства.

Программа праздничного концерта сопровождалась демонстрацией архивных видеоматериалов, официальные выступления перемежались с музыкальными номерами. Парламентариев поздравили хореографические коллективы «Кабардинка», «Балкария», «Эльбрус», «Нальцук», «Ассорти», «Арабеск», ансамбль «Терские Казаки», исполнители Ольга Сокурова, Ауэс Зеушев, Амур Текуев, Султан Хажироко, Дениза Хекалаева, Рустам Абанокоев, Тимур Гуазов, Замира Жабоева, Тенгиз Габаев.

Завершился концерт музыкально-хореографической композицией под песню Анзора Хаупы «Кабардино-Балкария», которую исполнили солисты Кабардино-Балкарского государственного музыкального театра в танцевальном сопровождении ансамблей «Кабардинка» и «Балкария».

Праздничный концерт к 25-летию Парламента КБР

Публикацию подготовила Марианна Белгорокова

*Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
кабардино-черкесской литературы
ИГИ КБНЦ РАН*

ДИАЛОГ СО СВОИМ ЧИТАТЕЛЕМ
(к 70-летию Руслана Ацканова)

Перечитывая сборники стихов Руслана Ацканова, я снова надолго оказался в плену чувств и мыслей давно утвердившегося в кабардинской поэзии автора.

Становится интересным все, что волнует и беспокоит поэта. Близко воспринимаются и радость, и печаль его лирических героев, по-своему постигающих нюансы меняющегося на глазах национального бытия. И здесь дело, как представляется, не столько в умении Руслана Ацканова увести читателя от набившего оскомину самодовольства, всезнания и всеведения некоторых авторов, сколько в способности поэта увлечь читателя в свой неповторимый художественный мир.

Для Руслана Ацканова характерно желание не сфальшивить, не поддаться упрощенному восприятию мира, поэтому он всегда в раздумьях.

Лирический герой его книг – человек всегда размышляющий и предельно искренний. Руслан Ацканов к тому же обладает ценным для настоящего поэта искусством ненавязчиво вступать в диалог со своим читателем, вести с ним задушевную беседу. И больше всего он опасается обесценивания родного слова. Зачастую точность и лаконичность

его поэтического стиля уходят в мир безвозвратного детства. И замечательно, что поэт смог пронести по жизни и убедительно воспроизвести в своем творчестве трепетные воспоминания: открытие мира, радость его познания и первая грусть. Именно эта «маленькая страна» Руслана Ацканова является зримой основой тонкого лиризма, глубины чувств и элегической тональности его поэзии («опять я просыпаюсь ночью»...).

Художественный мир Руслана Ацканова не знает яростного противоборства «белого» и «черного», «высокого» и «низкого», то есть он уже давно преодолел устои черно-белой художественности так называемой новописьменной литературы.

К примеру, в 82-м сонете мы видим несуетный образец его поэтического кредо. Я рассматриваю этот сонет в ряду непреходящих шедевров кабардинской лирики. Высокая художественность этого сонета видится, прежде всего, в преодолении даже на «дословном» (снег как символ измерения текучести и постоянства национального бытия) уровне ожидаемого поэтического обобщения. Следуя английской форме сонета, Руслан Ацканов последним двестишием этюдно «замыкается» в своих сомнениях, а не в предписанных «чужой» традицией тайнах художественного постижения противоречивой действительности.

К счастью для нашей литературы, поэтической судьбой Руслана Ацканова (равно как и Афлика Оразаева, чье 70-летие мы не успели отпраздновать) правит трудный художественный поиск, а не желание утверждать различными способами свою гениальность. Не многим поэтам удалость выдержать «давление временем и суетность бытия», а потому снова и снова нами овладевает желание вернуться к лучшим произведениям Руслана Ацканова, ибо без них уже трудно представить себе развитие кабардинской литературы. В день замечательного юбилея пожелаем Руслану новых творческих взлетов и закрепления его национально-поэтических традиций в творчестве последующих представителей кабардинской поэзии!

*Сафарби БЕЙТУГАНОВ,
член Союза писателей РФ*

ПЫЛАЮЩИЙ КУСТ ТЕРНОВНИКА

На небосклоне адыгского художественного мира с некоторых пор как-то не очень броско для невооруженного взгляда мерцает созвездие из одной звезды. Не впадая в набившее оскомину юбилейное словословие, хочется озвучить имя – это Ацканов Руслан Хасбиевич. Я не оговорился, сказав «созвездие одной звезды». Руслан – многогранная

творческая энергия, как сказал бы Гёте, пылающий куст терновника. В нем гармонично переплелись кажущиеся несовместимыми сферы общественного сознания.

Ацканов – директор Кабардино-Балкарского книжного издательства «Эльбрус». В пугающих здравый рассудок социально-политических реалиях нашего времени учреждение, возглавляемое им, функционирует на уровне, соответствующем профессиональным требованиям. Руслан – редактор редкостной квалификации, что так важно для поддержания репутации руководителя в творческом коллективе.

Мне нередко случается заходить в издательство, и я часто вижу его за приставным столиком кабинета директора, склоненным над чьей-то рукописью. Внимательно присмотревшись к бумагам, замечаешь здесь и там сделанные пометки, поправки и просто литературную обработку полусырого текста. При этом следует отметить, что такого рода работа не входит в круг непосредственных обязанностей руководителя, перегруженного прозаическими организаторскими, хозяйственно-финансовыми и иными вопросами.

Касаясь других составляющих творческого (научного) амплуа Ацканова, не пройти мимо одного момента. Он проявил себя и как лингвист. Этот факт выпукло прослеживается в предисловии к Кабардино-черкесско-русскому словарю, выдержавшему с 2008 года два издания в том же издательстве «Эльбрус».

Оригинально светящейся гранью дарования Ацканова являются переводы поэзии с русского языка на родной язык. Известно высказывание Пушкина о том, что переводчики – почтовые лошади просвещения. Добавлю: но лошади-то сильно различаются – от захудалых и неповоротливо упитанных до чистокровно-породистых.

В «Измаил-бее» Лермонтов, обращаясь к седому Кавказу, как-то по-сыновнему сообщал: «Твоим горам я путник не чужой». Переводчику удалось с блеском решить сложную задачу – передать читателю дух и душу великого поэта. Более того, кажется, он сумел максимально сблизить Лермонтова и адыгоязычного читателя.

Ацканов – лирический прозаик. В его новеллах взору читателя открывается неповторимая панорама чарующего своеобразия народной психологии, быта, культуры общения, нередки и неожиданные, а порой парадоксальные повороты в судьбах персонажей, поучительные эпизоды, ненавязчивые сентенции.

Изложенного достаточно для одной творческой личности, чтобы вписать ее имя красочными литерами в историю адыгского художественного мировосприятия. И все же основная в Ацканове поэзия. Здесь он в своей клокочущей стихии, не знающей себе равных и не признающей равенства. Всего многообразия его поэтического амплуа не исчерпать в кратком очерке. Для этого требуется фундаментальное аналитическое издание. Здесь коснемся лишь одной стороны.

Ацканов, бесспорно, ведущий автор сонетов в адыгской литературе. В книгу «Уэшх нэужьым» («После дождя»), которую так и хочется назвать – Перед дождем – в соответствии с ее содержанием, полном предчувствий, включено 239 сонетов! Обратимся к некоторым из них.

Художественно отредактированным орлиным взором поэт всматривается в суетный мир и жизнь людей, окружающую природу, дальний космос. Его мятущаяся душа никогда не бывает одинокой – не среди людей, конечно, нет, – среди камней, деревьев, журчащих переливов горных ручьев, кошек и собачек, белок в парке или хищных зверьков в лесу и джунглях. Вместе с поэтом оживает камень, делится языком умудренного и убеленного собеседника своими чувствами, тревожностями, болями, бедами и обидами, которым он поминутно подвергается с хронологически незапамятных далей.

Сердцу поэта затрудненно дышится в груди, когда он видит дерево, которое пересаживают – сгниет же на корню, не приживется в чужой среде.

Пообщавшись вместе с Ацкановым с различными объектами флоры и фауны, смотришь на них иными глазами, бережнее соприкасаешься с ними – такими, как и человек, невечными, быстротечными.

В неподражаемо трогательном стиле Руслан передает читателю свое сопереживание, касающееся грядущего, друзей, близких и просто знакомых.

Прочитую четверостишие на родном языке (Ацканов в переводах на русский и иные языки почти не существует):

*Уахътыншэут ахэр сэ къызэрысцыхъур,
Щхъэ хъуа нэгъуэщI гупсысэ къысхуэкIуэнкIэ.
.....
Я нэгъу ныбжъэгъухэм сэ сиплъэфкъым хуити.
Хуежъащ къыпхыпсу щхъэж и натIэм итыр.*

Смысловой перевод. Друзья, казавшиеся поэту ранее такими бес- смертными, теперь наводят его на иные грустные думы. Уже не в силах он беспечно взирать на дорогих его сердцу людей, лица которых стали неотступно отражать признаки приближающегося горестного конца. Однако и конечному часу случается быть последним гостем. В другом сонете читаем:

*Тыншу улIэнри щыщц ехъулIэныгъэм.
Легкая смерть сродни удаче.*

«Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни» – горевал классик. В этом немолчном чувстве каждый человек – Пушкин. Волнующая грустная печаль лежит на всем творчестве Руслана:

*ИтІанэ – сыкъокІуэж си псэупІэжъым,
Си гъащІэм гугъэ леи хэмытыж.
Дунейр къыдэсхъэхыну си гугъэжсу
КъыщыскІухъахэм ягу сыкъэмыкІыж.*

*Потом я возвращаюсь в отчий край,
Мечты излишней нет уже в помине.
Тогда, казалось, мир мной очарован,
Теперь никто не помнит обо мне (смысловой перевод).*

Лирический герой Ацканова не опьянен честолюбием, однако он гордо и с достоинством держится перед негативно для чести складывающимися обстоятельствами на жизненном пути.

*Си натІэм итыр плъанІэу къызоцтэж,
Сыт гугъэ лейхэм дыхъэшхэн зезгъэщІкІэ.*

*Судьбу свою я как маяк приму,
Игрой надежд излишних мне быть (смысловой перевод).*

Отцы и дети – сквозной проблемный мотив многих вещей Ацканова. Неизбывная привязанность поэта к будущему подрастающего поколения впечатляюще выражена в двух строчках:

*Сэ сыщымыІэжмэ – дауэ хъуну,
Мы си щІэблэм зыльэмыкІ къахэкІым?*

*Когда меня не станет – как же быть
Тому, с кем случиться может беда? (смысловой перевод).*

Поэта, вероятно, не волнует, как сложится его судьба на том свете – лишь бы были счастливы те, кого он *оставил на земле*.

Творчество Ацканова исполнено глубоких философских раздумий. В нем минор, увы, превалирует над мажором. Но тому есть смягчающее *вину* объяснение. Кому как не поэту быть певцом всего, что не принимает человеческая душа, не замутненная низменно-натуральной истиной?

Бытие человека и человечества в целом представляется взору поэта непроницаемым мраком – тайной настолько, что даже будь ее смысл начертан какими-то идеографическими знаками на небе, прочесть подобный текст пока что некому.

***

Ацканов, кажется, не очень тревожится тем, что скажут критики в его адрес. И это справедливо, ибо «писатель не должен думать о критике, как солдат о госпитале» (Стендаль).

И все же выскажу одно оценочное суждение. По глубине тонких чувств, проникающих в самые затаенные уголки души, и масштабу поднимаемых нравственных и социально-политических проблем Ацканов может быть причислен к избранным свыше, которые делают классическую погоду в мировой художественной литературе.

Асият КАРМОВА

И... БУДЕТ ОТПУЩЕНО СЛОВО

Народный поэт КБР и КЧР, руководитель книжного издательства «Эльбрус», лауреат Государственной премии КБР Руслан Ацканов родился в 1949 году в сел. Ерокко Лескенского района КБАССР. В 1972 году окончил филологический факультет КБГУ. Преподавал русский язык и литературу в средней школе сел. Анзорей. Служил в министерстве культуры республики. Проявился в журналистике. С 1980 года работает в издательстве «Эльбрус».

Руслан Ацканов – член Союза писателей СССР (РФ) с 1986 года. Удостоен государственной премии КБР в области литературы и искусства в 1994 году. Автор нескольких сборников стихов, сонетов, новелл, рассказов, поэм. Его книги выходили в издательствах «Эльбрус» (Нальчик), «Современник» (Москва). Произведения Ацканова включены в состав сборников, вышедших в Польше, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Сирии.

Особую нишу в творчестве поэта занимают девять кавказских поэм М. Ю. Лермонтова, переложенных на адыгский язык в неповторимой гармонии слога.

...Старая сентенция «Прежде чем запеть, поэт внемлет гласу Неба» донельзя ясно передает волоокую мелодию ацкановской лирики. Нет, это не патетика жанра. Стихи Руслана – вещее дыхание адыгского фольклора, его животворящий дух.

В канун 70-летнего юбилея поэта мы пытались заглянуть в зазеркалье лаконичных формулировок, в обитель таинства. Насколько тщетно?.. Судить вам.

– Руслан, признаюсь, не часто приходится вступать в диалог с провиденциальным собеседником, поэтому позвольте оставить за Вами право определения курса: к истокам или от?..

– Пожалуй, последовательность – надежный поводырь и верный спутник. Логичнее будет от... истоков. Именно там, на мой взгляд, закладывается архитектура человеческой судьбы.

Лескенское ущелье – колыбель моего (не только физического) начала, оно и доброе пристанище, оно и квинтэссенция сокровеннейших по-

мыслов. Селение Ерокко, крошечное, уютное гнездовье, казалось пульсом всего сущего, кладезем непрожитых щедрот. Нередко теперь меня осеняют причудливые образы того далекого далека. Эпизоды незабываемых коллективных вспоможений между подворьями... Если кто-либо из земляков возводил саманное жилище, ребятня резвой гурьбой теснилась около тружеников. Мы весело и дружно взбалтывали, месили, мяли безбрежное глиняное «тесто». Готовое месиво таскали формовщикам. И какова же была эта награда – детское осознание собственной значимости и причастности к большому делу – когда, принимая заготовку под кирпич, взрослый приободрял нас то улыбкой, то междометным посылом!

*Детские годы.
Руслан Ацканов в центре*

Благостный привкус нехитрой снеди тех мимолетных обедов по сей день будоражит мое, увы, непоправимо повзрослевшее нёбо. Возможно, происходило это оттого, что всё – и труд, и ломоть хлеба – делилось поровну. Возможно... Такой была маленькая Галактика, сформировавшая мое мировосприятие. Там было много солнца... Там совсем не было зависти.

– Но там и обитало детство. Неужели не было поры вихрастого задора и мальчишеских проказ?

– У кого-то и было, вероятно... Но календарное мое детство, некоторым образом, хранило печать недетского обличья. В пять-шесть лет я знавал перечень мелких обязанностей быта. Мне вменялась некая ответственность. В одном из ранних стихотворений передано содержательно-понятийное свойство той поры:

*Плеть мы ставили с отцом,
и мнилось, что меня лишили детства (подстр.).*

Образ детской беспечности, томящейся безвременьем, здесь представлен хворостиной, которую мальчик, скрепя сердце, протягивает отцу. Ах, как хотелось оседлать эту грациозно-гибкую лошадку и унести вскачь! Но, проявляя недетскую волю, малыш уступает «иноходца» ради грядущего плетня.

Это мое детство... В то же время, в стихах нет ни упрека, ни укора. И кто знает, будучи родом из другого мира, изведала бы моя зрелость столь необходимой ныне эмоциональной насыщенности?

– *Каким же образом Вам удалось нащупать струну «столь необходимого»? Поведайте, с чем Вы пришли к Слову?*

Ни с чем особенным, хотя здесь нотабене: всё особенное кроется в непреходящей простоте фольклорных сказаний. Я рано причастился

Руслан Ацканов с родителями

к неповторимому духу адыгских преданий из уст стариков. Картина из былого: старики собираются на завалинке. Я спую рядом, или, притулившись под бочок, вслушиваюсь, что ли... нет – скорее – внемлю! Такое косвенное общение поколений – посредством детского подслушивания – сродни священнодействию. Старики-синдики моих фантастических открытий. Про это из ранних стихов:

*Во дворе старики беседуют,
толкуют быль и небыль.
И не томит зубная боль,
и трусость презираю вновь... (подстр.).*

Было и смешливо-милое... С увесистым фолиантом «Нарты» я, шупленький мальчуган, носился, как с писанной торбой. Со стороны выглядело довольно комично, потому как от тяжести меня слегка крепнило. Зато по ночам кладу этот талисман в изголовье. Вероятно, по этой причине во снах я часто уходил в нартские походы, беседовал с античными богатырями, а то и гарцевал на лихом скакуне стремя в стремя с витязями. Да... сон – счастливый художник, а фольклор – купель Поэзии.

– *Кем был тот первый, коему Вы открыли, как принято называть, «свой невоспитанный стих»?*

– Парадоксально, но им стал талантливый инженер, а по родству – мой дядя. Кстати, он видел во мне преемственность профессии, а наезжая в Ерокко, подолгу общался со мной, прививая (так ему мнилось) техническое мышление. Мы расставались непонятые друг другом. Дядя, по всей вероятности, предчувствовал неизбежное фиаско, я, в свою очередь, терпел моральный дискомфорт от собственной неискренности. Однажды я поддался провокации и откровение состоялось. Пришлось извлечь на свет божий мое подматрасное сокровище. Дядя прочел. Заинтригованный и слегка польщенный, он молвил: «Глянь-ка,

а ты и впрямь выбрал себе путь-дорогу. Что же, ценю! Рад. Знаешь, я тоже тебя порадую. Скоро...»

Стоит ли рассказывать, с каким нетерпением любопытного сердца я ждал?! Считал дни до его предполагаемых приездов. Терялся в иллюзорных догадках по предмету сюрприза. Явью мерещился воображаемый велосипед – предел мальчишеских мечтаний! Но дар превзошел все мыслимые ожидания. Однажды он явился и, увлекая меня за ворота, приговаривал: «Прими подарок...» Вдвоем мы прошли до околицы. А там, на холмистом гребне – ласковее сна – манил и рокотал ни с чем не сравнимый красавец... флюгер! Как мерно и как волнующе он выводил свои, как мне казалось, хореографические пируэты! И как сказочно я погружался в непостижимое пространство его песни... Довольный дядя сказал сквозь добрую улыбку: «Поэту должно... чують не только порыв, но и неуловимое веяние эфира. Вот так-то оно!»

И воды с той поры унесло, а все мне чудится: «Вот так-то... оно!»

Спустя много лет случилась поэма «Пшэм хэт унэ» (Дом в облаках), где душа снова взметнулась в тихом промельке волшебного флюгера.

– Незабываемо... Впоследствии, должно быть, приходилось выносить стихи на суд не инженера, а... поэта? Ведь были художники слова?

Неприменно. Когда моих стихов прибавилось, я собрался в Нальчик. Даже родителей удалось убедить. Но преткновение заключалось в элементарном: к кому?! Пролистывал школьную хрестоматию, сравнивал портреты, и выбрал по наитию: открытое чело и ясный взор Адама Шогенцукова приветливо зазывали. Я поехал. Со стихами, с платой – за проезд, и за... неминуемый пломбир. Адам тогда был главным редактором журнала «Юащхьэмахуэ», но в редакции его не оказалось. Пришлось собраться с духом и заявиться к нему домой (мое упорство было обусловлено нерешительностью второй попытки, я трудно зрел). Шогенцуков встретил меня на редкость радушно. Взял стихи, более того, два из них опубликовал на страницах «Юащхьэмахуэ». Не спрашивайте, насколько я был воодушевлен!

– Расскажите, что было за этим?

– Затем я нанес визит Зуберу Тхагазитову. Через некоторое время пожаловал и к Зауру Налоеву...

– И они одобрили Ваше тяготение к художественному слову?

– Не только одобрили – во многих начинаниях они проявили себя настоящей моей опорой. С годами я почувствовал в Зубере надежное плечо старшего брата. Заур оставался моим наставником всю жизнь.

– Получив школьный аттестат зрелости, Вы знали свою стезю. Что же повлияло на географию вуза.

– Нацелился было в литературный институт им. Горького. Собрал пожитки и... не доехал. Вы правильно обозначили, решающим

Мухамед Хафицэ приехал навестить друга

перевесом выступил родной адыгский язык. Таким образом, оказавшись в КБГУ, мне не пришлось ни разу сожалеть, ибо, помимо незаурядных педагогов, я приобрел потрясающе яркий калейдоскоп друзей. В КБГУ я подружился с Борисом Утижевым, Мухамедом Хафицэ, Ауесом Абдоковым, Сафарбием Хаховым и другими уникальными сверстниками. Им я обязан многим. Много у них я перенял, определяя мерило нравственности и этики. Благодаря им я стал тем, кто есть. Мои друзья могли наставлять, могли поучать по праву старшинства или явить собственный пример. А время какое было! Пытаясь объять необъятное, мы рвали удила во всех ипостасях. Помимо университетской стенгазеты активно готовили литературные полосы республиканских периодических изданий, выходили в эфир, полемизировали в телепередачах. Впоследствии, когда Мухамед Хафицэ стал редактором «Университетской жизни», наши публикации заполнили и ее страницы. Из такой органичной пестряди выткалась неподдельная путевка в уверенное будущее.

– Вы прослыли «чрезвычайно щепетильным другом», и у Вас есть надежные друзья...

– Друзей у меня не так много. Да и само выражение «много друзей» звучит неестественно. Здесь я перефразирую: у меня много насыщенной дружбы с немногими настоящими друзьями. Иначе как? Друг, в моем понимании, это нечто кристально-незапятнанное, неподлежащее внутренним сомнениям. В одном из стихов я привожу: «*Ныбжьэгъур уи гъусэу ныбжьэ зыдыриц*» (Друг – это тот, кто отбрасывает свою тень рядом с тобой). Согласитесь, что «тень к тени» способен отбрасывать только неотступный... Тут сказывается и мудрость неопровержимого кода адыгской лингвистики. Это не банальное совпадение. «*Ныбжьэ*» (тень)

+ «гъу» (со...). Прием невозможно счесть за каламбур...

Мои давнишние друзья – Джабраил Хаупа и Заур Тутов, которых я знал, будучи еще школяром.

С годами узнал Заурбека Бгажнокова и Руслана Цримова. Нас роднит единомыслие логических категорий. Это крайне важно.

– *Коли речь зашла о дружбе... без обиняков: является ли гендерная принадлежность препятствием в дружбе? Не сочтите за бестактность...*

– Однако... не в бровь, а в глаз! Что же, скажу без лукавства: женщину надлежит почитать с благоговением. Поверьте, это не витийство красноречия.

– *Недосказанность отдает велеречивым смыслом... Но вернемся к литературе, в которую Вы пришли в 70-е. Литературная нива той поры и дня сегодняшнего – Ваша сравнительная оценка?*

– В 70-е годы государство и общество проявляли к литературе не только познавательный интерес, но и серьезную заботу. Просвещение было потребностью духа. Талант возносился на должную высоту. Художественное братство кормилось не баснями, как тот соловей, а плодами творческого труда. Союз писателей проводил колоссальную работу по привлечению начинающих литераторов. Молодым оказывалось материальное подспорье.

Видите ли, все зиждилось на приоритетных принципах государственного устройства, литература народов СССР, наряду с русской литературой, несла миссионерские лавры духовно-нравственных ценностей. Пристальное внимание уделялось переводам на русский и другие языки, что, в свою очередь, способствовало взаимообогащению культур.

Нынешний литератор, уповающий на собственную кубышку, вынужден ограничиться самиздатом. Вот и посудите... Ухватом коммерсанта изгоняется творческий наш брат.

– *Изгойство... Это стена?*

– К сожалению. Но в диалектике социальных отношений заложена динамика преодоления. Оправившись, литература способна изыскать мысль и пройти сквозь эту стену. Как подобает...

*Руслан Ацканов с друзьями.
С л е в а   н а   п р а в о: Р. Ацканов,
Дж. Хаупа, З. Тутов*

– *В сонме разноречивых суждений о нашей литературе нередко звучит констатация ее застойного штиля. Ваше мнение?*

– Окололитературные кривотолки и судачества людям свойственны. Скажите, каким образом можно разглагольствовать про то, что не прочитано тобой?! Разве что в порядке поддержания полусветской беседы... Шедевры не рождаются ежедневно. И важно не количество новинок, а глубина новизны творения.

В современной адыгской литературе наблюдается отрадное явление – некая здоровая самобытная поросль. Я от души приветствую эту тенденцию.

– *Мне приходилось читать аналитические труды профессора Н. Шогенцуковой, посвященные Вашей поэзии. Любопытный штрих – сопоставление стихового образа неизбежной смерти с неизжитой жаждой жизни. В противостоянии этих двух концептов насыщается образ пронизывающего жизнелюбия. Возможно ли зарифмовать подобное эфемерное ристалище?*

– Нина – пронизательный исследователь. Она обладает удивительной способностью «расколдовать» ворожбу моего слога и с филигранным изяществом выпростать потайной нерв песенной тоски.

А что есть жизнь? Кто бы ответил! Бесконечная трансформация души в лабиринтах Вселенной... Мир непознаваем? А непознанное завораживает! Душа творит в мирах. В подобном творении – бытие.

– *А быт? Какие они... Ваши будни?*

– До банального милые. Занимаюсь любимым делом. Забочусь о ближних. Радуюсь потомству. Семья – верный оплот моего естества. Счастлив в общении с друзьями.

– *Засим, когда и где Вас посещает Муза?*

– Под открытым небом... когда брожу. Парк, тихие и не совсем тихие улицы. По-разному... Бумага на письменном столе – финальный атрибут. На ней я пожиная возвращенное.

– *Поэт несет в себе бремя трагизма мироустройства. Каково ему с такой ношей?*

– Своей ноше и слово – свое. Отдает слову. Отпускает в стих. Благодарить подобного спасения дарована только поэту, ибо он в своем «болении чужой болью» горько одинок в собственной, никому неведомой безумной боли. Не каждый чует поэзию, равно – как и поэта. Однако покуда в мире хоть одна-единственная душа пребывает в поисках одинокой песенной свирели, Поэту – хранителю искомого – будет отпущено Слово.

– *Сотни стихов, несколько поэм, около 300 сонетов, рассказы, новеллы, лермонтовские кавказские поэмы, переложенные на адыгский – в таком жанровом многоголосье Вы вступаете в галантный юбилей. Поверьте в чудо: на пороге – посул заветного желания?..*

– Мне бы подорожную... к моей излучине...

БОСОНОГАЯ ЛЮБОВЬ*Новелла*

Я притаился в углу, не спуская глаз с корыта, один край которого подпирает приставленная щепка. Как только рассыпанные мной зерна под нехитрой ловушкой заманят воробья, я, дождавшись удачи, тут же готов дернуть за нитку, привязанную к щепке. Надежды уже почти не оставалось, когда какой-то бесхитростный воробышек подлетел к корыту и принялся за еду. Это мне и нужно было. Я быстро тяну нить – и добыча надежно прихлопнута.

Засовываю руку под корыто и извлекаю оттуда птицу. Осторожно сжимаю ее теплое тельце, сердце бедной пленницы колотится и рвется из груди, пальцами отодвигаю пленку закрытых век и заглядываю в ее помутневшие от страха глаза, и только теперь начинаю осознавать свою вину перед ней. «Не убивайся, слабачок!.. – шепчу воробью, – сейчас выпущу, дай только поближе разглядеть тебя, узнать. Ведь тебе дано то, что недоступно мне». Но разве перепуганной небесной жительнице понять меня – сердце разрывается в ее груди!

В это время в верхней части села слышатся скрип телеги, лай собак, шумная разноголосица детской ватаги – верный признак появления в селе чужих. Подбрасываю обомлевшую птаху в небо и мчусь на улицу.

По пыльной дороге тащится одноконка. Тощая лошадь еле переставляет ноги. Погоняет лошадь мужик с бледным лицом, надвинутая кепка прикрывает его глаза. Отпустив поводья, он сидит спокойно, глядя прямо перед собой, безразличный к гомону вокруг него. Сзади на перевязанных вещах сидит смуглая девочка с большими глазами. Я встречаюсь с ее грустным взглядом, что-то вспыхивает во мне. В телеге среди прочего, еще находится коза, с каким-то высокомерием задирающая сверху голову...

Чуть приотставая от других, я тоже плетусь за телегой. На краю села телега сворачивает во двор «заброшенного дома». Да и какой это был двор – ни ворот, ни забора...

Эта мазанка с соломенной крышей опустела давно. Поговаривали, будто бывший хозяин домика ушел с немцами. Никто толком не мог объяснить, почему туда не селятся люди. Мы, ребята, обходили этот двор стороной; нас стращали тем, что в этом запустенье водится нечистая сила. А теперь туда заехала повозка, да еще вместе с девочкой!..

Мы застыли, как вкопанные; словно на краю пропасти, прищуриваясь, заглядываем за таинственную черту двора. Девочка спрыгивает с телеги, перекидывает через свое хрупкое плечо руку мужчины, бережно опускает его на землю, усаживает на траву.

Обнаружив, что у мужчины нет обеих ног, потрясенный, бегу домой с новостью о незнакомцах, расположившихся во дворе «заброшенного дома». Плохо соображаю, о чем говорю, отец непонимающе смотрит на меня, я сбивчиво повторяю все сначала...

Возвращаюсь вместе с отцом, но к дому близко не подхожу, хотя и испытываю приятное чувство гордости за отца, не побоявшегося войти во двор дома, где обитает нечистая сила. С поднятой головой направляюсь к друзьям.

Отец присаживается на корточки рядом с незнакомцем, беспомощно сидящим на траве, здоровается с ним и они начинают разговаривать. Девочка молча разгружает телегу, ставя вещи на траву. Отец поворачивается к нам и зовет меня. Я не могу сдвинуться с места, ноги просто подкашиваются. Меня парализует страх, с самых ранних лет нагнетаемый легендами о «заброшенном доме».

Отец зовет снова, и я (что мне остается делать!) обреченно двигаюсь к нему. Видимо, я очень бледен, отец спрашивает, не приболел ли я? Убедившись, что со мной все в порядке, отец просит меня помочь девочке разгрузить телегу, а сам направляется к полуразвалившемуся дому, осматривает его изнутри и снаружи. От волнения я даже не вижу, что снимаю с телеги. Только постоянно думаю о той темной нечисти, которая может расправиться с любым, о чем часто слышал от бабушки.

Отец гладит девочку по голове, снимает с телеги козу, затем распрягает лошадь и отпускает пастись.

Когда я с отцом (его рука лежит на моем плече) выхожу со двора «заброшенного дома», вид у меня самого храброго человека на свете.

Не прошло и получаса, как отец собрал людей со всей окрестности. Кто нес стекло, кто кусок доски, кто пилу – никого не было с пустыми руками. К вечеру «заброшенный дом» приобрел жилой вид. Мужчина, которому каждый хотел хоть чем-то помочь, сидел на траве, рукавом вытирая неудержимые слезы.

Наступившей ночью уснуть я не мог. Перед глазами неотступно возникал безногий человек, неуклюже сидящий на земле, снизу вверх глядящий на окружающих. То он превращался в птицу с перебитыми крыльями, мучительно пытающуюся оторваться от земли, то в рыбу, задыхающуюся на берегу. Мне хотелось облегчить его страдания, но дотянуться до него было невозможно.

Образ девочки ускользал от меня. Ведь я так и не осмелился посмотреть на нее.

Я пробовал выведать у отца, откуда эти незнакомцы, приютившиеся в «заброшенном доме», но из этого ничего не вышло. Он и сам, пожалуй, этого не знал.

Я не скрывал радости оттого, что слухи о джинах, хозяйничающих в «заброшенном доме», оказались нелепыми небылицами. Теперь я с

чувством превосходства поглядывал в сторону бабушки, стращавшей меня этой выдумкой, словно и прежде ничуть не боялся. Бабушка в ответ улыбалась какой-то загадочной улыбкой.

Солнце уже поднялось над горой. Отпиваю парное молоко, налитое мне матерью, и собираюсь улизнуть на улицу, но бабушка, завершающая намаз, подзывает к себе. Иду неохотно, заранее зная все, что она скажет: о том, что надо постоянно помнить об Аллахе, что на плечах у нас неотступные ангелы, на одном – запечатляющий на особых скрижалях все добро, творимое нами, на другом – запечатляющий зло. По этим записям с каждого спросится после смерти.

Бабушка делала все, чтобы я жил безгрешно на этом свете. Я старался быть внимательным к ее словам, но не всегда успешно, а уж как доходило до исполнения, тут и совсем все из головы улетучивалось.

И сейчас я терпеливо соглашаюсь с бабушкой, но тут же, соврав, что мне надо гнать корову на пастбище, выскакиваю на улицу. Добегаю до «заброшенного дома» и в нерешительности останавливаюсь. Прежнего страха нет, но что-то тревожное еще сохранилось.

Девочка сидит посреди двора, доит козу.

– Чем занимаешься?.. – спрашиваю.

– Не видишь, что ли, сено кошу, – отвечает.

Некоторое время стою в замешательстве, Закончив доить козу, девочка уходит в дом. Коза, опустив голову, выставив рога, нацеливается на меня, будто недовольна незванным гостем. Я пячусь назад, затем даю стрекача. Знаю, что мальчишки, если видели мое бесславное поражение, засмеют меня. Оглядываюсь – вокруг ни души. Спасибо и на этом!

То был грустный день для меня. Необъяснимая тоска томила меня, мешала вздохнуть свободно. К вечеру тоска стала невыносимой. Бабушка беспрестанно кладет руку на мой лоб, тревожась, не заболел ли я. Ухожу в свою комнату, не выношу, когда меня жалеют. Засыпаю, не раздеваясь. Во сне вижу девочку, живущую в «заброшенном доме». Она въезжает в наш двор, оседлав козу, коза почему-то ржет, как лошадь, встает на дыбы, сбивает корыто, которым я подстерегаю птиц, корыто, как стекло, рассыпается на сотни мелких осколков...

Весь следующий день я провожу в своем дворе. Собственная голова кажется мне пойманной в тесную клетку. Корыто убрал подальше – оно без конца попадалось на глаза, раздражая и зля. «Подумаешь, девчонка не стала разговаривать со мной, беда большая!..» – уговаривал я себя.

Два-три дня я страдаю, но время все стирает.

Утром бегу к речке. Вдруг замечаю: на берегу стоит одноконка, которую я отличу от тысячи других. Не удержавшись, поворачиваю туда.

Безногий мужчина, сидя в телеге, кнутом показывает на камни, девочка таскает их к телеге. Мигом оказываюсь рядом, хочу взять у девочки тяже-

лый валун, но она не выпускает его из рук. «Ничего, детка, пусть подсобит», – доброжелательно вмешивается мужчина, девочка нехотя отдает мне груз. Впервые вижу ее так близко. Личико бледное, под большими черными глазами проступают синеватые круги – следы усталости, курносенькая. Пухлые губки выдают своенравный характер. «Чего уставился, кидай камень в повозку!» – одергивает она меня тонким, но твердым голосом.

Теперь ежедневно, едва увижу одноконку в долине реки, бросаюсь туда помогать девочке. Я даже имя ее уже знаю. Дизой зовут. Слышал, как отец окликал ее.

Каждый день мы привозим одну телегу камней. Я все собираюсь спросить Дизу, для чего им нужны эти белые камни, да еще в таком количестве, но не решаюсь: боюсь, она опять ответит какой-нибудь насмешкой.

Однажды я не обнаружил утром одноконку в долине реки. Прождав до полудня, встревоженный, отправился к «заброшенному дому». Диза на пригорке у дома сосредоточенно копает какое-то углубление. Пытаюсь взять у нее лопату, но бесполезно. Пулей лечу домой и возвращаюсь с лопатой. Встаю возле Дизы и начинаю копать, все точь-в-точь, как она. Она молчит, не проронит ни слова. Злюсь на ее заносчивость, про себя решаю, что ноги моей здесь больше не будет, но когда встречаюсь взглядом с ее изможденным бледным лицом, ругаю себя за глупые мысли.

Копаем до сумерек. Я трудился изо всех сил, думая, что Диза испытывает мою выносливость. И как она сама не уставала, такая хрупкая, а столько в ней упорства.

Но вот положила лопату, села на нее. Я тоже сажусь напротив, неподалеку, руками старательно прикрывая синяки на сбитых босых ногах. Отрывая обрубок тела от земли, передвигаясь с помощью рук, к нам приближается отец Дизы, заглядывает в яму, оценивает работу. Вижу его со спины, кажется, будто он по пояс ушел в землю. Становится тягостно от этих мыслей.

Отец Дизы доволен. Яма вырыта, по его словам, что надо, она защищена от ветра пригорком. Понятно, что Диза не в первый раз копает такую яму.

Отец Дизы подбирается ко мне, что-то говорит, одобрительно гладит по голове. Чувствую запах табака и земли. Не решаюсь глядеть на него, чтобы так близко не увидеть его культи.

Как раз в этот момент меня зовет отец. С облегчением вскакиваю. Иду, пряча за спиной лопату, но отца, конечно, не проведешь. Молчит, тень улыбки скользнула по его лицу... Он все понял.

На следующий день мы выкопали еще одну яму, но уже в углу двора. Диза все так же не раскрывает рта. Целый день помогаю ей. Так и не осмеливаюсь лезть к ней с вопросом, зачем нужны эти приготовления.

Устало возвращаюсь домой, меня окликают друзья, играющие на лужайке, спрашивают, куда я запропастился. Безо всякого желания поворачиваю к ним, почти валюсь на траву. Мальчишки носятся, горланят, увлеченные игрой. Темнеет, майские жуки гудят, пролетая над головой. Как я их когда-то мучил! Собирал в шапку и колотил палкой. Теперь замечаю, как мне их жаль.

Поднимаюсь и медленно иду домой, не отзываясь на голоса друзей. Бабушку застаю за намазом. Знаю, что не положено шастать мимо молящихся, в ожидании остаюсь сидеть на деревянном порожке. Дверь приоткрыта, и я слышу слабый шепот бабушки. От земли до небес сплошная тоска.

Бабушка завершила намаз, поднялась с колен, все еще продолжая беззвучное шептание. Прошмыгиваю около нее, пробираюсь в свою комнату и залезаю в постель. Пытаюсь представить, что записывают ангелы, расположившиеся на плечиках Дизы, с этими мыслями погружаюсь в сон.

Всю ночь мне снится Диза. На ее плечах восседали ангелы – на одном плече светлый, на другом – черный. Ангелов я вижу ясно, а вот лицо Дизы – смутно. Я придвигаюсь поближе и столбенею: ангелы испарились, а на месте светлого ангела пристроился серенький воробышек. Я узнаю его, и озноб охватывает все мое тело – это же он, мой пленник. Он смело сидит на плече Дизы, словно дразня: «Попробуй теперь меня поймать!..» У меня онемел язык, я не могу выговорить ни слова, только губами шевелю, как рыба...

Утром иду к «заброшенному дому», снова и снова переживая в памяти свой сон. Диза складывает камни в яму, ту, что под пригорком. Хватаю камень побольше и несу. «Ты подноси, а я буду укладывать», – говорит она. Счастливый, что Диза заговорила, бегом подтаскиваю камни.

Уложив их, начали подкладывать заранее припасенные дрова. Я никак не возьму в толк, чем мы занимаемся, но не лезу с расспросами.

Камни выложены так, что под них снизу удобно класть дрова. Здорово же у нее это получается!

Положив как можно больше дров, Диза обливает их керосином и поджигает. Сухие поленья мгновенно вспыхивают. Пламя так полыхнуло, что охватило камни даже сверху. Иногда Диза подбрасывает дрова. «Осторожно, – предупреждает она, – камень может лопнуть от жара и осколком поранит тебя».

Несколько часов Диза поддерживает огонь, я таскаю дрова. Но вот она говорит «достаточно» и уходит в дом, даже не попрощавшись. Я сижу, пока не гаснет огонь и ухожу, размышляя о странном занятии Дизы.

Узнал я это на следующий день. Я проспал и поэтому поздно пришел к «заброшенному дому», Диза уже перенесла обожженные накануне камни в другую яму, которую мы приготовили в углу двора, и сейчас заливала их водой. Я стоял, позабыв о своей добровольной роли помощника – столь удивительное зрелище открывалось моим глазам.

Твердые камни трещат по швам, рассыпаются, превращаясь в густое белое месиво. До чего непостижим этот мир: и мощь, и беспомощность его в одном гнезде...

Сельчане, прослышав, что обитатели «заброшенного дома» продают известь, поспешили туда. Я тоже бегу. Диза сидит возле глубокой ямы с белой массой, ковшом на длинной ручке зачерпывает известь и по очереди наполняет ведра, подставляемые женщинами. Деньги отдают отцу Дизы, сидящему поодаль на траве. Диза даже не взглянула на меня, словно не была со мной знакома, хотя я всячески старался обратить на себя внимание. Обиженный, сажусь в сторонке, незаметно слежу за Дизой, не понимая, почему моя душа так прилипла к этой смуглой, неприметной на первый взгляд девчонке.

Как раз в этот миг во двор входит моя мать, держа в руках два ведра. Я растерянно вскакиваю. Когда очередь доходит до нее, Диза наполняет ее ведра, и, не поворачивая головы, говорит отцу, чтобы он не брал платы. Но мать молча развязывает носовой платок и достает оттуда деньги, она не догадывается, за что ей такое предпочтение. Мужчина отодвигает ее протянутую руку. Убедившись, что денег с нее не возьмут, мать уходит со словами благодарности. Я бросаюсь вслед за матерью, чтобы помочь ей нести ведра. Я разбит и подавлен. «Долго ты будешь стоять с таким тяжелым ведром, поставь его!..» – вздрагиваю я от маминого голоса.

Я уже несколько дней не видел Дизу, повода для встреч больше нет. Мне невыносимо, стал раздражительным, родители обеспокоены моим состоянием. «Она рассчиталась за мое участие и отвергла деньги моей матери, как она так могла?» – мучил меня вопрос, этим она дала понять, что мы посторонние люди.

Я непременно должен был увидеть ее, эта потребность нарастала час от часу. Я не сомневался, что при встрече с ней у меня отнимется язык, что она снова уколется меня обидным словечком, но еще тверже знал, что не смогу жить, не повидав ее. Мысль эта еще была непривычна для меня, я сам боялся признаться себе в этом...

Спускаюсь к речке и жду – должна же она прийти за водой. Потерял всякую надежду, вздрагиваю на каждый шорох. Вот и она, вприпрыжку спускается с горы, в одной руке держит два ведра, в другой – изукрашенное цветами коромысло. Сердце мое готово вылететь из груди. Вспоминаю несчастного воробышка, его сердце так же билось...

Диза делает вид, будто не замечает меня, напевая какую-то песенку, набирает воду и уходит. «Диза!» – зову я ее и не узнаю свой голос. Диза неохотно останавливается и, перекладывая коромысло на другое плечо, оборачивается ко мне, устремляя на меня равнодушный взгляд, словно подгоняет: «Ну чего тебе, говори поскорее?». В это мгновение я впервые пережил чувство, будто утратил нечто такое, что никогда уже не повторится...

Покраснев от стыда, подхожу к Дизе. Пробую забрать у нее коромысло с ведрами, но она не отдает. Своими тонкими длинными пальцами касается моих кудрей, затевая непонятную хитрую игру. Первый раз замечаю на лице улыбку, но эта улыбка не утешает меня, в ней сквозит скрытый холодок. «Интересный ты, – начинает Диза, растягивая слова и дразня своей игрой, – сам не ведаешь, чего хочешь». Затем добавляет самые беспощадные слова: «Маленький ты еще, а спешишь. Не понимаю, куда это вы, мальчишки, так торопитесь, как будто боитесь опоздать стать взрослыми!» Сказала и ушла, сутулясь под тяжестью ведер. Я провожаю ее взглядом и не могу поверить, что она может быть такой жестокой.

Подавленный случившимся иду домой. Густая и горячая дорожная пыль обжигает мои босые ноги. Вся радость ушла из жизни. Наконец-то мне ясно, что Диза приняла меня за ребенка. Сама-то старше на год-два, не больше. А может быть, я прожил этот год-другой, разделяющий нас, всего за один день? И я решил доказать ей, что вовсе не тот, за кого она меня принимает.

В кусте крапивы около дороги замечаю «игрушку», которой развлекаются молодые ребята – кто-то здесь ее припрятал. Это алюминиевая тарелка, продырявленная, как дуршлаг, и сплюснутая так, что в нее можно насыпать измельченную резину. Тарелка-снаряд прикрепляется к длинной проволоке. Обливаешь керосином заправленный резиной снаряд, поджигаешь, крутишь на проволоке изо всех сил и, раскрутив, бросаешь как можно выше и дальше. Те, кто постарше, устраивали, таким образом, огненные соревнования по ночам, а мы, малышня, бегом возвращали им обратно их зловещее «развлечение», от которого на траве оставались черные выжженные круги. Мне никогда не нравились эти «забавы», но участвовать в них приходилось, чтобы не прослыть трусом...

И вот сейчас, казалось, сама судьба подсказывала мне, как убедить Дизу, что я тоже мужчина. Я так высоко запущу огненный диск, что она замрет от удивления. Только бы поскорее дожидаться ночи. Наконец, дрожащими руками я зажигаю спичку. Тарелка вспыхивает ярким огнем, вокруг начинает гореть трава. Беру конец проволоки и что есть мочи раскручиваю «снаряд». Со свистом рассекая воздух, огонь становится все ярче и неукротимей. Набрав нужную скорость, выпускаю рвущуюся из рук проволоку.

То, что произошло вслед за этим, никому не приведи пережить. Едва вырвавшись на свободу, огонь, пролетев немного, неожиданно меняет направление и устремляется в сторону дома Дизы, короткий непоправимый миг – и соломенную крышу охватывает пламенем...

В мгновенье ока я уже у себя на пороге. Ору сидящим за чаем родителям: «Дом Дизы горит!» Перепуганная бабушка хватается за голову. «Кто такая Диза?» – спрашивает она и притягивает меня к себе, словно

ограждая от опасности. Отец хватается вилы и бежит со двора. Мать спешит за ним, прихватив в коридоре ведро с водой. Я стою во дворе, не могу сдвинуться с места, голова идет кругом, пульс такой, что, кажется, слышен за версту. Мысленно тороплю родителей: скорее, скорей же!.. Забиваюсь в угол, в котором подкарауливал птиц, и начинаю плакать, теперь я прячусь от самого себя.

Слышу голос отца, видать, дела мои плохи. Конечно же, он понял, что пожар на моей совести.

– Вот сорванец, оставил семью без крыши над головой, – негодовал отец, – я уж просил их перебраться к нам на ночь, но они отказались, решили спать на траве.

«Все дети проказничают, не трогай его, всю жизнь на душе у ребенка обида будет, все равно они здесь надолго не задержались бы», – уговаривала мать, но отец прикрикнул на нее и она умолкла.

«Диза не погибла!» – охватила меня радость. Теперь я ничего не боюсь, пусть выплет отец, главное – она жива.

Я чуть слышно проскальзываю в свою комнату и забираюсь в постель. Лежу в ожидании возмездия, сейчас войдет отец с ремнем в руках... Стискиваю зубы. Но отец не заходит. Это страшнее любого наказания, лучше уж высек бы.

Всю ночь я не находил себе места, будто душа была обожжена огнем. Выхожу утром с опаской. Через окно вижу: одноконка стоит у наших ворот. Испуганно отступаю назад, прячусь за занавески.

Отец выходит из курятника с двумя большими индюками, перевязав им ноги, он кладет птиц в телегу, затем из-за пазухи вынимает какой-то сверток и протягивает отцу Дизы. Тот не берет, отец насильно втискивает ему в руку сверток. Я страдаю от сознания, что отцу неудобно из-за меня.

Телега, скрипя, трогается с места. Я выбегаю во двор, через плетень перелетаю в соседний огород и сквозь густые стебли кукурузы бегу за телегой. Горит лицо, обожженное острыми кукурузными листьями. Телега надрывается стоном вместе со мной, лошадь тоже медлит, идет неторопливо, словно продлевая мои переживания. Диза сидит в телеге, поглаживая худыми руками козу. Я никогда не видел Дизу такой печальной.

Когда телега поравнялась с поворотом, я отчаянно кидаюсь, почти падаю на плетень. Я вытягиваюсь насколько возможно, но не знаю, заметила меня Диза или нет.

Телега исчезает за поворотом, я медленно и устало сползаю с плетня, слезы стоят в моих глазах и горло сжимает подступивший ком.

Серенький воробышек вспархивает на плетень и поглядывает на меня, наклонив голову. Он, как капля воды на другую, похож на моего пленника. Глядит, глядит на меня и взмывает вверх. Трудно понять, злорадствует ли он над случившимся, или сочувствует мне...

Перевел с кабардинского Геннадий Красников

Жанна КУЛИЕВА,
кандидат филологических наук

ИСКРЕННОСТЬ И ГЛУБИНА ПОЭЗИИ АСКЕРА ДОДУЕВА

Поэт большого оптимизма, умеющий трезво оценивать окружающую действительность, Аскер Додуев, по словам его коллег, – это художник весёлого нрава, доброжелательный и живущий с большой верой в доброту людей. Его произведения вошли в школьные и вузовские учебники.

Родился он в 1953 году в Казахстане – в с. Тельман Талды-Курганской области. После реабилитации балкарского народа в 1957 году вместе с родными вернулся в Кабардино-Балкарию. Окончив Шалушкинскую среднюю школу, в 1969 г. поступил в КБГУ на математический факультет. С 1971 по 1973 гг. находился на службе в армии.

Аскер Тауканович Додуев

После окончания университета работал преподавателем математики в Шалушкинской средней школе. В 1983 году Аскер Додуев переходит на работу в журнал «Минги-Тау» редактором отдела поэзии. Работал на Кабардино-Балкарском телевидении в должности редактора художественного вещания, был ответственным секретарём Союза писателей КБР. В настоящее время Аскер Тауканович является главным редактором журнала «Минги-Тау».

В литературу А. Додуев пришёл в конце 70-х годов. Его стихи появляются на страницах журналов и газет. После выхода в 1980 году первой книги стихов «Къарда баргъан» («Идущий по снегу») он сразу привлёк к себе внимание и критики, и читателей. Этому способствовали ярко выраженный национальный характер творчества и индивидуальность поэтического мышления молодого поэта, отсутствие в его поэзии банальных перепевов того, что было сделано до него в балкарской литературе. В эту книгу вошло всё лучшее, написанное автором за предыдущие годы. Это лирика, элегические размышления, стихи патриотического звучания. Поэзия А. Додуева отличается глубиной, искренностью, взволнованностью интонации. Поэт философски осмысливает действительность, и это налагает особый отпечаток на его стихи.

В 1984 году выходит второй сборник его стихов «Жолда» («В пути»). Тематика стихов, вошедших в это издание, разнообразна. О чём бы ни писал поэт, ему удаётся, никому не подражая, высказать своё понимание жизненных явлений, свой взгляд на суть вещей. Единство формы и содержания – отличительная особенность стиха А. Додуева. У каждого поколения свои представления о счастье, жизни и любви. Автор чётко и ясно отражает в своём творчестве все устремления народа. У него собственный взгляд на происходящие процессы в жизни как страны, так и отдельных людей. Автор освещает все эти проблемы глубоко и в присущей только ему манере. Его поэтическую речь обогащают неожиданные сравнения, метафоры. Язык его произведений ярок, сочен, колоритен. Размышляя о судьбах людей, об их жизни, Додуев не даёт готовых ответов на неизбежно возникающие вопросы, а приглашает к размышлению.

В 1988 году выходит сборник Аскера Додуева на балкарском языке – «Черек», свидетельствующий о творческом росте поэта. В 1998 году увидел свет ещё один сборник стихов Додуева «Бетден бетге» («Лицом к лицу»), в который вошли стихи и поэма под одноимённым названием. В это издание поэт включил всё лучшее, написанное им за последние годы. Эта книга – свидетельство творческой зрелости автора, ею он ещё раз доказал, что – поэт интересного, неординарного дарования. В книге автор размышляет о своей жизни, о судьбах своей страны и современников.

Любовь к родной земле, к природе занимает большое место в лирике Аскера Додуева. Человек и природа, их взаимоотношения волнуют поэта, он относится к природе как к чему-то живому. И как у всякого поэта-лирика многие строки посвящены у него любви, воспеванию женской красоты, её таинству.

Не менее ярко выражены в творчестве Додуева патриотические мотивы. И это не просто заклинания на заданную тему, а действительно чёткая позиция поэта-гражданина.

Конечно, в его творчестве не обойдена и трагедия незаконно депортированного балкарского народа. Он нашёл трагические слова для выражения щемящей и незабываемой боли от этого чудовищно несправедливого надругательства над своим народом.

Лирико-философскую поэзию Аскера Таукановича отличают чёткость и новизна формы, взволнованность чувств, своеобразие поэтической мысли, тонкий психологизм. Безусловно, ему предстоит долгий путь в литературе, он в расцвете творческих сил. Наступила зрелость, а значит, придут ещё большие удачи и свершения талантливого балкарского поэта.

Аскер ДОДУЕВ

А. Т. Додуев – автор десяти поэтических сборников и более 1000 телевизионных передач и телевизионных фильмов, также он является автором проекта ТВ КБР «Венок дружбы» (1992 г.). Печатался в центральных СМИ Москвы, Анкары, Казани, Уфы, Ташкента, Баку, Бишкека, Алматы, Софии, Владикавказа, Махачкалы, Назрани, Грозного, Элисты и др.

В приложениях к журналу «Минги-Тау» в переводах Додуева печатаются сборники стихов на карачаево-балкарском языке: Михаила Лермонтова, Сергея Есенина, Мусы Джалиля, Габдуллы Тукая и др.

Удостоен почетных званий «Народный поэт КЧР», (2006, г. Черкесск), «Человек науки, культуры, искусства тюркского мира (2014, г. Эскишехир, Турция), почетный академик АМАН (Адыгская Международная Академия Наук, 2016, г. Нальчик).

Награжден высшей наградой КБР (Почетной грамотой Главы КБР), грамотами Правительства КБР, Парламента КБР, СЖ РФ и др.

Лауреат премий СЖ КБР (2004, 2005 г.), Правительства КБР (1998 г.), IV Международного литературно-музыкального фестиваля Дружбы народов «Белые журавли России» (Москва, 2014 г.).

Избирался депутатом Парламента КБР IV созыва (2009–2014 г.).

Просьба

Свой тяжкий груз
Я сам в горах ношу,
А потому
Всевышнего прошу:

Не надо возвращать
Меня к своим,
Я пропастью бездонной
Стану им.

По бездорожью
Я всегда иду,
И раздаю
То радость, то беду.

А для тебя
То нет меня нигде,

То появлюсь
На время в суете.

Что встречу дальше?
Дайте мне ответ.

Не предлагайте счастья –
Счастья нет.

И я здесь лишний,
И уйду за край,
Но то, что взял с собой –
Не забирай.

Душа покоя просит –
Не дано

Принять ей,
Что давно предreshено.

И прежними останутся,
Пускай,
И эта жизнь,
И этот чудный край.

Под тяжким грузом
Я в горах иду,
И раздаю
То радость, то беду.

Лишь кровь моя
Пусть греет землю ту,
За то, что я по ней
Опять бреду.

Не стоит возвращать
Меня к своим:
Я гибельной тесниной
Стану им.

Я счастлив тем,
Что мне досталась роль
С собою унести
Чужую боль.

Но только дай мне
Силы на пути
С собой все эти беды
Унести.

Не жалею меня

Буран меня хватает за грудки,
И холод скалит волчьи клыки.
Надежда так наивна и глупа –
Ведь впереди отвесная тропа.

Но почему я вспомнил в эту ночь,
Как ты мою весну прогнала прочь?
Тогда ты отвергала наяву
Все, чем я жил и до сих пор живу.

Теперь зиме морозной не уйти,
А я к вершине, скрытой впереди,
Шагаю так, как будто этот склон
Мне снился прежде, чем я был рожден.

Во власти льда и холода мой ад,
И в том аду я вечный аманат.
Огонь мечты мой путь не озарит:
Куда б ни шел – ступаю на гранит.

Стать камнем очень просто, если зло
В твоей душе корнями проросло,
А человеком быть – нелегкий труд,
Коль беды за тобой во тьме бредут.

Лишь солнце принесет с собой тепла,
Лавинами разрушится скала,
И, значит, не жалея меня вдали,
И оттепели гибельной не шли.

Засуха

Я верю всем, кто встретится в пути,
Когда из жизни хочется уйти,
Но день унес с собой чужую грусть,
И вслед ему я с болью улыбнусь.
Когда вокруг бездолие и разор,
Подачки брать – невиданный позор.
Пусть все богатства под ноги бросят мне,
Не прикоснусь – останусь всех скромней.
Опять источник радости зачах,
В глазах тоска и тяжесть на плечах...
Чего от человека ждать теперь –
Он сам себе опаснее, чем зверь.
И дальний путь, что битва в недород...
Отнимет силы первый поворот,
И унесет в неведомую тьму
Того, кто близок сердцу моему.
Но все ж безмерно счастье бытия
О прочем лишь тебе откроюсь я,
Еще водой наполнится родник,
И грома ты услышишь громкий крик.
Когда огнем пылает небосвод,
Мы ждем: он влагу полю принесет,
А если молнией ударит вдруг,
И вдруг по полю стелется пожар.
Сгорает все, и не вернут дожди
Нам урожая, сколько их ни жди.
В напрасном ожиданье – малый прок,
Но где-то рядом прячется поток...
И пусть нам не видать его пока –
Вдали шумит какая-то река.

Мы теряем

Твой нечаянный гнев до сих пор не утих,
И ты дразнишь меня, говоря о других,
Но не слышу я слов, предназначенных мне,
Только имя твое повторяю во сне.
Ничего я не помню. Что память? – Обман.
И дороги укрыл непроглядный туман,
Лишь терпенье и сердце, сжимая в горсти,
И тебя в этом сердце я смог пронести.
Все улады, что радуют день ото дня,
Промелькнув на пути, миновали меня.
Слишком поздно пришел я к тебе и забыл:
Промедление губит восторженный пыл.
Нет весов, чтобы взвесить былые грехи,
Ведь грехи для любви, как пушинки легки.
Но мы снова порвем нас связавшую нить,
Если станем любовное пламя гасить.
В глупых ссорах растратив себя до поры,
Мы, как прежде, стоим у подножья горы.
У горы одинокой вершина одна,
Но с подножья она никому не видна.

Мой парус

Ты парус мой, а в парусах спасенье,
Когда ветра себя короновали,
И все мои тревоги и сомненья
Порывом унесли в морские дали.

Но образ твой не умещает море,
И преданная память не уместит –
Те алые, безветренные зори,
Когда мы так недолго были вместе.

Ты парус мой! И я взмываю снова
Волне на самый гребень. Ветер воет...
Но забываю, что цепями скован,
И что не властен над своей судьбою.

Из тучи хлещет снегом – дело к ночи,
Где отыскать приют и утешенье?

Крепчает холод, холод снасти точит,
Но нет конца безумному движенью.

Мне в эту ночь не отыскать причала.
Маячит столкновенье любовое:
Пускай к утру я разобьюсь о скалы,
И все тревоги унесу с собою.

Без мачты лодка – это хлам убогий,
Без шторма не бывает океана.
И человек без страсти и тревоги,
Как горные вершины без бурана.

Вечер

З. Забакову

Однажды горизонт пылал закатом,
А я и не заметил на пути:
Так исчезала молодость куда-то,
Чтоб даже ночью в сон мой не прийти.

Но только сон порой бывает вещей,
А ночь бывает явственнее дня,
И я молчу вблизи красивых женщин –
Их чувствам больше не согреть меня.

В их твердом «нет» – величие покоя,
В их «да» – росток моей постыдной лжи...
Но стоит ли о кудрях нам с тобою,
Как о годах утраченных тужить?

Не жаль волос-предателей отныне,
Не жаль того, что исцелит вино,
Арбы, когда-то сломанной в долине,
Дождей, упавших озеру на дно.

Не жалко понапрасну время тратить,
Ведь горизонт не означает край,
И он всегда пылает на закате
Прекраснее, чем в полдень, так и знай.

Ты и я

Что б мы ни делали – все топчемся по кругу.
Поймет любой: старания пусты.
Не в состоянье дать огонь друг другу,
Хороним чахлах отпрысков мечты.

Секрет взаимных чувств уже утерян,
И даже стыд утратил прежний цвет,
Пуская в сердце тех, кто нам не верен,
Мы разрушаем души словом «нет».

Когда надежды прячутся в тумане,
Когда не уменьшаются долги,
Спасительное утро не обманет:
Рассеет мрак, где не видать ни зги.

Пусть жизнь мрачна, но не бывает лучшей,
Смотри, как нам от века повезло:
Ведь мы с тобой несем по горным кручам
Куда-то вверх ее добро и зло.

***

В безумный век духовной нищеты
Деньгам приходит царствовать пора,
И реки, ошалев от тесноты,
Тогда режут с утра и до утра.

Но от чужого злата нет добра.
Богатство – как ущелье среди скал.
Кто был тебе родным еще вчера,
На берегу другом далеким стал.

Верю молодым

От вешних дней нет больше ничего,
Среди людей ослеп я и оглох,
А, может быть, не повстречал того,
Кому свою печаль поведать мог.

До ран моих нет дела – суета
Минуты превращает в горький дым...
Оценят шрамы, значит, неспроста
Я нынче доверяю молодым.

Клад

По сговору невзгоды, не иначе,
В твоём дворе нашли себе приют.
Пусть ждут, что ты устанешь и заплачешь,
Но наших чувств они не украдут.

Настало время сердцу поработать,
Оно важней, чем руки в этот час:
Желания пустые и заботы
Теперь все чаще разделяют нас.

Стоят на небе тучи плотным строем,
Но ветер нам расчистит звездный свет,
И клад мы обязательно откроем
Своим трудом – пути иного нет.

***

Нам дается сполна, но мы больше хотим,
Отвергая друзей, возглавляя раздоры,
А потом, на глазах, превращается в дым
Наша прежняя жизнь из-за сущего вздора.

На земле человек чистотою живет,
Что крови горячее, что звонче азана,
И увидит на небе звезду только тот,
Кто сумеет свой взор оторвать от казана.

***

Не пугай меня адом и болью –
Путь туда я нашел среди скал.
Кто по воле, а кто – против воли,
Всяк из нас в тех краях побывал.

Жили б чище мы, если б не знали
Про клокочущий ад ничего,
А теперь – по нужде ли, со зла ли –
Мы творим друг для друга его.

Но жалеет душа неустанно...
Плачь при свете, не дуй на свечу.
Мне откройся – открытую рану
Я быстрее и верней излечу.

***

Не разгибая спин, не покладая рук
Трудись – на это воля Высшая была.
Известно: чем сильнее согнется крепкий лук,
Тем дальше и верней летит его стрела.

Камень и трава

Упал на землю камень со скалы,
Как срубленная кем-то голова.
Теперь в лощине острые углы
Ему ласкает нежная трава.

Трава не знает, кем тот камень был,
Как проводил бесчисленные дни,
И почему лежит теперь без сил,
Без цели, и без каменной родни.

А прежде ледяному ветру брат
И проливным дождям был камень тот,
Поверил, что стал легче во сто крат,
И ринулся в единственный полет.

Он падал вниз, но прежде, чем затих,
Не ведая о том, кто впереди,
Своих, не замечая и чужих,
Всех разметал без счета на пути.

Но здесь, в лощине, знать не суждено,
Какой дорогой к ним пришел сосед,

С кем он боролся, с кем был заодно,
И осуждать его – причины нет...

Трава ласкает друга своего,
Траве о прошлом думать нет нужды,
Так с тем, о ком не знаем ничего
У нас не будет никакой вражды.

Ирик су

Там, где башни прочны,
Где ущелья темны,
Катит воды Ирик
И ревет, словно бык,
Хочет к морю поспеть
Через горную твердь.

Словно камень, гоним,
Я спешу вместе с ним.
Мне покой и уют
Берега не дают
Отыскать на песке
И забыть о реке.

Я в теснине тону,
Ты – у страсти в плену,
Я вдали от вершин
Пропадаю один,
И чернеет заря,
Ожиданьем горя.

Мы столкнемся с тобой,
Но искру под водой,
Как соринку в глазу,

Не снесет Ирик су,
Чтоб упавших во тьму
Не найти никому.

Время – грозный султан –
Сорвалось без стремян,
Стали злее врага
Палачи-берега,
И теперь в никуда
Нас уносит вода.

Мы с судьбой не в ладу:
Тяжесть губит мечту:
Пересилить тиски
Своенравной реки,
Стать друг другу родней
Среди прочих камней.

Нам к вершинам из тьмы
Не вернуться, но мы
Бросим вызов воде,
Потому что везде
Устоявших на дне
Чтут с горой наравне.

Сотни судеб

С каждым годом оружие сильней,
С каждым днем – неразрывнее строй,
Но мечты к нам приходят во сне
И одна безрассудней другой.

Только много ли проку от грез,
Если в сердце тревожная муть,
Если знать, что коврами из роз
Не был услан от века наш путь.

Наш рассудок оглох и ослеп
И не слышит команды: «Отбой!» –
Вот и бомба, и сотни судеб
Завтра станут одною судьбой.

Град

Испаряется ручей,
Знать, его весенний зной
Жгучей ласкою лучей
К солнцу манит за собой.

А потом бывает жаль,
Но иными нам не стать:
Посмотри, моя душа
Тянется к тебе опять.

Только холод на пути
Превращает воду в лед,
И ручей к земле летит,
И по саду градом бьет.

Чем я ближе, тем сильней
Лютый холод глаз твоих,
И печаль на самом дне
Тихо затаилась в них.

Ну а сад раскрыл цветы
В этом мире в первый раз.
Так легко и я, и ты
Раним тех, кто любит нас.

Град растаял на траве,
Пар исходит от земли,
Мы даем тепло и свет
Тем, кто кроется вдали.

Если сбудутся мечты,
Не во сне, а наяву,
Чьи наивные цветы
Вешним градом я сорву?

Перевел с балкарского Александр Пряжников

Тахир ТОЛГУРОВ

ЗАПИСКИ МЕЛОМ

Рассказы

*...Если вам, как истому джентльмену,
взбредёт на мысль делать записи на
манжетах, вам придётся писать мелом.*

О. Бендер

Клаша с посвистом

На свадьбе у Наташки Таруты самых старших отсадили в отдельный зал. Она сама и её жених, Витька Поливанов, – до тошноты современные. Ни «горько», ни «мороз, мороз!» слышать не хотели. Ну, и свадьба так себе вышла – посидели, попили, вышли, под какую-то попсу потоптались, по домам разбежались. Баб не потискали, драки нормальной не было – стыдоба, можно сказать. А я-то, на первую в своей жизни казачью свадьбу еду, губу раскатал!

Только Клавдия Михайловна скрасила серенькие ощущения от мероприятия. Прабабушка Натальи. Маленькая, выцветшая, ходит, охает, за поясницу, за сердце хватается, каждые двадцать секунд Господа вспоминает. В свидетели зовёт, но чаще просит прощения.

Последние лет пятнадцать она из дома не выходила, однако на свадьбу любимой правнучки выбралась. И первый раз порадовала уже у загса. Метнула полные пригоршни юбилейных рублей, народ посекло, как шрапнелью. Потом шлёпнула на брудершафт с дружками жениха, с его папашей, захмелела, закартавила какую-то пошленькую французскую песенку, чем немало удивила наблюдателей. В конце потребовала «Казачьей лезгинки», даже сама прогорланила с притопом «Ойся, ты, ойся!», и её тут же куда-то уволокли.

Я думал – домой, на отсып. Но потом мы все услышали, как в зале старших грянули «Гарну, кучеряву», и кто-то пошёл с таким посвистом отсекать, что на столах лопались фужеры. Оказалось – пьяная в дым баба Клаша выскочила на стол и, заправив пальцы за зубные протезы, показала высший класс.

Ну, как я и говорил, – ничего больше не было. Гости рассредоточились, прабабку уgomонили, на следующий день Наташка и Витька уехали на море. Нацепили на свою «Бэxu» плакатик «jast married» и укатили. Всё?

Нет. Было продолжение. Клавдия не зря любила Наталью. Чувствовала свою кровь. Разгулялись они в Сочах без берегов, пришлось в ювелирку брошку сдавать. Продали, ещё пару дней гульнули, вернулись обратно, и

тут их на следующий день – цоп! – менты прихватывают. Не простые, а с какими-то аккуратными гражданами в серых костюмах. Молодожёнов обвинили в том, что они неизвестным способом завладели имуществом последней императрицы, пропавшим аж при Временном правительстве.

Именно на этих начальников Михайловна и покусилась. Сняла со стены шашку и попёрла. Работники силовых структур впервые увидели, что такое казачья фланкировка. Удивились без меры, до устойчивой икоты. Пошли на вынужденный компромисс и сели за стол переговоров. Тут всё выяснилось.

Прабабке брошь подарил сам Нестор Махно. Когда она это сказала, серые недоверчиво подняли брови, но буйная старушонка достала четверть самогона и, потихоньку запивая им рассказ, поведала историю своей шальной молодости.

Клавдия Михайловна была учительницей французского в Гуляйполе. С Махно познакомилась сразу после его отсидки, и ходила с Нестором Ивановичем, пока знаменитого анархиста не отбила лучшая подруга. При Клаше батка собрал первые отряды и начал делёж добра по справедливости. Из барей никто особо не протестовал, но один помещичий дом пришлось сжечь. В Весёлом хозяева кончились, там оставалась лишь одна пруссачка – любовница последнего, уже почившего графа. Она наняла немцев из Капустянки-Блуменгарта, и те подняли стрельбу. Когда махновцы взяли имение, ожесточённая фрау подкралась к Нестору со спины и попыталась ударить атамана ножом.

Здесь баба Клаша, уже изрядно накачавшаяся двойным пшеничным, замолчала. Слушатели, сидевшие с открытыми ртами, терпеливо ждали, но увидели, что ветеран анархического движения задремала. Старший из конторских осторожно тронул её за плечо.

– Чего тебе, сыть ты волчья? – старушка потянулась к лежащей на табуретке шашке, опомнилась и заулыбалась. – Ишь, глаза у тебя какие... добрые.

– Дальше-то что было, Клавдия Михайловна?

– А что было? – женщина сухо пожевала губами и покосилась на холодное голубоватое лезвие. – Споткнулась она, бедная, оземь ударилась и преставилась!

...Для Виктора и Натальи неприятности на этом закончились. Больше их не трогали. Баба Клава, охая и причитая, присматривает за первенцем. Она часто поминает Господа – призывает в свидетели и просит прощения. Добавить можно только одно – хозяевами имения Весёлое были украинские немцы Канкрины. Родственники Аделунгов. А Мария Фёдоровна Аделунг являлась особо близкой придворной дамой последних русских императоров. Упаси, Боже! Не об умыкании речь. Но могла же Александра Фёдоровна подарить своей компатриотке и верной фрейлине брошку?

Аномальное место

Атабиевский Мага и Император собрались на рыбалку. Настоящую, минимум, на две утренние зорьки. Меня позвали третьим – часть мероприятия, начинающаяся после ужина или протекающая синхронно с таковым, на двоих не рассчитана. К тому же я – проверенный костровой. Решили поехать на Куру, на водохранилище. Там, по их сведениям, нас нетерпеливо ожидали саженные сазаны и пудовые толстолобики.

Сам я не рыбак, но на Куру бывал – пару раз мы с Юркой Жуковым ездили туда с супругами. Место, облюбованное Юраем, именовалось «Змеиная горка», и мне крайне не нравилось, ибо полностью соответствовало своему названию. Я всяческих безногих рептилий не люблю и боюсь. С другой стороны, это единственная точка на планете, где за мою удочку зацепилось несколько рыбёшек. Жуковское пренебрежительное «Хе, краснопёрки!» впечатления не испортили. Кому и плотва – золотой марлин. Но, понимая смехотворность своего опыта, я молчал в тряпочку.

Однако уже на границе Ставрополя выяснилось, что оба моих бывалых спутника очень смутно знакомы с географией клёвых мест водоёма. Камрад Атабиев трижды выступил в роли провокатора, Хас-Император, взявший инициативу в свои руки, вообще указал дорогу, закончившуюся в чистом поле. Бредовая картина – уверенная грунтовка, она идёт-идёт и заканчивается перед стеной бурьяна, как обрезанная.

В конце концов, пришлось взять слово. Поразмыслив, они решили – там, где мне обломился даже сухой плавник, их ждут косяки непуганой голодной рыбы. И мы выехали на трассу, ведущую к станции Курской. Про себя я думал, что промахнуться невозможно, в крайнем случае, сделаем круг почёта у танка в райцентре и вернёмся на пару километров.

До этого дело не дошло. Старенькую Магину «Бэху» раскрутило на асфальте у Малакановского. После плавного поворота лесополоса на обочине закончилась, шоссе перед капотом стало неожиданно белым и сверкающим, не поняв, в чём дело, Магомед нажал на тормоз, и машина несколько раз развернулась на дороге, как на льду. Как оказалось при ближайшем рассмотрении, это он и был.

Град, выпавший узкой полосой при ясном, без облачка небе, курился паром, между сухим разогретым асфальтом и краем толстого ледяного пласта лежало не более десятка метров, а за кюветом, чуть поодаль от дороги, одинокий пацан дошкольного возраста лепил снежную бабу. Больше всего он походил на отпрыска Эбенезера Дорсета, правда, одетого не столь помпезно. Обтёрханные и явно коротковатые штаны неопределённого цвета являлись единственным предметом его туалета.

Узнав из первых уст, что «казак не мёрзнет», а «Генчик пошёл за морковкой», мы подумали, что статья «оставление в опасности» нам не грозит, и потихоньку двинулись к цели. Благо, двойная вершина Змеиной

горки обнаружилась в полукилометре от рыжего и конопатого поборника казачьих традиций. На место прибыли, рассуждая о необычности столь локального выпадения осадков и ресурсах человеческого тела.

Увлёкшись описанием неприхотливости русских организмов – он знал их возможности по нескольким годам работы в Липецкой области – Магомед съехал к самому урезу воды. Я, выйдя из машины, с сомнением осмотрел спуск и предложил подняться на седловину. Хас колебался, хоть и склонялся в мою сторону. Однако Магу переупрямить трудно. Помимо того, что его фамилия Атабиев, он ещё и старше, он рыжий, усатый, бык, рождённый в год быка, и у него есть подчиненные. Меньше дюжины человек, но и этого достаточно, чтобы уверовать.

Мы так и остались бы на самой кромке, только небо вовремя послало мне сразу несколько знаков. Сначала на пучке травы обнаружился кузнечик, если так можно назвать огромную тварь с талией в несколько сантиметров. Я был рядом, бездумно среагировал на «Лови, лови! Наживка!», схватил это животное, и оно, извернувшись, злобно, до крови, укусило перепонку между большим и указательным пальцами. Затем опасное существо, нервно раздвигая плечами растительность, удалилось вверх по склону.

Мага продолжал настаивать на разведении костра «прямо здесь», но в метре от берега, на листьях шамуры, слегка торчащих над водой, сидела группа комаров. Они деловито протирали крылья и хоботы и незаметно поглядывали в нашу сторону. Насекомые отличались завидным ростом и рельефной мускулатурой; я поинтересовался наличием репеллента и, ввиду отсутствия такового, в ультимативной форме потребовал устройства бивуака на седловине – гнус, как известно, не любит ветреные места. Тут – пусть больно, но весьма кстати – о мою голову разбился орех. С птицами у меня вечные проблемы. На той стороне Куры росло несколько деревьев, и ворона, добыв плод, несла его к шоссе, планируя воспользоваться асфальтом. Теряя провиант, пернатое оказалось слишком метким, зато мой упрямый родственник призадумался и согласился поменять точку.

Наверху я быстро развёл костёр и, подвергаясь насмешкам кузенов, старательно сплясал гадскую топотуху, охватив хореографией большую площадку вокруг огня. На сём мой трудовой вклад в предприятие исчерпался. Пока Атабиевы с Кангаурами ставили палатку и запасали дрова, я, плюнув на их трудовые порывы и искреннее возмущение, взялся за стопочку. Дальнейшее было предсказуемо – вялые хозяйственные, а затем и рыболовецкие устремления братьев разбились о солёные огурцы, и они сели со мной, утешая себя перспективой завтрашней утренней зорьки.

Некоторое время всё было хорошо. Завязался обычный разговор о брюхе Императора, пивном алкоголизме Маги и моих дистрофии, трусости, плаксивости, лени, алогичности, инфантилизме, тепличности,

близорукости, тугоухости, прожорливости, отвратительном отношении к братьям, неумении разводить костры, громком храпе, полной косорукости, невзрачности, общей недалёковидности.

Относительно последнего у меня имелся контраргумент. Я указал им на палатку, которую они старательно конструировали на протяжении часа, сопровождая работы неоднократными ударами опорного столба о свои головы. И напомнил о комарах. Они не вняли.

Потом меня начал беспокоить Император. Этот человек не умеет пьянеть. Когда учредят почётное звание и нагрудный знак «Заслуженная печень республики», он станет первым их кавалером. Однако тут ему подфартило – его развезло. На фоне этого потрясающего факта пламя костра, развернувшееся по-над землёй плоской и почему-то фиолетовой ромашкой, выглядело вполне заурядным.

Затем к нам прискакала огромная пупырчатая жаба. Присела у костра и начала немзыкально квакать. Окрики и пинки никак не действовали на неё, и заткнулась она только после того, как маленькая, плюгавая гадюка, выползшая на свет, привлекла её внимание. Спасая змею, Мага отнёс наглуую лягушку вниз и выкинул в воду. Вернувшись, Атабиев почему-то поинтересовался наличием железнодорожных станций в ближайшей округе. Поиздевавшись над его краеведческим невежеством, мы плавно перешли ко второй литровой «Русского стандарта».

«Смеркалось» было уже позади, но запад ещё светлел. Тосты вплотную приблизились к стандартному «Быть добру!», и здесь над поверхностью водохранилища и ровной ставропольской степью прокатился тяжёлый басовитый рокот.

– О! Я же говорил – железка. Поезд гудит! – встрепнулся Мага. Хотя, согласно моим и Хасовым сведениям, в Курском районе железнодорожное сообщение отсутствовало, какой-то не в меру монументальный локомотив явно приближался к нам с той стороны Куры.

Вслед за этим мы увидели, как на серое небо от воды поднимается плотная чёрная пелена. Беспросветная и гибкая, она неумолимо надвигалась на нас, словно угольный самум, а мы тупо сидели, пытаясь понять, что же она такое. Первым сообразил Император.

– Комары! – и начал спешно паковаться в спальник. Я, доверяя опыту охотника и рыболова, последовал его примеру, а поперечник-Атабиев метнулся в палатку. «Тебе надо было внизу остаться», – злорадно мелькнуло в голове. Потом настал Армагеддон.

Мешок, с полгода валявшийся в подвале Хасанбия, изнутри активно вонял старым козлом и плесенью. Две-три жмени комаров, прорвавшихся в убежище до того, как я успел закрыть «молнию», дипломатию разводить не собирались. Одежда приобрела какое-то эфемерное качество, меня кусали даже сквозь подошвы кроссовок. Кровососы алкали крови, причём алкали её во всех местах – от приличных до самых щепетильных.

Попытки изничтожить врага посредством быстрого ёрзания приводили лишь к редким потерям в рядах супостата и воспаляли его на месть.

Спальник к тому же не только смердел. Он был практически непроницаем для воздуха, и мне приходилось периодически приоткрывать его, чтобы глотнуть кислорода. Каждый раз на фоне смутного неба я видел, как комары, натужно визжа, словно «мессеры», пачками пикируют в микроскопическую брешь к вожделенному мясу, заметьте – моему мясу!

Набрав критическую массу, насекомые, проникнувшие внутрь кокона, вознамерились решить вопрос кардинально и начали выкручивать мне руки, желая полностью лишить меня средств обороны. Я понял, что Хасова стратегия гибельна.

Мне помог Мага. Враги практически одолели его, но, собрав последние силы, он вырвался из палатки и ощупью добирался до машины. Услышав его неровные, сбивчивые шаги, тут же заглушённые восторженной вспышкой комариного гула, я проигнорировал накопленные за годы сибаритства бока и, как Гойко Митич, обратным изгибом выпрыгнул из мешка. Комары отвлеклись, это был мой шанс. Может быть, последний, поэтому никаких мыслей о спасении брата не возникло. Единственное, что смутно пришло в голову – строчка из глубокого детства: «Пропадай-погибай, именинница!».

Ночь прошла в режиме гусарских игр. Шарить по густому бурьяну Змеиной горки руками – вертеть барабан револьвера. Но укус гадюки редко бывает смертельным. Потеря же четырёх литров крови – а эта банда, по моим паническим подсчётам, должна была выпивать четыре литра за пару минут – смертельна на сто процентов. В любом случае – передислокация стала счастливым спасением. Я рвал высокую траву, кидал её в костёр и пару минут отдыхал в густом белом дыму. На добычу новой охалки уходило не более десяти секунд, так что шансы на спасение постепенно росли, что вызывало явное раздражение голодных тварей.

Несколько часов недовольные комары слонялись вокруг огня, громко матерясь и плюя в мою сторону. Мага, вооружившийся чехлом от подголовника, также оказался не по зубам агрессору. В тесном салоне «Бэхи», при резко уменьшившемся притоке подкреплений, кровососы оказались полностью деморализованы и разбиты. Их попытки уволочь вниз по склону Императора ещё раз продемонстрировали мощь человеческого разума – комарам удалось сдвинуть Хаса не более, чем на вершок-другой.

В итоге мы победили. Вампиры, как и положено, рассосались при первых лучах солнца. Продолжения рыбалки, однако, не было. Во-первых, гарантий на вторую викторию не имелось. Главное же – утренние забросы откровенно смешили обитателей водоёма. Они поглощали еду, лёжа прямо на ней. Зарывшись в неё! Мага, после нескольких подходов умудрился закинуть крючок с червяком прямо на лоб какому-то карасю. И был в голос обсмеян предполагаемым уловом и пресыщенными ком-

паньонами этого паршивца. Единственным положительным следствием рыбалки стало пиво, купленное в Курской. Продукт был исключительный, ранее ничего подобного нам не попадалось.

Через неделю Юра Жуков, вернувшийся оттуда же, сообщил, что старое доброе средство против мошки – «Тайга» – комаров не пугает и используется ими для поднятия тонуса. После этого Змеиная горка была окончательно предана анафеме, и история странного места оборвалась, по крайней мере, для меня и моих братьев.

Однако затем я увидел чёрные торнадо из комаров, вздымавшиеся до самого неба. Из окна вагона, где-то в районе Тихорецкой. Потом эти зверюги чуть не растерзали меня и Андрюху на Сырговке под Пинегой. Понятно – Архангельская область, севера... Но мой товарищ сказал, что раньше такого не бывало. На Урале охотники засняли плоское пламя костра зелёного цвета. Где-то в яркий солнечный день выпал град размером с голубиное яйцо. Резко повысилось качество пива. Мы уже начали тревожиться и подозревать худшее, но не так давно по телевизору рассказали, что на Дальнем Востоке огромный кузнечик до крови укусил ребёнка. Якобы впервые за время существования такой науки, как энтомология. Я успокоился – Владивосток же! Всё это пространство не может быть аномальным. Россия слишком большая, жуки здесь испокон веков высиживают яйца, и руководители поворачивают реки. А вкусное пиво... Это же хорошо.

Профессура

У меня отвратительный характер. Все так говорят. Я ссорился даже с родителями. Вот, в очередной раз, не сойдясь с отцом во взглядах на балкарскую лирику, недели две вообще не показывался у него. А сотовой связи ещё не существовало.

Пришёл. Мать сразу набросилась – умрёшь, де, и без сына-подонка похоронят. В чём дело? Отец попал в аварию, чуть не погиб. Где он? В больнице на Пирогова. Иду туда.

Прихожу. Действительно, лицо у Зейтуна Хамидовича, как дом Павлова. Посидели, побеседовали, он рассказал, как пробил лобовое стекло и вылетел на обочину. К происшествию отнёсся спокойно, сознания не терял, мной недоволен, но уже простил. Вроде, всё органично, однако что-то не так. Где-то в его повествовании косош шов идёт. И шрамы на лице не ориентированные – беспорядочными розами. Спрашиваю, с кем был. Оказывается с моими дядьями – с Мусой и Ибрагимом. Тут он как-то неожиданно быстро вернулся к предыдущему нашему диспуту – абстрактные образы в балкарской поэзии 60-х. Явно хочет избавиться от моего присутствия.

Врёт, как сивый аргамак, и боится, что я его раскушу – всегда был неоправданно высокого мнения о моих аналитических способностях. Ладно, пойду, ругаться не будем. Только знай – отвлеченные представления формируются в системах с давней традицией!

Через пару месяцев история открылась. Вот как было на самом деле. Они – действительно втроём – решили отдохнуть. Три профессора, три внука одного деда. Все родились в Быллыме – это Баксанское ущелье. Но Хамид пришел туда уже взрослым. Получается, что на родине своих братьев отец, типа, не коренной.

Понятно, что когда они приезжают в любое село, им тут же режут барана. Особенно часто это происходило в Быллыме, и вот дядья заявляют Зейтуну Хамидовичу, что страсть к халяве пагубна и недостойна, их односельчане уже не одну отару перевели, когда твои на что-то сподобятся? Профессор Кангауров пытался возражать, приводя в качестве довода факт своего рождения в этом же населённом пункте, но аргумент был отвергнут, как недостойный внимания в силу своей ничтожности.

И поехали они в Безенги. Дело в том, что Быллым, как бы ни назывался – Озаруково, Угольный – всегда оставался единым целым. После возвращения балкарцев заселён в своём первоизданном виде. А в верховьях Черёка, кроме Безенги, люди жили сразу в нескольких местах: Верхний Холам, Нижний Холам, Шыкы, Усхур, Жабёво, причём все они в прямой видимости, иной раз камнем добросишь. От Нальчика, может, и не так далеко, но дорога сложная. Не хотели такие сёла восстанавливать, решили расселить людей на равнине, у кабардинцев и казаков.

Многие поехали, но куча народа упёрлась. Сверху, в конце концов, согласие дали, но поднимать все аулы не стали. Так и получилось, что в Безенги мест, чтоб посидеть-погулять, не так много – кругом заброшенные посёлки, иные сакли как вчера покинуты, и трава в переулках, не кошенная с сорок четвёртого, отчётливо посвистывает на ветру.

Отдохнуть можно только в трёх местах: внизу перед селом, у мурадиновского озера, за селом на берегу под косым камнем и чуть подальше у водопада на другой стороне реки, где Ищай егерствует. Ну, или уж ехать до самой стены, в альплагерь.

Эти трое выбрали камень. Привезли их туда, хлопчут. Тамада в папахе, хычины, солёная голова, жалбаур, баран жарится, парится, варится, печётся... Мужики сельские, кто посолидней, тосты говорят – всё, как полагается. Одного не учли – место.

Через какое-то время разрешили из-за стола встать, покурить, продышаться. Ибрагим отошёл от камня, под которым сидели, посмотрел на него и говорит:

– Я в молодости на такой камень, как тур, взлетал! Не то, что некоторые... – это, между прочим, слова заведующего кафедрой, одного из ведущих тюркологов страны.

К нему подходит проректор сельхозакадемии, обладатель наград ВДНХ, по имени Муса, и вносит поправку:

– Куда тебе, толстому, взбираться! На живот свой посмотри! Ведь он у тебя с рождения такой. Вот я, когда моложе был, действительно эту скалу и не заметил бы!

Тут к ним примыкает Зейтун Кангауров – человек весьма солидный и тоже обременённый многочисленными регалиями, оглядывает братьев из-под полуопущенных век. Была у него такая манера – при размере в полторы кувалды задирать голову и смотреть на людей любой длины как бы сверху вниз. Глаголет:

– Оба вы бурдюки с маслом. Что сейчас, что в молодости, ни на что годны не были! А я вот заберусь! Сегодня и ещё через двадцать лет.

Те – куда тебе, куцехвостому! Кангауров расшвырял: «За обрезок ногтя не посчитаю. Что там – вверх?! Я головой вниз спущусь!».

Полез, добрался. Вниз, и вправду, пополз как ящерица, к валунам передом, к небу задом. Метрах на пяти сорвался и всем интеллектом – в камни. Ба-бац! Вот тебе авария, вот тебе лобовое стекло.

Стол всё равно досидели – мужчины из-за всякой мелочи на полпути дело не бросают. Вечером собрались, поехали. Муса и Ибрагим, как сели в проректорскую «Волгу», на Зейтуна всё время наезжали. Эх, ты, говорят, теперь в Безенги будут считать, что быллымские в скалах не ходоки.

Но безенгиевские так не подумали. Они проводили машину до нижней окраины, вылезли из своих «Нив», долго смотрели вслед гостям. Потом переглянулись и резюмировали:

– Вот настоящие мужчины. Каждый – с большим пальцем!

Помолчали и добавили: «А наш-то! Самый из них орёл!»

Если кто не знает, большим пальцем натягивается лук.

Чики-Пуки

В будке механика факультетского кинозала сотрудники историко-филологического устроили шахматный клуб. Доценты и профессора зачастую срывали лекции, не в силах вынырнуть из бушующей ярости игровых баталий. Это было демократическое сообщество, но с претензией на системную селективность: откровенные слабаки беспардонно, невзирая на научные степени, выдворялись в более низкие по статусу chess-конторы... Куда-то туда, на педагогику, физкультуру или вообще на подотделение. Правда, люди, игравшие на уровне первого разряда и выше, сюда почти не ходили.

Единственным человеком, обладавшим правами приглашённого почётного гостя, был Мусá Декúев. Несмотря на то, что факт передвижения коня буквой «г» был одной из значимых вершин его шахматных

знаний, языковед являлся завсегдатаем клуба и не подлежал изгнанию как один из «Трёх богатырей». Двое других из этой могучей кучки – Зейтун Кангауров и Камиль Амзатов – идеально вписывались в постоянный контингент кинобудки. Можно сказать, в значительной мере составляли его эталонную основу.

Попытки Мусы поучаствовать в турнирах резко пресекались Камилем. Он утверждал, что не согласен деклассировать себя как шахматист, и вообще – обильно и разнообразно издевался над товарищем. «Пусть идёт к спортсменам, учится, – бессердечно говорил Амзатов, – здесь всякая интеллектуальная шантрапа не дышит!» И Декуев, даже будучи уникально незлобивым человеком, как выяснилось, вынашивал планы мести.

Она оказалась жестока и финансово тяжела для Амзатова. В один малопримечательный день Муса навязал спор Камилю, и они, в присутствии нескольких свидетелей, сели за доску. Одна партия из десяти, взятая слабейшей стороной, делала его победителем. Ставкой был визит в ресторан «Эльбрус», визит в сопровождении трёх лиц, указанных триумфатором.

Камиль проиграл первую же партию. Позорно и безнадежно – получив совершенно неожиданный мат каким-то худосочным конём. Несмотря на весь свой аристократизм, Амзатов был очень азартен. Однако его предложение продолжить серию, осталось брезгливо отклоненным Декуевым. Он заявил об отсутствии достойной мотивации в недопустимо оскорбительной форме. «Я тебе чики-пуки сделал? Ресторан уже мой. Чего ещё играть, с тобой, бедолагой?» – хамски констатировал Муса, пренебрежительно глядя на поверженного соперника.

Камиль начал торг. Декуев снизошёл. С утроением приза за ещё одну забранную партию, каковая случилась в течение шестнадцати ходов. Дальнейшее было предсказуемо и фантастично одновременно. В этот день Муса полностью обеспечил свою годовичную развлекательную программу. Он выиграл все десять схваток. С учётом прогрессивного повышения ставок новоявленный Капабланка имел более шестидесяти походов в «Эльбрус».

Кошмаром Амзатова был стиль этих побед. Муса, в общественном мнении факультета доросший лишь до звания шахматной жертвы, просто уничтожил его. Так старый, много повидавший, покрытый боевыми шрамами кот-крысятник давит недельного мышонка. Атаки с жертвами тяжёлых фигур и даже ферзя, неудержимые пешечные проходы, маты конём и слоном... Всё это сопровождалось однообразными и нудными апелляциями к ставшим ненавистными «чикам-пукам». Их Декуев поминал при каждом локальном успехе и всеу.

На самом деле отнюдь не внезапно прорезавшийся шахматный гений Декуева ввел Камиля в глубокую депрессию. Муса воспользовался полной открытостью «Трёх богатырей» друг другу. Только близкие Амзатову

люди знали, что к этому времени историк практически лишился слуха. Болезнь прогрессировала у него несколько лет. Аппарат не использовался по причине исключительной стеснительности. Кроме того, он был очень чутким человеком с высокой скоростью мышления, так что за эти годы научился не только читать по губам – по взглядам, брошенным встречными людьми, понимал, что кто-то окликает его сзади. Но Муса Декуев, естественно, обладал полной информацией.

Он вошёл в сговор с замдеканом факультета – одним из тех, кто редко появлялся в кинобудке. Если такое происходило, Руслан Арұсов играл, дав крупную фору. В зависимости от силы соперника снимал с доски либо ладью, либо ферзя. Все десять приснопамятных партий Русик простоял за спиной Камиля. Единственное, что оставалось делать Мусе – надувать щёки, приставлять ладонь ко лбу, хмуриться и ходить по прямым указаниям сообщника. Впрочем, таковыми оказались все присутствующие. Ни единожды не возмущившись творящимся обманом, они по-детски непосредственно радовались мимическому и цветовому богатству лица Амзатова. И его неподражаемому исполнению народных устойчивых выражений.

Коварство Декуева так и не раскрылось бы, однако есть хорошая балкарская поговорка: «Тот, кто идёт и находит – начинает бежать». Пользуйся Муса результатами спора размеренно и постепенно – еженедельных «Эльбрус» хватало бы, как уже говорилось, на год с лишним. Но он через некоторое время повысил частоту посещений этого заведения. Потом ещё раз. И ещё.

Поняв, что фонд походов в ресторан истощается неожиданно быстро, Декуев заключил долговременный договор с заместителем декана. Руслан не мог противиться бывшему преподавателю, и Муса гарантировал высокое качество своей игры. Потом начал периодически приставать к Камиллю, подстрекая к пари. Тот, опасаясь новых финансовых обвалов, сначала отказывался, но одна фраза стала для него фатальной, её он адекватно не воспринимал: «Что? Боишься чики-пуки?». В этот период всем стал понятен высокий уровень лингвистической компетентности сотрудника кафедры языкознания: доцент научился так выстраивать это, в принципе, безобидное предложение, так обогащать интонационно, артикуляционно и мелодически, что вспыльчивый Амзатов был обречён.

Это продолжалось несколько месяцев. И вот, наконец, истерзанный и обескровленный постоянными проигрышами, Камиль опустился до расспросов в нижних шахматных лигах. Упырь иногда подвизался там. Страдальца интересовало – заметил ли кто-нибудь прогресс в игре мучителя. По всем сведениям, Муса продолжал беспомощно сдавать партии тем, для кого Амзатов был шахматным владыкой, подобным, минимум, Батью – с головой, достающей до звёзд, и сапогами, попирающими чрево Вселенной.

Анализ и сопоставление фактов не длились – они промелькнули. В одно прекрасное для исторической науки и отвратительное для советского языкознания утро последовала очередная провокация. Камиль в ответ потребовал двойной ва-банк. Пресыщенный неограниченной роскошью последнего полугодия, Декуев погряз в беспечности и инфантилизме. Подозрительный афронт Амзатова он списал на помутнение разума вконец отчаявшегося лузера. И, надо признать, со стороны всё именно так и выглядело.

Но, сев за шахматную доску, Камиль внезапно откинулся на спинку стула, – чего давно не делал – вольготно потянулся и плотоядно улыбнулся Мусе. «Хе-хе, – отчётливо произнёс он и вонзил стальной взор в глаза противника, съёжившегося от внезапных воспоминаний о наказаниях глубокого детства. – Как ты там говоришь? Чики-пуки?»

В кинобудке дохнуло леденящей стужей. Свидетели утверждают, что летавшие вокруг засиженного плафона мухи мгновенно околели и рухнули им на головы. Арусов, привычно устроившийся за спиной Камилля, быстро просчитал складывающуюся позицию. Заложив руки в карманы и фривольно посвистывая, он независимо двинулся к выходу из помещения. Номер не прошёл – историк тоже помнил Руслана Хаталіевича студентом.

Тут же был составлен полный список всех уже совершённых и планируемых посещений ресторана «Эльбрус». При удвоении кадастр достиг ста восьмидесяти двух позиций. Вместе со штрафными санкциями, наложенными на заместителя декана, общее количество увеселительных мероприятий, составивших майоратное право Камилля, выразилось в двухстах двенадцати единицах. После этого Арусов был изгнан с турнирной площадки – «не только Русика, его пиджака здесь не будет!» – и Амзатов зловеще медленно повернулся к впадающему в ступор Мусе. Началось избиение.

В этом месте можно было бы поставить точку. Однако есть и другая версия описания скрытых пружин и причин этих событий. Поговаривают, что все они были инспирированы Кангау́ровым. Являясь заведующим кафедрой, профессором и достаточно успешным писателем, он, якобы, в большинстве случаев оплачивал ресторанные счета всей компании. В конце концов, это ему надоело, и была разработана операция по погружению в долговую яму Камилля Амзатова. А затем, убедившись в неблагодарности Мусы, начавшего использовать выигранные бонусы абсолютно самостийно, Зейтун устроил реверс ситуации, вновь обеспечив себе бесплатный досуг.

Всё это происходило ещё в Советском Союзе и даже не при Горбачёве. Правду сейчас знает только Муса, однако для него тайны друзей святы. Но, хотя известно, что эти трое денег между собой не считали, признаем – участие «Бачамы́» во всех перипетиях дела возможно.

«Бачамá» в переводе с балкарского означает «вождь» – так называли Кангаурова. Он мог спасти Камиля, даже пойдя на нарушение тончайшего внутреннего баланса их триумvirата. Декуев удивительно добродушный и флегматичный человек. Сцепиться с ним невозможно. С Амзатовым же Зейтун ссорился не менее двух раз в день. Подавленный друг, неспособный на перепалку, угнетал его... Да, такое может быть. Только эти двое тоже ничего не расскажут – где-то там, за перевалом, сварливо перебраниваясь, играют в шахматы, высокомерно наплевав на любые интриги.

Немного об энтропии

В нальчикской лиге «Что? Где? Когда?» началась зимняя серия «Брэйн-ринга». Торгово-закупочная фирма «Вимар», наконец, выставила свою команду. Будучи спонсорами всего начинания, руководители этой шарашкиной конторы перестроили график мероприятий. С тем, чтобы Жабрик Дайзаев и я могли поучаствовать в их команде разгильдяев и вечных лоботрясов, которым неизвестно почему улыбнулась деловая Фортуна.

На первую игру мы с Жабриком договорились, что, при наличии ответа, выставляем, как полагается, большие пальцы, а Миша Белкаров жмёт пипочку. Затем упростили схему. В новой версии процедура исчерпывалась битьём по кнопке. В итоге, поняв, что Мишка слишком медлителен, на подачу сигнала поставили Суса. Он умело подгадывал окончание вопроса и тут же забирал очередь. Считалось, что Жабрик и я знаем всё, редкие сферы, в коих мы не были компетентны, распределялись по оставшимся членам команды. Жаубермез приглядывал за техникой, Мишка – за английским языком и финансовыми тонкостями, Вадик и Сус шли, как знатоки спорта. Избранная стратегия позволила нам выиграть с оскорбительным перевесом.

На следующий день я припёрся к Жабрику – лаборанту кабинета биологии рыб и рептилий. Пришёл за обещанным давеча формальдегидом. В то трудное время в стране не гуляли ни тиф, ни холера, ни чума, но Гайдар, Хакамада и Чубайс тоже свирепствовали. Я числился ассистентом, и ректору уже настучали о моей работе на стороне по второй трудовой книжке. Приходилось проявлять осмотрительность и добывать копейку исключительно домашним промыслом. Для изготовления галалитовой бижутерии и был нужен труднодоступный ингредиент – идти в морг к Мурату не хотелось.

Вернувшись домой, уже собрался открутить крышку и залить запрессованного в гипсе казеинового паука – производство концентрировалось на балконной этажерке – как вдруг заметил, что презентованный

Дайзаевым сосуд изнутри покрыт парафином. Внутренне я почему-то вернулся к вчерашней игре.

Был вопрос – самое маленькое млекопитающее на планете. Все они, упомянутые в советском издании «Жизни животных», ещё в детстве впечатались в мои мозги, но, априори, биология являлась прерогативой Жабрика. Сотрудник ХБФ не просто ориентировался в названиях, ареалах и питании. Дайзаев мог назвать сроки беременности, графики суточной активности и толщину подкожного жира любого паршивого зверька, вплоть до селевинии, о существовании которой основная масса человечества даже не подозревает.

Он сказал: «*Sorex minutus!*» Мы, довольные последним необходимым баллом, самодовольно улыбнулись соперникам. Но ведущая внимательно оглядела шпаргалочку и заявила, что ответ неверен. Я толкнул Жабраила ногой и порекомендовал перейти на русский. Последовало уточнение – существо называется малой бурозубкой. Прекрасная женщина ещё раз обследовала карточку и вновь отрицательно качнула головой. Мы продали бы этот раунд, но Сус – врожденный психолог и физиогномист, а потому и большой циник – внимательно наблюдал за англизированной мадам. Он больно пнул вундеркинда в колено:

– Жабрик, обормот, проще нельзя?

Тот недовольно бурчал, что ошибки быть не может, зато я сориентировался и торопливо выкрикнул: «Землеройка!» – после чего мы победили.

Так вот, я осторожно осмотрел бутыль, добытую в змеино-рыбном кабинете. Потом попытался систематизировать всё, что я когда-либо знал и слышал о Жабраиле Дайзаеве, начиная с первых дней зачисления в КБГУ.

Этот абитуриент сдал три экзамена. Поступал по эксперименту, при котором пятёрка и четвёрка по двум предметам означала приём в вуз. Как его документы попали в стопку физмата – известно только Всевышнему. Жабрик получил четвёрку за сочинение, высший балл по биологии, а затем был неожиданно вызван на физику, которую отбарабанил на «отлично». Ректорат некоторое время промучился с проблемой Дайзаева, но в итоге всё устаканилось, и парень утвердился, где и положено – на химико-биологическом.

Вскоре, применив излюбленный разворот Чарли Чаплина, он травмировал замдекана факультета. Великий комик обычно исполнял свой трюк со шваброй, Жабрик нёс на плече тяжелую лавку на десять посадочных мест. Результат соответствующий – неосторожный товарищ оказался в тяжёлом нокауте и больнице с диагнозом «сотрясение мозга».

После этого на стеклянный шкаф с засушенной высокогорной флорой Северного Кавказа обрушилась гордость биологов КБГУ – панцирь черепахи, висевший на стене с момента образования вуза. Черепаха была,

минимум, галапагосской, поэтому от гербария ничего не осталось. Также оказался основательно пришиблен второй замдекана. Главой факультета в этот момент, как и в предыдущие двадцать лет, сидел Каральбий Бустов – человек, не знающий пощады ни к себе, ни к окружающим. При катастрофе Жабрик находился в непосредственной близости от пострадавшего, поэтому последовал вызов к Бустову. Говорят, он долго рассматривал студента, затем объявил, что продолжение охоты на его заместителей возымеет плачевные последствия. Попытки оправдаться вызвали лишь тень лёгкой улыбки на сухом лице мэтра. Потом Жабрику объяснили, что Каральбий не меняет ни решений, ни отношения, ни мнения.

Дайзаев вынуждено перешёл в режим крайней осторожности и строжайшего внимания к каждому па своих ног и помаванию рук. Дальнейшее его обучение обошлось без серьёзных всплесков энтропии, если таковыми не считать два лёгких взрыва в лабораториях и нападение бешеной лисы на экспедиционный «УАЗик» факультета. В машине, безусловно, находился Жабрик, самым же примечательным в свете теории хаоса было то, что инцидент произошёл в центре Нальчика, у входа в краеведческий музей.

Но к моменту последнего события Дайзаев имел уже несколько статей в научных изданиях. Впервые он опубликовался на втором курсе – сразу во Франции, в энтомологическом бюллетене. Что-то там «Мутационные изменения мандибулярного аппарата «Formica fusca» в условиях естественного радиационного фона Приэльбрусья». Ещё через пару лет обучения преподаватели ХБФ, представленные в те годы реальными специалистами, называли Жабрика коллегой.

К четвёртому курсу он заметно ослабил самоконтроль, а попав на сборы военной кафедры, окончательно распоясался. Началось с аварии и приведения в негодность БТР-60. Автодром дивизии, в которой нас перековывали и закаляли, представлял собой квадрат с километровой стороной. Дорога, благодаря поколениям студентов, шириной превосходила МКАД. Она шла строго по периметру этой сложной фигуры, её преодоление и было окончательным превращением в мастера-водителя.

Где-то в середине площади в один миллион квадратных метров располагалась воронка от ручной гранаты. Чтобы съехать с трассы, надо быть парализованным. Чтобы найти эту никчёмную яму в недрах прохладенской степи, придётся презреть статистическую вероятность. Чтобы застрять в такой оспине даже на «Жигулях», надо снять с них колёса.

Будущее светило биологии благополучно съехал. Успешно нашёл. Брутально воткнул броневик в мизерную рытвину. Нос всепроходимого монстра зарылся в землю, две задние оси, пренебрегая законами физики, висели в воздухе. Майор Посиев, предложивший внеурочное вождение Дыжекову и Дайзаеву по своим моральным мотивам, рвал скудные

остатки волос из-под головного убора, голося, что «БеТееЛЬ» сломан, окончательно сломан.

Вскоре после этого мы стреляли из «Макарова». Ожидаемая осечка у Жабрика заставила его повернуться к преподавателю. Сообщив, что его пистолет испорчен, Дайзаев продемонстрировал неисправность оружия, направив его в переносицу куратора. После второго прицельного щелчка дивизионный майор Шавдаров посветлел лицом, потемнел галифе и шагнул к опасному студенту. Медленно забрав оружие из шаловливых ручек интеллигента, офицер промокнул рукавом лоб, осмотрел свой нижний этаж и философски заметил: «Хорошо, хоть не по-большому!»

Потом Жабрик снёс ему реактивной струёй РПГ-7 фуражку. Нас впечатлило хладнокровие майора. На сей раз обгоревший служака не описался, просто молча стёр с опалённой головы пепел волос, золу бровей и ресниц. Ещё через неделю Дайзаев выкатил гранату с выдернутой чекой прямо под ноги злополучному Шавдарову. Мы увидели, что конкретно этот командир, невзирая на беспробудное пьянство, в реальной боевой обстановке будет серьёзной проблемой для любого врага. Он умудрился отрыть полноценный окоп для стрельбы лёжа менее, чем за три секунды. Без шанцевого инструмента. То, что это произошло на пахоте, никак не умаляет сноровки и самообладания военного. Как и факт подачи им рапорта на срочный перевод в группу советских войск в Афганистане – при условии, что перевод будет завершён хотя бы за пару недель до окончания сборов.

Сам Жабраил Дайзаев был вполне безобиден. Несколько рассеян и задумчив – не более. Но из всех вариантов возможного развития любых ситуаций в его присутствии реализовывался самый стохастичный, самый опасный для окружающих. Это следовало принимать на веру, любое сомнение оборачивалась ущербом, чаще всего болезненным.

К слову. Где-то к середине сборов Сикс и я уразумели, в чем правда жизни, и умудрились протиснуться на должности кочегаров. Мы трижды в сутки топили походные кухни, посещали плановые занятия, вся остальная суэта – наряды, дежурства, марш-броски, кроссы, тревоги и прочая дрянь – нас не касалась. Проблему представляла только первая растопка. Чтобы повара могли накормить четырёхста оглоедов к восьми часам, огонь в пять утра должен был гореть в полную силу. Мы, в свою очередь, начинали гонять крыс, прижившихся под запасами дров, в четыре.

Со второго-третьего дня в новых должностях мы перестали спать ночью. Пили чай, читали газеты, потом шли к грызунам. Своё добирали днём, благо служба кочегарами это позволяла.

Но не одни мы бодрствовали после отбоя. Жабраила Дайзаева мучила бессонница, он тоже часто пил чай. Кипятильницы – чудесное изобретение неизвестного гения, состоявшее из двух бритвенных лезвий,

двух спичек и проводков – хранились в прикроватной тумбочке Сикса. Как-то мы лежали на кроватях, дожидаясь, пока заварится трёхлитровый баллон. Цомп – вторая кличка Сикса – дочитывал при свече «Советский спорт», я просто дремал. Сквозь сон послышалось шарканье Жабрика, неумолимо приближавшееся к нашей палатке.

– Вот ведь, гад! Не даст покомарить, – вздохнул я и стал стягивать к изголовью, подальше от тумбочки, матрас, бельё и расстеленную по-верх постели прессу.

– Ты чего? – напарник краем глаза взглянул на меня.

– Не слышишь? Жабрик идёт.

– Да, ладно! Чудовище делаете! Светло, свеча горит. Что будет?

– Ну, смотри, – кротко согласился я и уселся на подушку, поджав ноги.

Сикс усмехнулся и продолжал возлежать на толстом слое развёрнутых газет. Дальнейший алгоритм был таков: Жабрик вплотную приблизился ко входу в наше прибежище. Жабрик откинул полу палатки. Жабрик погасил свечу волной воздуха. В темноте Жабрик шагнул вперёд. Послышался не очень громкий звук. Это Жабрик опрокинул банку с кипятком на кровать. Послышался очень громкий звук. Это кипяток, потёкший по газетам, достиг тела Цомпа. Послышался голос с выраженными извиняющимися интонациями. Это Жабрик поинтересовался местоположением своего кипятильника. Послышался голос с преобладанием нот обиды и искреннего недоумения. Это Сикс завершал сцену энергичными советами по наилучшему применению и эффективному использованию разыскиваемого прибора. Постскриптом – моё резонёрское «А я говорил!». Каюсь, не смог удержаться.

Кстати, предметы, побывавшие в его руках, представляли не меньшую угрозу. Шомах, зашедший к нам в поисках того же кипятильника, случайно взял дайзаевский из кучи совершенно одинаковых. Сикс, познавший истину на собственной шкуре и даже не излечивший её следы с афедрона, настоятельно рекомендовал сменить выбор. Парень беспечно отмахнулся и ушел в дивизионную палатку, называвшуюся на сборах ленинской комнатой. Ток после отбоя подавался только в неё. Через полминуты раздался короткий треск и долгий вибрирующий рёв. Рассказывали, что Шомах активно искрился. Сборы лишились света на целых четыре дня – пакостный кипятильник Жабрика к чертям собачьим снёс всю систему энергоснабжения палаточного городка.

По соседству с нашим местопребыванием, в посёлке Учебный, обнаружился сельхозотряд из Прибалтики. Триста красивых и оголодавших девушек. Первый разведывательный визит к ним оказался удачным – за трёхсуточную самоволку шестеро из нас оказались на гауптвахте. Следующее романтическое путешествие намечалось на ночь рождения капитана Волошина. Масса сомнений выражалась по

поводу приглашения в состав делегации Жабрика, но чувство товарищества возобладало.

Напрасно. Через час после задумчивого жабраиловского «Что ж, можно сходить... Посмотреть – как там?» разразилась степная буря невиданной силы. Она прошла узкой полосой, запорошив пылью наши палатки, сорвав крыши в посёлке и выдавив все окна в общежитии латышек. Придя к дамам ближе к полуночи, мы обнаружили кучу автобусов, срочно эвакуирующих сельхозотряд в неизвестном направлении. По сей день уверен – виноват Дайзаев.

И напоследок я вспомнил, как поймав в лесополосе гадюку, надежда республиканской биологической науки долго толковал нам о различиях степного, предгорного и горного подвидов *vipera kaznakovi*. Потом выкинул её подальше, вглубь посадок. Так получилось, что как раз в том направлении один из студентов инженерного факультета, сидя под небольшой акацией, занимался сугубо личным делом. Рассвирепевшая от непочтительного обращения *vipera* несколько раз укусила его в наиболее нежные места организма. Парня еле откачали, он до конца сборов провалялся в госпитале Орджоникидзе – так тогда назывался Владикавказ. И хотя он стал лейтенантом автоматически, без изнуряющей жары, туч наглых, мускулистых мух и повальной дизентерии, я засомневался. Зачем быть поручиком, если упомянутые нежные места не функционируют?

Всё вышеописанное быстро прошелестело в моей голове, и я недоверчиво посмотрел на пузырьёк с формальдегидом. Но альтернатив было немного – когда ещё найду эту жидкость? Казеиновый прототип, стоивший недельных усилий, мог пересохнуть и искорёжиться. Крышка была свинчена с огромными предосторожностями, сосуд опрокинут над заготовкой на вытянутых руках. Не зря!

В дыму и шипении несостоявшийся конкурент всяческих «Сваровски» в три ляпа преодолел полки этажерки, прожигая их с абсолютно мимолётными задержками, и шлёпнулся на бетонный пол балкона. Наблюдая за тем, как темная бурлящая масса активно выедаёт дыру к соседям снизу, я решил, что некоторые ботаники нуждаются в чистке физиономии.

С этой мыслью и отправился в университет следующим утром. Однако, подойдя к кабинету биологии рыб и рептилий, столкнулся с каким-то доцентом. Он только что вышел из помещения, стоял обездоленный, как Ниф-Ниф с Нуф-Нуфом, и бессвязно бормотал: «Как же так? Погибли рыбы, совсем погибли!» Я вспомнил БТР, майора Посиева, соблюдая все меры, заглянул за дверь.

Обитатели десятка аквариумов плавали кверху брюхом. В бозе почил даже редкий тетраодон, добытый различными несправедливыми ухищрениями. Жабрик, стоявший у окна, был безутешен. Повернувшись ко мне, он развёл руками: «Представляешь, Таха? Я ж им всем говорил – не кормите. Я сам! А этот...».

Вот информация к размышлению. Дайзаев ушел из университета и стал предпринимателем. Как я понял, выступает генератором идей, реализацию которых взяли на себя родственники. Бизнес успешен, ни один из магазинов не сгорел. Исследования Жабрик не бросил – недавно вышедшая книга строга и научно обоснована. Посвящена она эволюции социума. Надо воспользоваться этим. Соответствующим структурам необходимо прорекламирровать его диссидентство и выдворить в США. Или в Швецию. Или в Швейцарию. Эти страны слишком благополучны. А Россия и так насыщена системами возмущения пространственно-временного континуума.

Блюз Хажуева

Я понял, что этот человек не может иметь никакого отношения к армии, ещё в школе. При среднем для пятнадцатилетнего ученика росте он весил больше ста килограммов, имел глаза разного размера, врожденное сужение аорты и тремолу, а также полное отсутствие координации. Тип его мышления называется парадоксальным, или туннельным, – он скачет из точки «А» в точку «Д», полностью игнорируя промежуточные пункты. В строго иерархических сообществах, построенных на безусловном подчинении, такое не поощряется.

Однако не это было причиной негодности Хажуева к строевой и к любым другим видам служб. Человечество знало многих даже увечных, хромых, одноруких, одноглазых и тучных воинов с мышечной дистрофией, неспособных погладить себя одной рукой по голове, одновременно похлопывая другой по животу. Некоторые из них создавали огромные империи, другие уничтожали плоды трудов своих коллег.

Просто однажды, когда, в конце очередного урока физики, классу в виде лакомства подкинули олимпиадную задачу, получилось так, что мы собрались вокруг его парты. Натрибович, задумчиво мычавший что-то невнятное над листком с условиями, раздражённо покосился на Витуса, как обычно, предлагавшего решение через формулу Эйнштейна, и тронул свой галстук. Узел, а потом – галстучную булавку.

Это было аристократически лёгкое и небрежно элегантно движение, совершенно не подходившее к его манере перемещаться в пространстве и общему впечатлению от хаотичной пластики и мрачной физиономии. С такой же ненавязчивой грацией гиппопотама, наверное, оперировал своими короткопалыми дланями самый известный из герцогов Мальборо, наливая себе «Двин» и закуривая очередную «Гавану». Подобные люди не созданы для шагистики.

После школы Тима резко вытянулся и похудел – за каких-то полгода его рост достиг метра девяноста, а вес упал до восьмидесяти пяти кило-

граммов. Он сбросил костюмы «Хилтон» и сорочки «Editor», влез в тёртую джинсу и стал агрессивен. Всё это, как оказалось, навсегда. Никакой элегантности в нём не осталось. А вот ноги и руки его продолжали двигаться абсолютно независимо друг от друга, раздёргивая в разные стороны туловище, и оно, это туловище, лишь приблизительно следовало выбранному мозгами направлению. Глядя, как Хажуев шагает по тротуарам Нальчика, используя всю их ширину, сбивая по пути водосточные трубы, прохожих и урны, я начинал сомневаться – тот ли это Тимур Натрибович, который поправлял галстук безымянным и большим пальцами?

Особого выбора при поступлении в вуз у него не было – только электроника и только наш КБГУ. Первое – по природным наклонностям, выраженным настолько ярко, что от литературы и истории Хажуева натуральным образом тошнило. Второе – по возрасту и состоянию здоровья его матери, Софьи Балиловны.

Он, как весь наш школьный выпуск, попал в последний набор студентов, проходивших обучение на военной кафедре и ускользнувших, таким образом, из объятий военкомата. Мечта многих граждан СССР, в своих порывах пацифизма доходивших до симуляции энуреза и шизофрении. Костя, в поисках спасения от армии, поступил в три престижных вуза, заболел гепатитом, цингой, женился, стал отцом, но, в конце концов, попал в стройбат. На целых полгода, после чего его комиссовали с пометкой «негоден к строевой службе» и лапидарной устной характеристикой комбата – «Идиот!». Командиру, конечно же, было совершенно неинтересно, что уже тогда Костифон мог делать со словом всё. Впрочем, он не сильно отличался от толпы длинноволосых эстетов, через десяток лет объявивших роман Константина Елевтерова «Вынырывающий» бредом сумасшедшего.

У каждого – свои проблемы. Для Хажуева проблемой стало официальное освобождение от службы в виде военной кафедры, точнее, строевая подготовка, разборка-сборка любого оружия и стрельба. По перечисленным пунктам: ни я, ни кто-либо ещё не смогли, даже начерно, воспроизвести тот комплекс телодвижений, которым Тима обозначал строевой шаг. Второе – «Калашникова» он разбирал рекордно быстро, но разброс составных частей автомата доходил до нескольких метров, Натрибович, в сущности, раскидывал оружие. Выглядело это так: по щелчку секундомера Хажуев оскаливался, с бешеными глазами хватал «АК-74» и начинал ожесточённо и беспорядочно его трясти, в результате чего тот разлетался кусками, иногда нанося лёгкие ранения окружающим. Это вызывало претензии офицеров и усугубляло неприязнь Тимы к военному делу в целом. О стрельбе говорить не будем – зачёты и оценки по огневой подготовке ему старались ставить заочно.

Интеллекта Тимура Натрибовича явно не хватало на «носок тянуть, ножкой печатать!». Его голова была занята совершенно ненужными и

пустыми вещами, например, первым в СССР оригинальным модемом и компьютерной сетью, сляпанными им в порядке студенческой хохмы. Посему его отношения с сотрудниками кафедры и лично с полковником Ахметовым явно не сложились. Все репетиции студентов на предмет участия в праздничных парадах заканчивались изгнанием с плаца, а горестная фраза начальника кафедры «Хажуев, ну что ты, как верблюд среди жеребцов!» приобрела статус агитационного лозунга. Канонизированное высказывание обладало необходимым воодушевляющим эффектом – заставляло приосаниваться, расправлять плечи и вызывало сплочённый смех, хотя никто не мог объяснить, чем именно верблюд уступает жеребцу.

Полевой батальонный туалет, увиденный им на военных сборах, превратил полтора месяца пребывания Хажуева в Прохладненской дивизии в один сплошной кошмар. Оглядев траншеи с лежащими поперёк досками, Натрибович заметил, что не всё простое гениально. Он спокойно переносил жару, пыль, марш-броски, баню раз в две недели, приказы «копать от сих и до обеда», еду из неликвида и прочие радости лагерной жизни, но вот мухи... Брезгливость Тимура была устойчивым реликтом барских замашек недавнего прошлого. Естественно, наблюдая за тем, как плотные тучи жилистых, деятельных мух циклично перемещаются между сортиром и студенческой столовой, он проникся разными подозрительными мыслями и скоро перестал употреблять что-либо, кроме хлеба и горячего чая. Впрочем, и эта диета оказалась урезанной после того, как он узнал, что дивизионного хлебореза зовут не Мухамед, а Руслан, кличка же «Муха» получена парнем за умение на лету хватать своих тёзок ртом. Хажуев решил ограничиться кипятком.

Вес его дошёл до четырёх пудов, походка напоминала бег таракана, отравленного дихлофосом, к тому же Натрибович вступил в жёсткий конфликт с замполитом Ергужовым. Подполковник узрел в строевом шаге курсанта сознательную издёвку над армией и вознамерился искоренить крамолу. Непреклонно и лично.

Зрелище было фантазмагорическим. Красное, вдохновенное лицо офицера, восторженно вбивавшего прямые ноги в расплавленный асфальт, Хажуевым в качестве образца для подражания не принималось. Он упрямо продвигался рядом с командиром по одному ему известной траектории в строго индивидуальном ритме, при этом его физиономия не выражала ни малейших признаков любви к вооруженным силам. Так продолжалось два дня.

Ергужов бесился. Воспитательный порыв замполита зримо приобретал характер клинической патологии и вызывал раздражение студентов. Арсен Ширхов, прослуживший четыре года вместо двух – лишнее он добирал в дисбате – устав знал назубок и сбил воодушевление подполковника, тет-а-тет объяснив ретивому служаке, что некоторые действия

военнослужащих могут подпадать под статьи уголовного кодекса. А самый наглый из нас – настолько наглый Васька Шульженко, что, будучи студентом, имел на факультете собственный кабинет, – взял в руки гитару и начал подтренькивать марширующим.

Скоро это скудное брэнчание превратилось в очень странную, но различимую мелодию – что-то, похожее на марш с неожиданными провалами и растяжками ритма. И под эту музыку Ергужов оплошал. Образцовая выправка подполковника противоречила струнному сопровождению. Служивый сбивался с ноги, моментами начинал позорно семенить и, пытаясь подобрать шаг, давал «козла» на каждой музыкальной фразе. Движения Хажуева приобрели некую пластичность, неуловимый такт превращал этих двоих в аляповатого, но хищного зверя и несуразную марионетку, сколоченную из досок полевого туалета. Попытки разъярённого замполита воспрепятствовать Васькиному творчеству натолкнулись на возмутительное отсутствие необходимых положений устава.

К тому же, на третий день приехал начальник кафедры. Он походил на маленькую разбойницу из «Снежной королевы» и свято придерживался принципа – «Своих студентов стреляю сам!». Выслушав рапорт Ергужова, полковник Ахметов потребовал у него справку о психическом состоянии, вызвал Шульженко, что-то долго ему втолковывал. Свидания с Хажуевым сознательно избежал. Конфликт был исчерпан, замполит ограничил своё идеологическое бдение ежедневной политинформацией, Тиму больше не трогал.

Позже Васька объяснил мне, что Натрибович очень органичный человек. Неуклюж и безумен так же, как умён и талантлив. «У него своя музыка: “Стенка”, Армстронг и ”Лезгинка” в одном флаконе. Воякам не снилось. Блюз Хажуева!» – подытожил Шульженко и захохотал. Пропади я пропадом, если несколько месяцев после этого разговора не пытался уловить соответствие между Тиминой походкой и его манерой дискутировать. Тщетно! Хотя, то, что Тимур Натрибович Хажуев противоречит общественным устоям, нормам поведения и идеологии любого государства каждым своим чихом, я знал ещё со школы.

Прошло тридцать лет. Мы живём в другой стране. За эти годы Тима женился, работал инженером, развёлся, ушёл в бизнес, разбогател, разорился, ещё раз разбогател, ещё раз разорился. Сейчас учительствует в школе, подрабатывает частной установкой софта. Молодые конкуренты всё чаще перехватывают у него заказы – Хажуев любит размышлять, а наша новая родина ласкова к старательным попугаям. С каждым годом Натрибовичу живётся всё хуже и хуже. Ничего не поделаешь – походку он не меняет. Остаётся только ждать, когда всё-таки закончится время маршей.

Людмила ШАУЦУКОВА

Шауцукова Людмила Хажсетовна, работает заведующей кафедрой гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского государственного института искусств и является первой кабардинкой, имеющей научную степень по культурологии. Заслуженный работник образования КБР, имеет грамоту профсоюзов России и Министерства культуры РФ за плодотворную работу, руководитель более 100 дипломных проектов, в ее научном арсенале более 70 научных публикаций. Известна также как автор и ведущий телевизионных проектов, статей в СМИ по проблемам искусства и культуры.

Ее первый роман «Черкесская рапсодия», фрагмент которого мы предлагаем читателю, объединяет в своей специфике различные жанры литературы и посвящен непростым судьбам наших современников.

ЧЕРКЕССКАЯ РАПСОДИЯ

Повесть

Лиля, девяностые

Господи! Гос-по-ди, всевышний и милосердный! Ты же есть. Я в этом никогда не сомневалась. Разве что чуть-чуть... Помоги мне, прошу тебя. Дай мне знать, что ты видишь меня, что ты слышишь меня.

Завтра праздник, международный женский день, люди спешат домой, торопятся, бегут мимо, у многих в руках цветы... Наверное, у них у всех есть свои теплые дома, или квартиры, где их ждут домочадцы, и если даже они иногда сердятся и даже ссорятся, потом все равно понимают, что не могут друг без друга. Лиля, как всегда в минуту отчаяния, стала шепотом читать:

«Мир – мгновенье, и я в нём – мгновенье одно.
Сколько вздохов мне сделать за миг суждено?
Будь же весел, живой! Это брэнное зданье
Никому во владенье навек не дано».

Может, и вправду, покончить разом со всем? Говорят, что почти каждый человек хотя бы раз задумывается над тем, что можно разом прекратить все, что пышно называется жизнью. Но на руках у нее Максим, которому чуть больше года. А сейчас он сидит у нее на руках в буквальном смысле и оттягивает ее занемевшие плечи вниз, пригибает Лилю к земле. Если ее не станет, его отдадут в детский дом. А там он

не выживет. Есть дети, которые умеют приспособливаться, но Максим не сможет, она это знает точно.

Как-то в детстве, в пионерском лагере, соседками Лили по палате были две интернатские девочки лет по восемь. Они постоянно дрались друг с другом и отчаянно ссорились, придумывая самые обидные слова, какие только можно выдумать. Почему эти дети оказались в интернате, Лили не знала, но интуитивно еще тогда почувствовала, что глянцевые картинки о веселых и счастливых детях, которые называют мамами чужих тетенок, совсем не соответствуют правде. Все дети хотят жить со своей семьей, даже если в ней каждый день ругаются.

А есть и такие семьи, где не ссорятся никогда. Так было в ее семье. Пока... пока не заболела мама. Нет, ссориться они не стали, но в доме, где было много веселья и смеха, пахло пирогами и чистотой, вдруг стало очень зябко и неуютно. В тот день, когда мама нащупала свою болезнь, Лили была дома. Мама вышла из ванной какой-то не такой, молчала весь вечер, а потом Лили случайно услышала, как она вполголоса и нарочито спокойно сказала отцу, что нащупала у себя в груди какую-то шишечку и почему-то забеспокоилась. На что отец, подумав чуть-чуть, стал ее успокаивать, но все же посоветовал поскорей показаться врачам.

Остальное для Лили слилось в какую-то одну пелену-полосу: операция матери, периоды ремиссий и обострений, печальный взгляд отца, капризы младшего брата-третьеклассника... А ее пятый-шестой классы не оставили никаких школьных воспоминаний. Одноклассники были еще маленькими детьми, а Лили сразу стала взрослой. Забота о брате и отце, быт, который лег на нее, глаза матери, полные муки и переживаний за детей, растерянный отец – какие уроки, какая школа?

Слава Богу, учителя знали все, не приставали с замечаниями и ставили хорошие оценки, но если раньше ее ставили в пример как умницу и отличницу, знания по школьной программе у Лили теперь были так себе. Потом маму просто отправили домой – нет смысла в капельницах, уколах, операциях, а обезболить можно и дома, для чего дважды в сутки приезжала «Скорая».

В районном центре, недалеко от столицы республики, который кто-то считал городком, кто-то поселком городского типа, хорошо знали эту семью, здесь было не так много русских, а потом, папа как-никак был редактором местной районной газеты. Газета теперь существовала почти автономно от редактора, выходила регулярно благодаря заместителю Раисе, сухой старой деве со старомодной прической, которая никогда не улыбалась и имела кличку «Фанера».

И хотя тогда, в начале девяностых, по всей стране не хватало медикаментов, да что там лекарств, люди месяцами не получали зарплату, для мамы делали все, что возможно. Потом она перестала есть. Лекарства уже не помогали, и нескончаемый стон через стиснутые зубы стал по-

стоянным. Мамины родители жили в Подмосковье и были уже очень немолодыми людьми, а папиных уже не было в живых, но приехала тетя Рита, жена папиного брата Сергея. Брат, Павлик, как будто не участвовал в происходящем никак: целый день играл с пацанами в футбол, приходил домой голодный и исцарапанный, наспех делал домашнее задание и ложился спать.

Лиля хорошо помнит то раннее утро, когда их разбудила тетя Рита и повела проститься с матерью. Но разве это мама? Та изможденная и пожелтевшая, похожая на мумию из учебников истории по Древнему Египту женщина, которая дышала отрывисто, с перерывами, совсем на нее не похожа. Их мама была красивая и веселая, от нее был вкусный и родной запах, она умела так улыбаться, что от ее улыбки образовывались маленькие ямочки.

– Помолись за маму, детка, – сказала тетя Рита.

И Лиля стала молиться, как умела, по-детски, горячо. Как же она сама раньше не догадалась! Ведь боженька добрый, он не откажет ей. Пусть случится чудо, и мама сейчас откроет глаза, улыбнется, и маленькие ямочки украсят ее изможденное лицо. Потом она станет есть, и быстро поправится... Лиля теперь сама умеет готовить, она все будет делать по дому, а мама будет лежать, поправляться, она увидит, какая дочка теперь самостоятельная и будет гордиться ею.

Лиля совсем не помнит похороны, но когда впервые появилась после них в школе, было ощущение, что вернулась из какого-то другого мира, но не совсем, не полностью. Потом стала часто приходиться Раиса-Фанера, чтобы помочь по хозяйству, а в год окончания Лилей седьмого класса насовсем у них поселилась. Впрочем, в этом мире без мамы уже ничто не имело значения. Отец жил как бы по инерции, со всем соглашался, Лиля молчала, Павлик так же гонял в футбол с друзьями, поэтому Раиса взяла абсолютную власть в доме и даже в квартале, где они жили, не говоря уже о редакции, где власть давно и бесповоротно была ее. Даже неожиданно быстрое материнство не заставило Раису уступить хоть какие-нибудь нити правления, и новорожденный брат, казалось, признавал только ее авторитет. Не сказать, чтобы мачеха была классической злодейкой, скорее равнодушной и холодной.

Решение о том, что Лиле нужно как можно раньше получить профессиональное образование и стать самостоятельной, тоже приняла Раиса. Отец не возражал, да и Лиля была не против: бывшие подруги ей были неинтересны – с их разговорами о мальчиках, нарядах и звездах эстрады; школа не держала, как и городок, поэтому после восьмого класса она поступила в техникум в столице республики, где было общежитие, и поселилась в комнату с тремя другими девчонками.

Пожалуй, это было лучшее время, не считая раннего детства, в жизни Лили. Учиться было нетрудно, оставалось много свободного времени,

стипендия маленькая, но можно подработать: ночами с девочками они мыли полы в какой-то лаборатории, где не было серьезной грязи и пыли, так, в ведре с водой мочишь тряпку, потом обматываешь ею швабру и елозишь туда-сюда. Деньги небольшие, но вместе со стипендией вполне на жизнь хватает. Домой сначала ездила по субботам, там родился второй сводный братец.

Раисины сыновья непрестанно болели. Мачеха бесконечно жаловалась на отца, который скоро совсем станет пропойцей, на Пашку, совсем ее не признающего и не слушающего, на бесконечные болячки детей, и старалась Лилю хорошенько припахать. Известие о подработке у дочери стало для родителей знаком, что материально она не нуждается. Впрочем, отец теперь ко всему был равнодушен, и даже Павлику, которому, и вправду, давно нужно было дать ремня, внушения делал лишь после долгих укоров Раисы. Потом Лиля, отговариваясь работой, стала ездить домой реже и реже, бывало, и раз в месяц не видела братьев и отца, который все больше и больше подпадал под власть жены (хотя, куда уж больше?), спал, когда бывал пьян, под ее неумолчное ворчание, а когда трезв – без ее разрешения не наливал даже чашки чая.

Пашку поймали на наркотиках – в городке этим промышляли многие. По малолетству, и благодаря бывшему авторитету отца, дали три года, которые в колонии превратились в пять, не пойми из-за чего. Но и это не разбудило отца, а Лиля, поплакав, продолжила жить дальше. Теперь она могла месяцами не навещать отчий дом, и это тоже никого не волновало. Ее семьей были подруги по комнате, особенно, одна из них – Люся, которая часто приглашала ее с собой к родителям в дальнее село. До него нужно было добираться три часа, но многодетная семья радушно, как свою, принимала подругу дочери.

Там, в селе, она впервые увидела традиции и обычаи народа, именем которого была названа республика, когда-то многочисленного и гордого, потом ставшего жертвой имперских амбиций еще в царское время, но не утерявшего жажды подвигов и славы.

Люсина старшая сестра жила в столице в квартирантках, и вместе с мужем, который преуспел в реалиях девяностых, почти уже достроила новую квартиру в хорошем районе, и вот-вот должна была перебраться в собственное жилье. Часто ее семья тоже гостила у родителей, и это бывало очень шумно и очень весело. Все носились, галдели, двери хлопали, потом бывал простой, но вкусный обед за длиннющим столом, потом, нагруженные всякими съестными припасами, девочки на машине богатого зятя доставлялись к дверям общежития.

Городская жизнь при этом Лиле нравилась гораздо больше – здесь можно пройтись по вечерним улицам южного города, надев новые босоножки, купленные по случаю гораздо дешевле, чем смотрятся, можно поесть мороженое в кафешке рядом с кинотеатром – самым популярным

центром города, можно потом сходить в кино, хотя домашние видеки стали уже мощной конкуренцией для центров досуга, но еще нет торговых центров, где можно, не выходя из помещения, иметь все тридцать три удовольствия.

На последнем курсе техникума у Лили случился роман. С этим парнем она и раньше иногда встречалась, он был близким родственником девочки из ее комнаты и раньше пытался ухаживать за ней, но тогда он ее совсем не интересовал. Тут пошли сплошные влюбленности, кое-кто из девочек уже успел выйти замуж, и эта атмосфера не могла для Лили быть «незаразной» хотя бы в силу ее возраста – шутка ли, восемнадцать лет. Не сказать, чтобы женихи ходили за ней табуном, но и дурнушкой она точно не была. Как-то в отсутствие соседок Лиля пристально стала рассматривать себя в зеркало.

Подружки говорили, что она очень хорошенькая, но сильно тощая, что ей нужно пользоваться какой-никакой косметикой, само собой, немного поправиться, ведь когда в жару все укрываются легкими простынями, все Лилькины косточки можно пересчитать без труда. Зато у нее шикарные светлые волосы, правильные черты лица и ровные стройные ножки. Одевается всегда блекло, не любит яркое, прикрывает колени, которые другая так бы и выставила.

Но Лиля знала: русской девочке гораздо сложнее выйти замуж: местные в качестве невесток признают только своих, а ребята-славяне норовят уехать из республики в крупные российские города сразу после школы – в поисках лучшей жизни. А если не замуж, то и затеваться нечего. Ничего, если на лбу написано, это не сотрешь пальцем. Пока она никуда не опаздывает, а если случится то, что называется громким словом «любовь», не заметить нельзя.

В техникуме были ребята, которые обращали на нее внимание, но Лиле ровесники не были интересны. Кто-то из девочек сказал, что Лиле нужен мужчина-отец, потому что ей не хватило отцовской любви и опеки. А Аслан, тот самый родственник подруги, был старше нее на шесть лет, он уже работал после вуза в тогда еще милиции, ему шла форма и он недвусмысленно оказывал ей знаки внимания, намекал на серьезные отношения.

Естественно, они с Асланом оказались в той самой кафешке возле кинотеатра, которая теперь стала пафосной и позолоченной, но, окруженная конкурентами, не утратила популярности. Встреча у кинотеатра, кафе, сеанс, проводы домой – таков был принятый всеми нехитрый ритуал ухаживания. В кино он взял в темноте ее руку в свою, и Лиля подумала: отнять сразу или подождать того волнения, о котором так часто в предсонный час говорили девочки в комнате? Она не испытывала ничего – ни волнения, ни опасности, ни тревоги, ни предвкушения. Ни-че-го. Может быть, дело все в ней? Есть же такие уроды, которые

не могут влюбиться и на всю жизнь остаются одни. Или, того хуже, выходят замуж, потому что все это делают, и проживают свою жизнь по расписанию. Пока Лиля размышляла, руки, которые держали ее пальчики, стали горячее и настойчивее, и Лиля потихоньку попыталась освободиться.

Но нет, Аслан был не из тех, кто так быстро сдается. Теперь ей было и жарко, и неудобно, и какая-то сила протеста в ней поднималась к самому горлу. Наконец, ее рука свободна. Аслан, как бы обидевшись, отодвинулся от нее. Ну вот, теперь ей перед ним неудобно. Он же так старается для нее, отстоял очередь в кассу, кормил ее пирожными, заплатил за все.

Нужно как-то загладить свою вину. Когда он провожал ее после кино, город был почти безлюден, хотя стоял месяц май, а в воздухе – аромат цветущей сирени. Такова жизнь в небольших городах, и в этом тоже есть своя прелесть. Аслан заговорил о своих планах, и в его голосе слышалось сдерживаемое волнение.

Послушай меня, девочка, сказал он. Ты мне нравишься. Очень. Я все знаю про тебя, про твою жизнь, про твоих родителей. Я знаю, что ты очень скромная и наивная. Я знаю, что ты ни с кем не встречалась и никто тебе не нравится. Наверное, и я тебе не нравлюсь. Пойми, я самостоятельный человек и ни от кого не завишу. Для меня не имеют значения ни твоя национальность, ни твой статус, ни твое приданое. Я хочу, чтобы мы всегда были вместе, чтобы у нас были общие дети. Через год я буду жить в своей, хотя небольшой, квартире, и хочу, чтобы ты меня встречала в ней после работы. Я тебя не тороплю, но если ты через три дня не придешь в то же время и на то же место, где мы встретились сегодня, я пойму, что это отказ, и больше не буду тебе навязываться.

Возле общежития он сдержанно с ней простился, и Лиля подумала: он благородный человек. Как просто и достойно повел себя Аслан. А ведь он нравится многим, и он, действительно, тот человек, с которым ей будет спокойно и надежно. В комнате девочки стали забрасывать ее вопросами: как прошло первое свидание? Подарил ли он цветы? Куда повел? Как держался и о чем говорил? Поцеловались ли они? Неожиданно для себя Лиля расплакалась, и девочки усилили натиск: он ее обидел? Приставал? Или, наоборот, показал свое равнодушие? При этом кто-то совал ей стакан с водой, кто-то гладил по плечу, кто-то бумажной салфеткой вытирал слезы.

Успокоившись, Лиля рассказала все, и девочки снова и снова требовали новых деталей: интонацию, точную фразу, выражение лица. Потом все пришли к общему выводу: Аслан – не тот жених, которым можно разбрасываться, вряд ли найдется много в их окружении ребят, выдерживающих с ним сравнение.

Если намерения серьезные, Аслан подождет, все сделает по обычаям, например, пошлет сватов к отцу, познакомит с родственниками. А сейчас необходимо узнать друг друга получше.

Июнь прошел в выпускных экзаменах, Аслан тоже был сильно занят на работе, но они иногда встречались, гуляли по городу, говорили о многом. Потом его послали в двухмесячную командировку, а Лиля с Люсей перебрались в другое общежитие, теперь уже по месту работы – редкое везение: и на работу смогли устроиться, и будут вместе жить одни в комнате, и от работы до общаги ходу не больше десяти минут, спасибо Люсиному зятю, у которого, как тот любил выражаться, «в каждом порту свои люди».

Правда, оклад небольшой, но иметь работу в трудное время и стабильно получать зарплату – уже счастье. Это уже не стипендия, тем более что лабораторию, где они мыли полы, кто-то «прихватизировал», и там идет ремонт, поэтому отпала необходимость убираться. Аслан иногда звонил, уже появились мобильные телефоны, был в курсе всех дел. Лиля понимала: он там, что принято называть «горячей точкой».

Они с Люсей проработали месяц, успели свою комнатку превратить путем девичьего изобретательства и небольших капиталовложений в весьма уютный и чистый уголок, когда случилось нечто, чуть не сломавшее их дружбу. В очередной приезд к Люсиным родителям по поводу свадьбы одной из сестер вечером в город уехали только Лиля и зять, поскольку на второй день ему нужно было на работу, а у Лили разболелась голова.

На протяжении дороги зять шутил, рассказывал анекдоты, передразнивал персонажей свадьбы, Лиля тоже потихоньку развеселилась и охотно отвечала на его шутки, пока не увидела, что машина остановилась перед незнакомым подъездом. Зять пояснил: он хочет показать Лиле новую квартиру и посоветоваться по поводу мебелировки. Поколебавшись, Лиля зашла в подъезд: не съест же он ее. Зять лучшей подруги, практически сестры, значит, по национальным традициям, и ее родственник.

Как только они зашли в квартиру, которую зять с лязгом открывал целую вечность (лучше подсуетиться с замками, чем выгонять потом самозахватчиков), он сзади грубо обхватил ее и стал заваливать на маленький диванчик в прихожей. От ужаса и неожиданности Лиля сначала оцепенела, потом с неожиданной для ее сложения силой стала вырываться и кричать.

– Ты думаешь, зря я за тебя просил нужных людей и устраивал на работу, – шипел он ей в ухо. – Я тебе что, мать Тереза? Ты мне кто такая, чтобы задаром на тебя работать?

Она почувствовала, что еще немного, и силы кончатся, но вдруг отцепилась ее сережка и, процарапав щеку, сползла вниз и упала на пол.

– Ты знаешь Аслана, – крикнула она изо всех сил, – он не простит тебя!

Вряд ли эта угроза остановила бы насильника, но в дверь сначала позвонили, потом стали барабанить кулаками.

Пришлось открыть дверь, и пока зять объяснялся с мужчиной и женщиной, которые чудом задержались в соседней квартире, где делали ремонт, Лиля проскользнула мимо и выбежала из подъезда. Она не знала, в какой части города находится, сердце бухало в груди, пот стекал со лба крупными каплями. Во дворе стояла сторожка, и там горел свет, но вдруг и здесь насильники? В раздумьях прошло несколько минут, пока из подъезда не показались ее спасители. Они, не говоря ни слова, прошли мимо нее, и Лиля кинулась следом, поблагодарила и попросила помочь ей выбраться отсюда.

– Так я и знала, – сказала женщина, – что этот тип все наврал. Не так выглядят жрицы любви, которые пришли к мужчине, а потом передумали, потому что не сошлись в оплате.

Супруги на своем выдавшем виды «Москвичке» довели ее до пригорода, где Лиля уже могла сориентироваться. Ее лихорадило до утра. Как ей быть? Рассказать все Люсе? Непонятно, как она отреагирует, хотя столько времени так близки друг с другом. В любом случае, поездки в село нужно будет прекратить, не встречаться же с этим...

А вдруг он скажет, что она сама навязалась? Утром Лиля твердо решила никому ничего не рассказывать, при встречах с зятем сделать вид, что ничего особенного не произошло, а еще лучше – с ним впредь наедине не оставаться. Поделом ей, ночью пошла в пустую квартиру практически с чужим мужчиной. Какой он ей родственник. И почему она раньше не замечала его похотливых взглядов и преувеличенных восторгов по поводу родства гораздо большего, чем кровное? К утру Лиля почувствовала жар. Высокая температура держалась почти сутки, и Люся по приезде ее состояние объяснила нечаянным вирусом.

На следующий день Лиля пошла на работу и в цехе столкнулась с незнакомым молодым человеком, который в кругу девушек-работниц о чем-то весело говорил. А, подумала она равнодушно, у нас же с сегодняшнего дня работают практиканты из Москвы. В обеденный перерыв, как обычно, Лиля с Люсей устроились за столиком в заводской столовой, и Люся спросила:

– Практикантов видела? Один из них очень даже ничего. Мы с ним уже познакомились. А вот и он, с разносом. По-моему, идет к нам.

– К вам можно?

Молодой человек стоял с явным намерением сесть за их стол, хотя рядом было много пустых столиков.

– Конечно!

Люся сделала приглашающий жест.

– Люся, а почему ваша подруга такая печальная? Ей бы очень пошла улыбка.

– Она немного приболела вчера, еще не оправилась. Вы угадали: улыбка у нее чудесная. А где вы остановились?

– В общежитии, на том же этаже, что и вы. Я вас обоих еще вчера приметил на кухне. У вас там были та-а-кие запахи!

– Что-то вы быстро заскучали по домашней еде. Вы же только приехали.

– Да, только мы приехали из такой же общежитии, правда, студенческой. Там запахи не так хороши. А можно вас порасспрашивать вечером об удобствах и красотах вашего симпатичного города? Нам же здесь быть всю преддипломную практику, почти два месяца.

– А это мы посмотрим на ваше поведение!

Во время этого диалога Лиля почти не поднимала голову, но заметила, что практикант и вправду хорош. Он напомнил ей героя любимого фильма, рыцаря без страха и упрека: небрежная прическа, волосы густые и такие же светлые, как у нее, взгляд прямой, в упор, но не наглый, а немного смешливый, тонкая майка обтягивает плечи..

В этот день они больше не виделись. Вечером позвонил Аслан, сказал, что командировку продлили еще на два месяца. Можно было бы отвертеться, но почти решается квартирная проблема: платят хорошие деньги, можно будет не заниматься: хватит и на свадьбу, и на квартиру. А свое жилье – это не общежитие, это очень важно. Голос был усталый, и Лиля с почти нежностью представила его спокойную манеру держаться, его неторопливость и сдержанность. Таких по полной и используют всякие «горячие точки».

Забегала Люся, щеки горят, глаза веселые. Костик, так зовут практиканта, играл в настольный теннис во дворе общежития и выиграл у всех. Какой он красавчик, какой он спортивный! А через час в комнате отдыха будет концерт и там он обещал спеть. Не хотелось Лиле идти ни на какой концерт, но Люся так хочет увидеть поющего Костика, а одна идти не хочет. Ее сегодня не узнать – надела лучшее платье, взбила волосы, подвела глаза. Может, правда, что-нибудь получится у нее с этим Костиком?

У нее славная мордашка, но тяжеловатый низ, поэтому Люся выглядит старше своих лет, был даже случай, когда ее приняли за Лилину маму. Правда, потом посмеялись и забыли, ведь Люся умная, она любит и ценит дружбу с Лилей, они столько лет вместе. Ей можно рассказать все-все, она всегда поймет, не осудит, даст практичный и умный совет, подставит плечо. Правда, о том случае с зятем Лиле ей ничего не рассказало, но это лишь потому, чтобы Люся не переживала, или еще чего, не поругалась с зятем, или не рассказало сестре. Какой жене это понравится? Родственников не выбирают.

Максим

Костик с приятелем часто стал захаживать к девушкам. При нем Люся сияла, старалась поставить на стол что-нибудь вкусненькое, купила себе два новых платья, но на прогулки и в кино ходили все вчетвером, хотя Лиля пыталась не мешать. За несколько дней до отъезда ребята предложили поехать вчетвером посмотреть местную достопримечательность – карстовое озеро необыкновенной синевы и глубины. Сказано, сделано. Пикник решили устроить на полянке в стороне от туристических троп, Люся и Костик занялись костром, а Лиля с приятелем Костика пошли собирать сушняк. Хотя заблудиться здесь было трудно, услышав чужие шаги, она насторожилась. Слава Богу, Костик.

– Ну что, поймал, наконец, тебя одну?

– То есть?

– А то, что ты мне нравишься.

– А Люся?

– А Люся – нет.

– Но у меня есть жених, ты знаешь, через два месяца я выхожу замуж. А Люся, по-моему, испытывает к тебе серьезные чувства.

– И на этом основании я что, должен испытывать ответные чувства? А если ко мне серьезные чувства начнут испытывать десять девушек, мне что, гарем завести? Пойми, она через месяц успокоится и заведет себе местного джигита, с которым ей будет гораздо лучше, чем со мной. У нас с ней разный менталитет, разное воспитание, разная, если хочешь, кровь. С тобой же гораздо больше общего, чем можно себе представить, и ты это очень скоро поймешь. Что касается твоего аборигена, – продолжал Костик, – не пройдет и года, как ты поймешь все прелести жизни девушки гор. Я за полтора месяца насмотрелся. Нет, не скажу, что люди плохие. Но даже самый лучший из них твердо знает, что женщина создана для того, чтобы готовить, стирать, убирать, служить мужу, без его разрешения не выходить из дому, не говоря уже о бешеной ревности и прочих шекспировских страстях бравого горца. А еще она должна обслуживать всю его семью – типа свекры, золовки, их дети, – как бесплатная рабыня. Она – скво. Знаешь, что это такое? Это женщина индейца, которая должна перед ним протаптывать тропинку в снегу, чтобы мужчина не тратил силы. Его дело – война, его подвиг – снять еще один скальп. Пойми, свои не выдерживают, уходят, забирают детей. Потом, не забывай: мы живем сегодня и сейчас, в конце двадцатого века. Мы нравимся друг другу, и это я ощущаю кожей, что бы ты там ни говорила.

Лиля знала, кто такая скво, чтение было ее самым большим увлечением, и не было практически такого вечера, чтобы в ее руках не было книги, во всяком случае, ею были прочитаны все наиболее известные творения русской и зарубежной классики из библиотеки техникума. Не

ответив Костику, она вернулась к костру, где никого не было. Вскоре вернулась Люся, и хотя она старалась держать себя в руках, Лиля заметила, что подругу бил мелкий озноб, а лицо у нее было бледным, как бумага. Неужели она слышала их разговор? В последнее время Лиля видела какое-то отчуждение со стороны Люси, особенно после того, как девушки неделю назад помогли перевезти последние вещи в новую квартиру сестры и зятя. Последний сделал вид, что ничего не произошло, и, как обычно, балагурил, торговался шутливо с водителем, то есть вел себя, как всегда.

Когда девушки вернулись в свою комнату, Люся молча стала собирать вещи.

– Люсь, ты чего?

– Лиля, нам нужно пожить отдельно друг от друга. Мы с младшей сестрой переезжаем в освободившуюся квартиру зятя.

– Это из-за Костика?

– Не только.

– Пожалуйста, скажи мне, что случилось?

– Ну, что ж. Во-первых, когда мои переезжали, кто-то украл большую сумму денег, на которые зять планировал выкупить старую квартиру. Нас было четверо, плюс водитель, который в квартиру не заходил. У себя они украсть не могли, я не брала. Остаешься ты. Спасибо зятю, что не стал подавать заявление в милицию.

– Это он сказал? Вот подлец! Да ты знаешь, почему он меня оклеветал?

– Вот это пункт второй. Ты зашла ночью в пустую квартиру с чужим мужиком и знала, что из этого может получиться. А на что ты рассчитывала? Хочешь сейчас дурочкой прикинуться или отрицать? Кстати, ремонтники в соседней квартире описали тебя точно и сказали, где тебя высадили, иначе я бы не поверила. Если честно, я и сейчас считаю, что просто произошло то, что называется «стечение обстоятельств». А тут еще твое кокетство с Костиком. Я же все видела своими глазами. Не зря зять много раз предупреждал меня, что тебе доверять нельзя. Надо все обдумать, поживем врозь.

С этими словами Люся вышла, громко хлопнув дверью. От чудовищности происходящего у Лили случился спазм, ноги и руки не слушались ее, слезы непроизвольно капали из глаз и стекали по лицу ручейками. Как Люся смогла поверить в этот бред? Она же знает про нее все. Она же ближе, чем сестра. Упав на подушку, Лиля стала громко рыдать.

В это время раздался стук и вошел Костик.

– Зашел проститься, – сказал он. – Решили уехать раньше, нам уже все подписали. Лиля, что случилось? Кто тебя обидел?

Сбивчиво Лиля стала рассказывать про зятя, про деньги, которые пропали, про свое мнимое кокетство.

– Тебе нужно прогуляться и успокоиться, – сказал Костик. – Пойдем, посидим в кафешке. Если останешься одна, совсем сойдешь с ума.

В кафе он заказал сладкое красное вино, и Лиля без всяких уговоров выпила целый бокал, внутри у нее стало тепло, и все ее горе отступило куда-то далеко. Она потом смутно вспоминала, как еще пила, а потом еще, как Костик привел ее в комнату, как утешал ее, перебирая губами ее волосы. Утром она проснулась и с ужасом увидела на своей подушке красивую голову Костика.

В начале августа Лилия поняла, что беременна. Пока она набралась духу и записалась к гинекологу, прошло еще время. Пожилая докторша окинула Лилию взглядом и все поняла.

– Не замужем, ребенка оставлять не хочешь, так?

– Да, – почти неслышно сказала Лилия.

– Дорогая, а знаешь, что ты собираешься стать убийцей? Твой малыш уже имеет все органы, у него уже бьется сердечко. Знаешь, что испытывает этот кроха, когда понимает, а он понимает, что сейчас его будут рвать на куски живого и по кусочкам вытаскивать? Я уже не говорю о том, что первое прерывание беременности чревато хронической бездетностью.

– У меня нет жилья, не будет работы, как я выживу?

– Поверь, девочка, когда-нибудь ты придешь ко мне и будешь благодарить меня за ребенка. Попомни мои слова: это будет мальчик, твой защитник, твой оплот, твоя опора.

И, неожиданно улыбнувшись озорно, добавила:

– Зуб даю.

– Пожалуйста, дайте направление. Вы даже не представляете, в какой я ситуации. Потом, я была пьяна, когда случилось это. С практически чужим человеком...

– Хорошо, – сухо сказала доктор, вручая лицензию на убийство.

И вот Лилия уже в очереди «на чистку». Когда перед ней оставалась только одна «детоубийца», в кабинет буквально ворвалась медсестра:

– Привезли женщину с сильным кровотечением. Пыталась сама избавиться от плода.

– Женщины, милые, все переносим на завтра, – убегая, сказала доктор.

В эту ночь Лилия не спала. Ей мерещился светловолосый мальчик, который тянул к ней ручки. Видно, очень хотел Максим родиться. Не Максик, не Максимка, а именно Максим. Хватит нам Костиков, Виталиков, Аликов.

В выходные она впервые за несколько месяцев поехала к отцу и мачехе. Там все было по-прежнему: отец пил, Раиса жаловалась, некрасивые, в мать, и закутанные, как капуста, мальчики росли, как могли. Зарплату не выдавали, в магазинах, кроме рядов соли в пачках и бутылок

с уксусом, хоть шаром покати, семья выживала кое-как. Хорошо, хоть был участочек, где росла картошка и кой-какие овощи.

– Веришь, – сказала Раиса, – на этой неделе я питалась только тем, что корочкой хлеба протирала сковородку после ребят. Они растут, им нужен белок. Слава Богу, остались старые связи и мне продают по знакомству «ножки Буша». От отца, сама знаешь, пользы никакой. Не пойму, где он это бухло берет, денег у него ни шиша. А когда-то в районе его уважали. Может быть, потому и наливают до сих пор.

Лиля, в свою очередь, вкратце рассказала о своей беременности.

– Ой, горе так горе, – запричитала мачеха. – Из огня да в полымя. Что ж теперь делать-то. Сама понимаешь, помощи от нас никакой, даже Пашке не могу посылку отправить. А прервать беременность еще не поздно? Сейчас и на поздних сроках можно договориться, если хорошо заплатить.

Лиля отрицательно покачала головой.

– Значит, нужно найти этого подлеца и заставить его жениться. Он, конечно, и знать не знает, что натворил. Я сама его найду, не отвертится. Ты только раздобудь мне его местожительство. Найдем на него управу.

– Да не нужно это, – ответила Лиля. – Он уехал на другой день и ни разу не позвонил, не написал. Я ему не нужна, тем более ребенок. Оказалось после его отъезда, что он крутил параллельный роман. Да и время сейчас другое. Нет профкомов, парткомов, и если ему даже присудят выплачивать алименты, что можно взять с начинающего инженера? Еще вопрос, есть ли у него работа, а если и есть, платят ли ему зарплату. И, потом: как я докажу, что ребенок его? Он верткий, как угорь, только кругом запачкаюсь.

Вернулась Лиля с некоторым планом в голове: в оставшиеся до родов месяцы нужно подкопить денег, чтобы снять жилье, в семейном общежитии не то, что комнаты отдельной, даже места нет, в родительском доме ее тоже не ждут.

Максим родился семимесячным. Забирать Лилю из роддома пришли Раиса с сыновьями и... Люся. Молодец Раиса, разыскала Люсю. Все поехали в убогую однокомнатную хрущевку на окраине города, где теперь предстояло жить маме с сыном. Пока не закончатся деньги. А они закончились гораздо быстрее, чем рассчитывала Лиля. Ребенок – это коляска, кровать, памперсы, ползунки, распашонки, питание и еще много чего.

Максим был спокойным, рос не капризным – главное, ему посчастливилось выжить, он родился, а остальное можно и потерпеть. Лиля с нежностью разглядывала его крошечные ручки и ножки, смотрела в его молочные глазки, мечтала о том, каким сильным и красивым вырастет ее сынок.

Люся приходила часто, помогала, чем могла, но могла она немного. К тому же, она собралась замуж за вдовца с ребенком, жених был нуд-

ным и некрасивым, ну да с лица не воду пить. К лету денег совсем не стало, и Лиля с ребенком поехали в родной дом. Дом, в котором Лиля родилась и выросла, состоял из трех комнат и коридорчика, который выполнял и функции кухни. В одной из комнат жила Раиса с детьми, во второй отсыпался вечно пьяный отец, которому уже было все равно, что о нем думают.

В третьей Раиса устроила швейную мастерскую, где стрекотали с раннего утра до позднего вечера три наемные швеи, пошивая пододеяльники и прочее постельное белье, которое мачеха реализовывала, как могла. С работы отца давно турнули, вместе с ним и Раису, а жить как-то надо, детей поднимать одной нелегко. Отец собрал остатки былой рукастости и для Лили с ребенком устроил комнату в сарайчике. Получилось даже уютненько, лето можно пережить, а там, глядишь, что-нибудь можно придумать.

Мачеха не уставала повторять, что с отца ребенка надо стребовать алименты, но окончательно и бесповоротно Лиля сказала: я во всем виновата сама, сама и буду разбираться.

С Асланом она поговорила сразу, как только тот вернулся: есть другой, я его люблю, а ты еще встретишь хорошую девушку. И Аслан, который пришел буквально с колес повидать свою невесту и уточнить окончательную дату свадьбы, оглушенный, долго еще стоял на месте, провожая взглядом Лилю. Больше они не виделись. Даже Люся, у которой была собственная «сеть осведомителей», ничего об Аслане не знала.

С наступлением холодов Лиле с ребенком пришлось перейти в комнату отца, который теперь не просыхал. Пашка редко писал, и надо отдать должное Раисе, как только появились хоть какие-то деньги, раз в месяц она отправляла ему немудреные посылки, где по Пашкиному указанию не было ничего такого, на что могли польститься работники колонии: сигареты «Прима», дешевый чай, леденцы. На рождение ребенка он отреагировал фразой: приеду – убью подлеца.

Прожив октябрь и ноябрь в комнате отца, Лиля поняла: это невозможно. Больше всего боялась, что пьяный отец рухнет на кровать, которая еле-еле стояла на хлипких ножках, или возьмет ребенка на руки и уронит, не говоря уже о вечных стогах и всхлипах, которые всю ночь не замолкали и от которых Максим вздрагивал и просыпался. Лиля старалась пригодиться и без дела не сидела: то швею заболевшую заменит, то уберется в комнатах, то приготовит обед.

Раиса ее не гнала, но семья и без Лили еле выживала, людям по-прежнему месяцами не платили зарплату, многие предприятия закрылись, и кормиться за счет мачехи Лиля не хотела. В декабре тетя Рита из Москвы прислала Лиле немного денег, и она опять сняла убогую комнатку в городе. В середине января закончились и эти деньги, и Лиля, пользуясь тем, что у Люсиной сестры каникулы, перешла к ней.

Но и каникулы быстро закончились, а сестра вовсе не испытывала восторга по поводу новых жильцов в тесной однушке. В один из первых февральских дней Люсина сестра принесла объявление, которое сорвала со столба: «Сдается благоустроенная комната для одинокой женщины. Очень дешево, в центре города». В тот же вечер отправились на поиски. На стук калитку открыл замшелый дед, от которого за версту несло кислятиной, а из носа и ушей густо росли неопрятные седые волосы. Оказалось, дед месяц назад похоронил супругу, а поскольку со зрением совсем плохо, не может ни состряпать, ни убраться. Поэтому ему нужна «квартирантка-экономка».

– То есть бесплатная работница, которая еще и за комнату платит, сыронизировала Люся.

– Вольному воля, – сказал старик. – Мы силком никого не ташшим. Да плюс довесок – я с ребятенком и не хочу пущать. За такие деньги всяк захочет,

– Нет-нет, – вскрикнула Лиля. – Я согласна. Деньги на первое время дали Люся и Раиса.

Комната была полуподвальной, с облезлой штукатуркой, да не беда. Можно самой побелить и покрасить, зато никого не будет обременять. Главное, потерпеть, пока Максиму не исполнится два года, и его, как исключение, возьмут в заводской детский сад. Там и на работу можно выйти, слава Богу, ее завод не закрылся, и на свое место Лиля сможет вернуться, как только устроит Максима.

Фамилия старика – Жабин – ему подходила идеально. Он был весь как ссохшаяся жаба, и его уродливое лицо обильно украшали бородавки. Лиля стала отскребать всю грязь, которая годами копилась по углам дома. Утром она готовила и подавала старику, которому оказалось чуть за шестьдесят, завтрак, потом, соответственно, обед. Свою комнату Лиля тоже вычистила, вымыла, побелила стены и потолок, покрасила половицы. Остатками краски она освежила входную дверь в дом, да еще и на калитку хватило, которую последний раз красили, очевидно, при царе Горохе. Старик на происходящее никак не реагировал, смотрел из-под кустистых бровей, и Лиля прекрасно понимала: никакой он не слепой, все видит прекрасно, а в его голове идет какая-то непосильная для неповоротливых мозгов работа. Так прошел февраль. На двадцать третье февраля Лиля запекла в духовке мясо, испекла пирог. Как-никак, мужской праздник. Накрыла на стол и собралась уйти, когда Жабин сказал:

– Садись, девка, разговор есть.

Неужели из комнаты попросит, – похолодело все внутри.

– Слушаю вас, – сказала она.

– Смотрю, ты девка справная, работница. Малость поправиться – первый сорт будешь баба. А я, хоть и сивый, еще хоть куда. Покумекай сама: распишемся честь по чести, дом тебе отпишу. Кто тебя такую, с довеском,

возьмет? Мальцу будет крыша над головой. Я как мужик еще ого-го! Смотри, девка, старый конь борозды не портит. Подумай, порешай, неделю даю. А там как хошь, неволить не буду. Все честь честью, слава Христу, не насильник какой. Не схочешь, так и убирайся. Я че, по-твоему, одинокую женщину на фатеру хотел? Чай, не деревянный, тоже бабья ласка нужна.

Лиля не верила своим ушам: этот гнилой пень зовет ее замуж! Омерзение подкатило к горлу, и, ничего не говоря, она побежала в комнату к сыну, прижала его к себе так сильно, что ребенок заплакал.

Через несколько дней поздно ночью Жабин сильно постучал в ее дверь. Проснулся Максим, заплакал. Жабин потоптался и вскоре ушел. С тех пор для Лили жизнь стала адом. Теперь по двору она передвигалась перебежками, без ребенка из комнаты не выходила.

Куда идти – в отчий дом, где для нее нет ни единого уголка? К Люсе? Она сейчас в селе, готовится к свадьбе. Кто за Лилю заступится: малолетние братья или Пашка, которому еще сидеть и сидеть, пьяница-отец или визгливая Раиса?

На всякий случай Лиля укрепила, как смогла, дверную щеколду, и, ложась спать, устраивала у двери баррикаду из стульев. В начале марта поздно ночью Жабин сорвал-таки щеколду, но грохнулся на стулья и стал поливать Лилю отборным матом.

– Ты что, думаешь, не знаю, что ты гуляшшая? Что выродка своего родила от прохожего молодца? Ну, смотри, сучка, сама в ногах будешь валяться. А я ишшо подумаю... – Смачно плюнул в ее сторону и ушел, оставив после себя неистребимый кислый запах, который так въелся во все стены, что Лиля, как ни боролась, эту вонищу не могла уничтожить. На следующий день в ларечке Лиля встретила соседку, поздоровалась и хотела пройти мимо, но та ее остановила.

– Ой, милая, – сказала соседка, – угораздило тебя у этого вурдалака поселиться. Я же слышала, как он к тебе ломился ночью. Он собственную жену уморил, она полгода постельная была, так этот урод ее голодом морил. А двое его сыновей, как приехали на похороны матери, в тот же день отбыли, не захотели с этим иродом под одной крышей ночевать. Его напугать надо хорошенько. Неужто нету у тебя никого, кто потрясет его хорошенько? Соседи с ним связываться не будут, неровен час, во двор забросит отравленной колбасы, и нет собачки или кошечки. Поди потом докажи.

Шестого марта Жабин набросился на Лилю, когда она выходила из комнаты. Максим спал, и Лиля не хотела пугать ребенка. Его лицо оказалось так близко, что она чуть не задохнулась от смрада.

– Мерзкий старик! – прокричала она Жабину в его отвратную харю. – Ты что, думаешь, на тебя управы нет?

– Где ж она, твоя управа-то? Не видать близко-далеко. Кому нужна оборванка с нагуленным. А я скажу, что ты мне за фатеру задолжала,

вещи и продукты у меня таскаешь. Чтобы завтра ноги твоей не было во дворе с твоим гаденышем. Хватит, как я с тобой канителился. Таперича по-другому будет. Увидишь.

Ночью Лилю трясло, сон не шел, а рано утром она собрала Максима и пошла к Люсе. Напрасно она звонила в дверь, Люся еще не приехала. Может, прямо в село к ней поехать? Но после истории с зятем ей было трудно смотреть в глаза старикам. До вечера она бродила по городу. Купила Максиму калач и чай, самой есть не хотелось. К Жабину нельзя. А к кому можно? Само собой мелькнуло: молитва! Она поможет. Господи, господи, спаси и помилуй.

С того момента, как Лиля молилась за умирающую мать, она не обращалась к Богу. Какое-то время она шла бездумно, куда ноги несут, Максим стал очень тяжелым, он уже хотел спать и чуть слышно хныкал, хотя терпел изо всех своих детских силенок. Вдруг Лиля подняла глаза и увидела табличку: «Районный отдел милиции»... Аслан! Он не откажет ей по старой памяти, он приструнит Жабина. Только бы он еще тут работал, только бы найти его. Господи, ты сам столько страдал, неужели откажешь в последней надежде? Шагнула в помещение, которое охранялось тогда не так строго. Молоденький сержант за окошком строго спросил:

– Вы к кому, гражданка?

Лиля назвала фамилию Аслана.

– Он уже полгода у нас не работает.

В следующий момент она осела, чтобы не уронить ребенка, и провалилась в спасительную темноту.

Залим

Теперь он не Залим, а начальник одного из двух городских отделов милиции полковник Залим Ахмедович Кануков. Так и указано на доске, прикрученной к его двери. А еще он заслуженный, кавалер ордена и прочая и прочая. Начинал с участкового милиционера, сержанта, стал офицером, имеет боевые награды, именное оружие. Это вам не мент и тем более не мусор. Это товарищ идейный. Для него верить в справедливость – не романтические бредни, а работать на справедливость – высокая миссия и призвание.

Еще пацаном он поверил в то, что мир можно изменить, и не только героям это доступно. Это позже наступят времена, когда человек в погонях станет не другом и защитником, а его прямой миссией, по убеждению многих, станут взятки, пытки, коррупция, хамство. Это потом менты своим брезгливо-холодным отношением со времён второй половины девяностых заработали прочную репутацию «не вмешивания в любые

мелкие дела, просто научившись динамить людей на этапе приёма заявления». А если и принимали заявление, а там часто трудно собрать «доказательную базу», то дело лежало тридцать дней и закрывалось под любым предлогом: не установлено лицо, не найдены факты, подтверждающие, и так далее.

Залим сам нередко встречался с мнением, что оценки «честный, порядочный» не применимы к людям в погонах, потому что они безоговорочно выполняют приказ. Конечно, любой приказ можно выполнить как с энтузиазмом, так и спустя рукава, и не дело – приказы обсуждать. Но, даже если найдется умник, не согласный с приказом, то оспорить его по уставу он может только после выполнения.

Сейчас полковнику было сорок восемь лет, и без особого карьерного рвения, а только благодаря серьезному и правильному подходу к делу Залим считался прекрасным работником и нужным специалистом, хотя всячески боролся с ненужной бюрократией в органах, и на совещаниях в министерстве, невзирая на чины, мог заявить свое принципиальное мнение.

Особой любви руководства это ему не добавляло, но уважение было безусловное, видно, такие спецы были еще востребованы и обществом, и государством. А бороться было с чем. Еще участковым Залим столкнулся с тем, что его могли выдернуть в девять вечера и поставить перед фактом: в одиннадцать должен быть «мелкий хулиган». Кому нужен? Зачем нужен? Ищи, где хочешь!

Еще тогда участковый или гаишник должен был принести своему начальнику, допустим, четыре протокола в день, если не принёс, то на следующий день он должен уже восемь. Всё это безобразие отягощалось процессуальными сроками, например, трёхдневным сроком принятия решения о возбуждении уголовного дела. Когда у участкового на руках десять-пятнадцать материалов проверки, ещё десять дополнительных проверок из прокуратуры и немереное количество входящей корреспонденции (срок каждой бумажки – десять суток), а сроки нарушать нельзя, то сотрудник начинает писать пустые отписки, уговаривать (в лучшем случае) потерпевших забрать заявление, и так далее по списку, вплоть до знаменитой «бутылочки».

Тогда Залим, не нарушая человеческих законов, благодаря тому, что досконально знал свой участок и пользовался авторитетом даже у дворовой шпаны, мог обходить все эти «гримасы закона».

Залим вырос в небольшом селе совсем близко от Лилиного поселка. В детстве по воскресеньям он с пацанами наезжал на велосипедах в поселок поест мороженое, сходить в парк, потом в кино. Что такое жизнь сельского пацана? Это, кроме школы, работа на приусадебном участке, уход за домашними животными, забота о чистоте двора – матери хватает работы по дому, отца целый дом нет дома, старшие сестры-близнецы в

студентках в городе Ростове, получают хорошее медицинское образование, так как в местном университете еще нет такого факультета. Разница в возрасте между ним и сестрами – семь лет.

Мама, Женя, уже не надеялась иметь детей, когда случился такой сюрприз, да еще и долгожданный сын. В селе долго вспоминали праздник, посвященный Залиминому рождению: зарезали бычка, позвали всех на угощение, устроили «привязывание красного сыра». Это когда устанавливают два столба вроде футбольных ворот, только без сетки и гораздо выше. На верхней перекладине развешивают призы – от мужского костюма до игрушек – это как семья может себе позволить, и, конечно, тот самый красный, то есть магазинный, в красной упаковке, сыр.

Затем ровно посредине перекладины привязывают плоский и тонкий канат из бычьей кожи, который кто-то из взрослых, встав на лестницу, густо смазывает жиром. Хочешь достать любой приз – давай, старайся, залезай по канату без всяких там лестниц наверх, и любой желающий может взять приглянувшуюся вещь. Взрослые, в силу своего веса, редко достигают цели, а вот ребятня вовсю старается, потеет, совершает по несколько подходов. Как только масла становится меньше – вот она, следующая порция. Конечно, находились хитрецы, которые запасались золой в карманах и пытались таким образом усилить сцепление с проклятым канатом. Но это – дисквалификация и отсутствие прав на следующий подход, хотя недорогую вещь у ребенка никто отнимать не станет. А зрители, которых множество, возгласами, одобрениями подстегивают участников, хохочут, иронизируют.

Семья Ахмеда Канукова по местным меркам зажиточная, дом добротный, приусадебный участок, в сарае скотина. Дед пользуется такой репутацией, что к нему обращаются за советом в трудной ситуации даже чужие люди. Отец – небольшая, но местная власть, бывший фронтовик. Прибавил себе год и добровольцем ушел на войну буквально с последним призывом, брал Берлин, побывал в рубилове последних операций, освободил Будапешт. Из войны вынес убеждение: совестью не торгуют, товарищей не предают, никакие деньги и чины не спасают от человеческого презрения.

Стоит ли говорить о том, что Залим рос в ауре материнской любви и заботы, молчаливого, но чувствуемого отцовского тепла, не слезал с колен деда, и эта связь стала еще теснее, когда через три года умерла его бабушка, проболев неделю всего. Но все свои обязанности до школы и после он выполнял ровно так, как и все сельские ребята: если пастбищный сезон – с утра выгнать скот в стадо, если зима – задать им корму, налить чистой воды в поилки, подмести двор, переодеться, позавтракать и к восьми часам успеть в школу. Там тоже все хорошо. Несомненный лидер в ватаге пацанов, знания даются легко, иногда может и «кол» схватить, но учителя в целом им довольны. Отец, хорошо усвоивший

ценность знаний, всячески поощрял успехи в учебе сына: без троек закончил учебный год – получи велосипед в подарок, или – мечту всех ребят – катушечный магнитофон, или невиданные штаны под названием «джинсы», да мало ли что пацану нужно для радости..

В седьмом классе литературу у них стала преподавать молоденькая выпускница вуза, приехавшая на два года по распределению, Анна Сергеевна. Она была как фарфоровая статуэтка – точеная фигурка, прическа с начесом по моде того времени, юбка колоколом, талия затянута, на ногах – «лодочки» на шпильках. В общем, эффект в селе произвела еще тот. Но седьмой класс встретил ее не с восторгом. Во-первых, в классе любили предыдущую добрую филологиню, ушедшую на пенсию. Во-вторых, новая учительница показалась им несолидной и слабой, и пока она пыталась перекричать вечный гомон в классе, все занимались чем хотели. Так прошел сентябрь. В начале октября Анна Сергеевна как-то не пришла в школу, заболела. После уроков завуч вызвала Залима к себе в кабинет и попросила занести учительнице кой-какие бумаги. Он же там рядом почти живет?

Уже смеркалось, когда Залим отправился выполнять поручение. Анна Сергеевна жила в так называемом «учительском доме», где обычно селились все молодые специалисты, пока не уедут, что бывало в девяносто девяти случаях из ста, или не заведут семью с кем-нибудь из местных.

На негромкий стук в дверь никто не ответил, Залим постучал еще сильнее, потом толкнул легко поддавшуюся дверь и вошел в комнату. На кровати спала Анна Сергеевна, и ночная лампа отбрасывала тени на ее лицо, светлые распушенные, без начеса, волосы, на веки, где не было неизменных, как у знаменитой французской актрисы, стрелок. Что делать? Будить ее? Или просто оставить бумаги на столике рядом и уйти? Залим подошел к столику, присел на стул, тихонько положил какие-то журналы, перед уходом еще раз взглянул на спящую и невольно залюбовался. Наверное, так выглядела спящая красавица из сказки – нежная, светлая, юная.

Он сидел, не в силах пошевелиться, не в состоянии отвести взгляд и созерцал, как вор, эту незащищенную тайну женской красоты, этот удивительно капризный и одновременно доверчивый изгиб губ, нежный выбившийся локон, неожиданно темные при светлых волосах загнутые ресницы, очертания хрупкого тела под тонким одеялом, белую руку с длинными пальцами, лежавшую так чудно... Было ли в этих взглядах что-то вожделеющее, эротическое, ведь мальчишки в тринадцать-четырнадцать лет нашпигованы гормонами, как плод граната зернами? Пожалуй, нет. Так любят шедевром мировой живописи, так, в благоговении, останавливаются перед великой красотой. В те минуты Залим понял и почувствовал на уровне подсознания, что такое женщина. Потом опомнился, стараясь не скрипеть половицами, тихо вышел из комнаты и плотно прикрыл дверь.

Так он прошел великую инициацию, которую каждый проходит по-своему, а кто-то, и таких совсем немало, не проходит ее вовсе, хотя живет сто лет и не единожды бывает женат.

Бывают дни, когда человек мгновенно взрослеет, так было у Лили после смерти матери, так это случилось с Залимом. Всю ночь он крутился, и в его воображении всплывали картинки увиденного, пережитого сегодня. Может быть, это и есть то, что называют первой любовью? В жизни Залима уже были записочки с предложением дружбы, как это было принято тогда, а первая красавица школы, Света из параллельного, явно была не прочь, чтобы записочки он писал только ей. Девочки, которые учились в школе, были яркие, черноволосые и черноглазые, на Анну Сергеевну мало походили. Через неделю учительница вышла на работу, и было видно, что она не совсем поправилась, но это было видно только Залиму, который вглядывался в ее похудевшее личико совсем с другими чувствами, чем несколько дней назад. Несколько дней всего прошло, а по ощущениям – несколько лет.

*...Лишь день мы в разлуке, но кажется мне,
Три времени года я жду...*

Один из записных двоечников и хулиганов – Толян – в этот день, чувствуя интуитивно слабость Анны Сергеевны, был в ударе – ерничал, почти хамил, крутился, мешал всем. На перемене Залим подошел к нему и свистящим шепотом позвал его за школу, на место разборок. Пацаны, предчувствуя нечто, окружили их плотной стеной и ждали, что будет дальше. Не говоря ни слова, Залим вlepил Толяну такой удар по челюсти, на который только был способен. Всю ярость против всех шакалов, топчущих беззащитных, весь гнев за растерянную учительницу, всю свою подростковую ненависть к покусившемуся на его принцессу из сказки – все он вложил в этот удар.

От силы удара и от неожиданности Толян отлетел к стене и рухнул на землю.

– Не по правилам, – заорали пацаны, – ты ему без предьявы врезал!

– А я знаю, за что, – просипел, медленно вставая на ноги, Толян. – Ты, Залим, пацан в авторитете, но на Светку я глаз неложил, а в кино рядом с ней я оказался случайно.

– А, – закричали ребята, – так это из-за Светки! Залим, фуфло это, не верь, мы бы знали, если чего. Теперь, по-справедливому, он должен тебе вмазать в ответку.

– Если не хочешь, чтобы я брату нажалился, – сказал, отплеываясь, Толян.

Его брат-уголовник только что освободился из мест не столь отдаленных, где пробыл за драку три года, и весь покрытый непривычной тогда татуировкой, торчал все время у сельской чайной, рассказывая за

стакан всем желающим перипетии жизни в колонии, где он оказывался самым героическим чуваком и чуть ли не с ворами в законе за одним столом чифирь гонял.

Все ждали, что скажет Залим. Большая перемена закончилась, прозвенел звонок, и, подождав, пока его услышат, он сказал:

– Теперь я держу мазу за Анну Сергеевну. И каждый, кто будет ее доводить, получит то же.

От удивления все разом замолчали. За училку? А что такого случилось? И кто она ему? В полной тишине практически один Залим поднялся на ступеньки школы.

История продолжения не имела не то потому, что Толян не захотел ничего брату рассказывать, не то потому, что тот не захотел связываться с детворой, он и так под надзором, не то еще почему. Но все мальчишки на уроках литературы и русского языка теперь вели себя даже лучше, чем у самого завуча. Анна Сергеевна, наверное, знать не знала, кто ее спаситель, а может, и догадывалась по параллельным классам, где также стало гораздо лучше с дисциплиной, что у нее объявился тайный покровитель, Залим иногда ловил ее внимательный взгляд на себе.

А как-то она оставила его после урока и спросила, не хочет ли Залим посещать литературный кружок для старшеклассников, а то там ребята разыгрывают какие-то сцены из литературной классики, и совсем не хватает мальчиков. И Залим согласился. Теперь он ходил на занятия кружка, где дополнительно мог общаться с учительницей, смотреть на нее, слушать ее журчащую речь. Анна Сергеевна была большой поклонницей поэзии русского серебряного века, знала множество стихов наизусть, и своей любовью к поэзии Анненского и Гумилева смогла заразить Залима. Теперь, по ночам, он шептал:

«В иных мирах, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя
Не потому, чтоб я ее любил.

А потому, что я томлюсь с другими...»

Благодаря учительнице, Залим открыл для себя прелесть литературного слова, и литература, это не пацанское занятие, стала приближаться к нему мощно и светло, как вдруг после дождя небо начинает сиять просинью, и она, все больше и больше раздвигая свои границы, дарит небесным светом все вокруг. Теперь его любимым занятием стало чтение, и многие книги ему подбирала Анна Сергеевна. Так он прочитал всю школьную программу по внеклассному чтению, многие знаменитые произведения русской и зарубежной классики.

Но возраст есть возраст, и мальчик есть мальчик, поэтому Залима больше всего зацепили Джек Лондон, Фенимор Купер, Конан Дойл, он с удовольствием читал о приключениях детей капитана Гранта, оказывался на необитаемом острове с Робинзоном Крузо, а с Д`Артаньяном и тремя

мушкетерами спасал подвески королевы, с капитаном Дантесом бежал из каменного острога на острове Иф, с героями Вальтера Скотта участвовал в норманнском походе. Из русской литературы любимыми вещами были «Два капитана» Каверина, «Белеет парус одинокий» Катаева, книги про Остапа Бендера Ильфа и Петрова. Прочитал даже то, что в библиотеке не найдешь, например, «Очерки русской смуты» Деникина и «Окаянные дни» Бунина, и русская история стала для него принимать очертания, не укладывающиеся в рамки школьных учебников.

Родители, видя проснувшуюся страсть сына к чтению, не знали, радоваться или огорчаться. Но в школе все хорошо, сына хвалят, а учительница по литературе называет его читателем, за месяцы постигшим то, что другие годами не могут одолеть. И, правда, год пролетел, как месяц, а облик Анны Сергеевны органично транслировался в эти прекрасные женские образы мировой литературы. Знала ли она о его чувствах? Говорят, это – благодаря особенному дару, который развивался веками и тысячелетиями, – чувствует любая женщина, даже если она ходит в детский садик. Теперь часто они шли домой после занятий кружка вместе.

Говорили, конечно, о литературе, вернее, говорила она, а он слушал, периодически задавая вопросы. Правда ли, что Есенин – самый талантливый поэт современности? На что Анна Сергеевна ответила, что ей гораздо ближе Блок. Именно от нее Залим узнал, что хрестоматийные «..любовью дорожить умеете, с годами дорожить вдвойне» – это плохие стихи, а литература соцреализма содержит в себе горы выпускаемого и тиражируемого мусора, литературного пустословия, за которое авторы получают хорошие гонорары и государственные награды. А ведь еще на дворе – шестидесятые, и, хотя уже не арестовывают за инакомыслие, далеко не все разобрались, кто есть кто в литературном мире. В июне работа кружка прекратилась, потому что у десятиклассников начались выпускные экзамены, но ничего, Анна Сергеевна обещала, что еще один год точно отработает, а в сентябре, после отпуска, кружок продолжит свою работу.

В конце июня, проснувшись утром рано, Залим услышал взволнованные голоса родителей из кухни, и в одних трусах, хотя национальная культура запрещает чуть ли не с детства являться перед родителями не одетым или полуодетым, решил узнать, в чем дело. Открыв дверь своей комнаты, он услышал, как мать сказала:

– О Аллах! Залик сойдет с ума, она ведь – его любимая учительница. Бедная девочка...

У Залима все оборвалось внутри. Что случилось с Анной Сергеевной? Сжав зубы и не чувствуя боли, из остального разговора он понял, что ночью уголовник, Толянин брат, вместе с таким же отморозком, после распития очередной бутылки, влезли к Анне Сергеевне через

приоткрытое окно на первом этаже, связав ее, надругались и через то же окно выбрались наружу.

Мерзавцев заметил сторож ближайшего магазина, и расчет на то, что никто не вычислит насильников, не оправдался. Он же, почуяв неладное, прибежал к учительскому дому, услышав в окно стоны, разбудил соседей. Негодяев, еще не отошедших от алкогольного дурмана, нашли спящими вповалку в доме Толяна, повязали и доставили в отделение милиции районного центра, Анна Сергеевна там же, в райбольнице.

Больше Анну Сергеевну Залим не видел, из больницы она сразу улетела домой, захав на минутку на такси за вещами.

В это лето Залим спасался только чтением. А еще он, подобно литературным героям, дал себе клятву посвятить свою жизнь борьбе со злом. Он станет известным прокурором и будет требовать беспощадного наказания всякой мрази, чья вина доказана. Или судьей, или следователем-сыщиком, будет ловить негодяев.

Эпопею про Шерлока Холмса Залим зачитал до дыр и сделал вывод: есть свет и тьма, есть правда и ложь, Бог и дьявол. Поле их битвы – человеческое сердце. Если ты не хочешь служить сатане, ты свой выбор сделал. И не важно, где ты работаешь – в школе, больнице, милиции. К моменту окончания школы юристов в республике еще не готовили, и он поехал поступать в столичный вуз. В Москве он был первый раз, и город его восхитил. Как бы он хотел здесь учиться! Но, увы, знаний, полученных в сельской школе, явно было мало для поступления, это слишком поздно поняли и он, и сопровождавший его отец. Первые два вступительных экзамена он еще кое-как сдал, а на третьем засыпался. Четвертый – сочинение – был уверен: напишет не меньше, чем на «хорошо». Но не привелось.

Первый год после школы он отработал в колхозе: и сено грузил, и силос в ямы закладывал, и на тракторе пахал – что дома сидеть. Лицо его покрылось медным загаром, мускулы налились силой, торс стал крепким и упругим. Ведь в этом возрасте посильный труд на свежем воздухе и здоровая еда, здоровый сон – бальзам для организма. Оставшиеся в селе ребята звали его то в сельский клуб на новый фильм, то на «междусобойчик», но Залим под разными предложениями отказывался. Любимой девушки не было, хотя любая из сельских красавиц посчитала бы за честь возможность называться его невестой. На майский призыв пришла повестка в армию...

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ...»

Сегодня в нашей постоянной рубрике «Гость номера» – молодой поэт из Карачаево-Черкесии Артур Кенчешаов. Предлагая нашим читателям подборку его стихов, мы хотим немного поближе познакомиться с самим автором:

– Артур, расскажите о себе, о вашей семье...

– Родился и вырос я в городе Черкесске. Отца зовут Амин. Он посвятил себя спорту – в молодости подавал надежды в боксе, затем преподавал физкультуру в школах. Мама, Фатима, работает школьным учителем английского языка. В 2010 году я окончил среднюю школу и поступил в Ставропольский государственный университет на экономический факультет.

Неожиданный выбор, конечно, но, в принципе, я ничуть не пожалел, и экономические знания в итоге мне не раз помогали в жизни.

– Когда у вас возник интерес к литературе, в частности – к поэзии? Что вдохновило на написание первых стихов?

– Я уверен, что творчество было заложено в моем генетическом коде – отец в молодости писал стихи на черкесском языке. Это были юмористические миниатюры, посвящённые его друзьям и некоторым событиям в его и нашей жизни. Кроме того, мой дедушка по материнской линии – Али Шнахов, был профессиональным художником и тоже писал стихи. Так что ничего удивительного, что и я в итоге к этому пришёл. Интерес к литературе у меня возник с детства. Уже в начальных классах я сам сшивал небольшие книжки и писал маленькие рассказы с иллюстрациями. Помню, что самый первый опыт в этом направлении был посвящён Эркюлю Пуаро. Мама до сих пор хранит некоторые тетради тех лет. Мы часто собираемся семьей, просматриваем их и смеёмся, потому что без смеха на это не взглянешь. Что касается поэзии... Всерьёз я к ней обратился в возрасте десяти лет. Я пытался писать тексты песен, и даже рэп. Это были, в основном, пародии на услышанные композиции. Но однажды я открыл сборник стихов Расула Гамзатова, который был в

Артур Кенчешаов

нашей домашней библиотеке, и прочитал его взахлёб. Эта книга до сих пор является моей любимой, и я часто к ней возвращаюсь. Мама поддержала мой интерес к хорошей поэзии. Помню, как мы пошли с ней в книжный магазин, и она купила мне три сборника: Владимира Высоцкого, Омара Хайяма и сонеты Уильяма Шекспира. Так я окунулся в этот мир и начал учиться писать стихи, что и делаю до сих пор.

– Ваши стихи отличаются правильным размером и рифмой. Кого из поэтов современности или прошлого вы считаете эталоном, примером для подражания?

– Из кавказских поэтов – это, конечно, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев и Алим Кешоков. Они невероятно близки мне по духу, и их великое творчество является для меня путеводителем. Большим открытием для меня стала поэзия Инны Кашежевой. Её стихи я постоянно перечитываю, и каждый раз нахожу в них что-то новое.

Из российских поэтов – это, прежде всего, «шестидесятники»: Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий. Очень нравятся стихи Иосифа Бродского. Вы наверняка удивитесь, но большое влияние на меня оказали также представители «русского рока» конца 80-х – начала 90-х годов: Виктор Цой и Юрий Шевчук.

– Где вы публиковались?

– Есть публикации в газетах и журналах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чеченской республики, Абхазии и Дагестана. По итогам Совещания молодых писателей Северного Кавказа, организованного Фондом Сергея Александровича Филатова, несколько раз попадал в сборник «Новые писатели России». Совсем недавно мои стихи были опубликованы в «Литературной газете» в Москве.

– Есть ли у вас верлибры, или вы предпочитаете исключительно классический стиль?

– Нет, верлибров у меня нет. И, если честно, я не понимаю это направление. Всё-таки мне ближе классический стиль, когда есть ритм, есть рифмы, определённый слог. Ничего не хочу говорить о других направлениях, как говорится, на вкус и цвет... но я понимаю, что это абсолютно не моё. Может быть, со временем я приду к этому, ведь есть верлибры, которые мне очень нравятся. Но мои поэтические мысли пропитаны Кавказом, его историей, его тяжёлой судьбой, и я вижу материализацию этих мыслей только в рамках классического стиля. Мне кажется, только он может в полной мере отобразить нашу ментальность и наш дух.

– В чем, по-вашему, причина отхода молодых поэтов от традиционного классического стиля?

– Это, конечно, хорошо, что молодые поэты ищут новые формы и стили поэзии, и многие современные авторы мне, действительно,

нравятся. Но меня всё чаще беспокоит, что поэзия с течением времени становится всё более безликой и бездушной. Многие поэты сейчас фокусируются на каких-то бытовых, поверхностных моментах, в их стихах часто появляется синтетичность, неискренность. Ради какой-то пафосной новизны, креативных образов и формул стихосложения эти авторы жертвуют духовной глубиной и чистотой мысли. Может быть, я не до конца понимаю эти направления и не имею достаточного опыта, чтобы судить о чьём-то творчестве. Поэтому я этого стараюсь избегать. Поэзия всегда менялась под влиянием времён и эпох, но при этом не переставала радовать и волновать читателей. Надеюсь, что и сегодняшние метаморфозы поэтической мысли пойдут ей только на пользу, принесут в этот мир мудрость, красоту и добро.

– Есть ли, по вашему мнению, у поэзии, как у литературного жанра, будущее?

– Я уверен, что будущее есть, и оно великое. Считаю, что человечество само является проявлением поэзии. Вся история людей пронизана творчеством поэтов, и, как бы ни менялся облик мира, поэтическая мысль в разных формах и проявлениях остаётся вместе с ним. Так будет и дальше! Она адаптируется, она приспособится к новым условиям и будет развиваться дальше. Сейчас появляется множество интересных проектов – стихофильмы, стихоклипы... То есть поэзия визуализируется. Это происходит под воздействием социальных сетей и интернета. Например, в Инстаграме растёт популярность роликов со стихами. То есть поэзия востребована сейчас и будет востребована в будущем!

– Пишете ли вы стихи на адыгском языке? И на каком языке вообще предпочитаете писать?

– Меня часто спрашивают, почему я не пишу стихи на адыгском языке. Многие ставят мне это в вину. Но так уж вышло, что с самого начала с помощью русского языка мне было удобнее оформлять и передавать свои мысли и чувства, хотя я свободно говорю и читаю на родном – адыгском. Меня, как и многих моих соотечественников, очень беспокоит ситуация с нашим языком. Я вижу, как он всё ближе подходит к краю пропасти, и поэтому в последнее время я больше внимания уделяю адыгскому слову, изучаю национальную литературу. Я осознал, что раньше не до конца понимал всю красоту и уникальность нашего языка. У меня уже появились стихи на адыгском, и я планирую совершенствоваться – наряду с русским, писать на адыгском. Я считаю, что это мой долг перед моим народом! И моё сердце тянется к родной речи.

– Назовите имена молодых поэтов, чьё творчество вам интересно?

– Я с интересом слежу за творчеством Александра Кабанова, Веры Полозковой, Ах (Ирины) Астаховой. Очень нравятся стихи молодого

поэта из Северной Осетии Чермена Дудаева. Невероятно талантливые стихи есть у Ляны Кажаровой из Кабардино-Балкарии. В Карачаево-Черкесии есть замечательный поэт, человек и мой хороший друг – Зураб Бемурзов. Каждый раз жду публикаций в ФБ его новых произведений. Строки Зураба на черкесском и на русском языках всегда затрагивают моё сердце. Во время наших дружеских встреч мы можем часами вести беседу. Мы с ним, как говорится, на одной волне – «поэтические союзники и братья»!

– Имеет ли место сегодня упадок поэзии на адыгском языке, и если есть, то в чем, по вашему мнению, его причины?

– Есть, и этот упадок, к сожалению, катастрофический. Если касаться причин, то это, конечно, кризис всего российского общества. Люди перестали читать. Русская поэзия в упадке, что говорить о поэзии нашего маленького народа. Прежде всего, это проблема невостребованности в повседневной жизни адыгского языка. Наши соплеменники всё хуже говорят на своём родном. Что уж тут говорить о чтении национальной литературы и поэзии! Это большая проблема, и её необходимо решать сейчас. Каким образом? На мой взгляд, необходимо популяризировать адыгский язык в интернете. Нужно создавать больше песен на родном языке на нашей эстраде, проводить литературные форумы для молодых поэтов, пишущих на адыгском языке, поддерживать начинающих авторов, издавать поэтические альманахи и журналы. Несмотря на всю сложность нынешнего положения в сфере адыгского языка, я всё же вижу в этом направлении и положительные тенденции, пока слабозаметные. Потенциал есть. У нас замечательная патриотическая молодёжь, которая объединяется в различные паблики и сообщества и вносит заметный вклад в популяризацию нашей национальной поэзии. Я с большой надеждой смотрю на этих ребят и верю, что у них всё получится. В свою очередь, я и сам готов приложить все усилия и использовать все возможности для достижения этой цели.

Другой Кавказ

О, нет, заблудший брат, ты – не Кавказ,
Хоть носишь это слово на футболке!
Ты любишь эти горы напоказ,
В такой любви наигранной нет толка.

Нахальством оглашаешься в толпе,
Закон отцов ты превращаешь в моду.
Всегда готов с подобными себе
Воспламенять словами спор народов.

Другой Кавказ воспела красота,
Он проносился над всемирным гулом
Любовью Хетагурова Коста
И мудростью Гамзатова Расула.

Что можешь ты Отчизне принести
Под шелест атрофированных крыльев?!
Другой Кавказ когда-то вознесли
Алим Кешоков и Кайсын Кулиев.

Твоя лезгинка в круге пустоты
Не станет для родной земли наградой.
Где честь и стать Гешаева Мусы?
Где дух свободы Шинкуба Баграта?

Их имена нам светят с высоты,
Вершины озаряя вечной целью.
Задумайся теперь – а кто есть ты?!
Булыжник, провалившийся в ущелье.

Дождливое лето

Мой день засыпает под клетчатым пледом,
В душе разливается паводок грёз.
Танцует чечётку дождливое лето,
И не утешает погоды прогноз.

Нависли над городом тучи и мысли,
И старого парка приподнята бровь.
На улице грязь, мыть машину нет смысла!
И обувью слякоть размешана вновь!

Но я умудряюсь остаться счастливым,
Пусть этой наивностью я и смешон.
Как рэпер, скамейка под худенькой ивой
Накинет зелёный опять капюшон.

Пусть нормы осадков превышены где-то,
Пусть мир утомлён вертикалью воды.
В меня не проникнет дождливое лето,
Пока в моем сердце остались мечты.

Старой яблоне

Тихо отворю я снова двери во
Внешний космос памяти моей.
Дедушкой посаженное дерево
Распахнёт объятия ветвей.

Проникаясь ритмом сада медленным,
Подойду я к яблоне родной,
Что была мальчишками облеплена,
Что была когда-то молодой.

В детстве мы срывали эти яблоки,
Даже не успевшие поспеть.
А теперь она склонилась на бок и
Под ноги бросает листьев медь.

Как старушка милая, заботливо,
Держит поредевшие дары.
Бьётся сердце прошлого отчетливо
В глубине морщинистой коры.

К ней приду я, создавая ямбами,
Нежности и радости анклав.
Я спою о чём-то старой яблоне,
Будто своё детство, приобняв.

Настоящая любовь

На фоне гор задумчивых и мудрых
Я, будто зачарованный, глядел,
Как старые супруги тихим утром
Метались вновь в пылу насущных дел.

И вроде здесь поэзии нет места,
Обычный ежедневный сельский быт.
Но от того, что были они вместе,
Запел весь мир, сорвавшийся с орбит.

Они прошли и радость, и невзгоды,
И прожили вдвоём так много лет!
И столько было в них тепла, заботы,
Что горы улыбнулись им в ответ.

Они по-горски сдержанными были,
И строгость их гремела, как гроза.
Они от нас скрывали свои крылья,
Вот только выдавали их глаза.

Я видел, что в них юность не погасла,
Кружившая лезгинку налегке.
Подумал я: о, как же вы прекрасны,
Старик в папахе, бабушка в платке!

Ни соцсетей, ни статусов, ни фото,
Ни ресторанов, ни высоких слов!
Но я сидел, печальный отчего-то,
Увидев настоящую любовь!

Мы выжили!

Горит огонь в груди кавказских гор.
Безумный мир, ты зря топил нас в темени!
Мы выжили, всему наперекор!
Не говори о нас в прошедшем времени!
С черкесок мы стряхнули пыль и прах,
Со дна морского вынесли историю,
И с флагом возрождения в руках
Разрушенные крепости отстроили.

Своих детей в грядущее внесли,
Назло преградам, трудностям и вызовам.
Мы выжили, сквозь камни проросли,
Охрипшую Черкесию возвысили.
Пусть годы продолжают нас штормить,
Над пропастью в осаде бед и выстрелов.
Мы выжили, а значит, будем жить!
Не упадёт народ, который выстоял!
Пусть раны кровоточат до сих пор,
И мчится время, будто конь без стремени!
Мы выжили, всему наперекор!
А значит, нам не быть в прошедшем времени!

***

За всё мы будем отвечать!
За день, упущенный из виду,
За нанесённые обиды,
За неумение прощать.

За слёзы близких нам людей,
За ложь, за правду не во благо,
За страх, за видимость отваги,
За глупость мудрости своей.

В тетради лет внося слова,
Мы ошибаться все горазды.
И, как учитель, красной пастой
Оценку ставит нам судьба.

А за спиной, как хвост комет,
Растет с годами шлейф поступков.
Мы наигрались жизнью хрупкой,
Друг в друга вдавливая след.

Всё ярче времени печать,
В душе – слепых эмоций вбросы.
Судьба задаст свои вопросы,
И нам придётся отвечать!

***

Пусть моё отсчитывают время
Циферблаты этих карих глаз.
Знаю, что давно уже не те мы.
В нас осталось слишком мало нас!

Обновленья радости и боли
Годы не учили отменять.
Примеряя образы и роли,
Что во мне осталось от меня?!

Город мой, забытый тишиною,
Подставляю серому дождю.
Но печаль с души своей не смою.
Я тебя в тебе не нахожу.

Нам пугаться этого не надо!
Вместе встретим каждый новый час.
Знаешь? Я заметил, в наших взглядах
Всё же что-то есть ещё от нас.

Бездомный пес

Наш город в ночи расплескался,
Огни по проспектам понёс.
Ну что ты за мной увязался,
Бездомный доверчивый пёс?!

Затих человеческий хаос,
И окна затушены сном.
Я ночи теперь улыбаюсь,
Ты мило виляешь хвостом.

Так быстро мы стали друзьями,
Лохматый попутчик ты мой!
Наш мир окружён фонарями,
И мы говорим тишиной!

Как тени бессонной свободы,
По парку идем налегке.

С тобой поделюсь бутербродом,
Что куплен в полночном ларьке.

Давай помолчим о проблемах,
Всё это – забытый этап.
В тропинки впечатает время
Следы от подошв и от лап.

Безлюдные улицы тихо,
Неоном сплетут коридор.
Меня посчитали бы психом,
Услышав с тобой разговор.

Но мы понимаем друг друга,
Я в этом теперь убеждён.
На старой скамейке под дубом,
Зарю зачарованно ждём.

Давай сохраним этот вечер!
Он много с тобой нам принёс!
А знаешь, я рад нашей встрече,
Мой добрый задумчивый пёс!

Бурхан БЕРБЕРОВ

Профессор, доктор филологических наук, публицист и литератор, Бурхан Абуюсуфович Берберов успешно занимается и драматургическим творчеством. По пьесе Берберова в Балкарском государственном театре имени Кайсына Кулиева состоялась премьера спектакля «Крик камня». За плодотворную творческую деятельность в редакции республиканской газеты «Заман» и высокий профессионализм Б. А. Берберов был награжден премией Правительства Кабардино-Балкарской Республики, а затем – Почетной грамотой Парламента Кабардино-Балкарской Республики за значительный вклад в развитие гуманитарных наук.

ГЛОТОК ВОДЫ

Рассказ

Зеленый мир

Неожиданно ранняя весна стремительно поднималась по склону, словно подгоняя Расула, идущего по первой зелени, под безудержным солнцем, и невольно соизмерявшего свой шаг с деревянным аршином, лихо переброшенным через плечо.

В сердце Расула звучала быстрая мелодия, и любая мысль – о качестве пахоты, сроках сева, количестве рабочих рук – соединяясь с этой мелодией, обретала звонкость песенных строк. Но когда он приостановился у Теплового источника, собираясь, как обычно, одним прыжком преодолеть извилистое русло, какая-то неведомая сила склонила его к земле. Расулу показалось, что солнце, слишком щедрое для марта, расплавилось и разлилось в воздухе, сделав его густым и вязким, и вместе с судорожным вдохом ворвалось в грудь, опалив ее нестерпимым жаром. Еще мгновение – и все тело стало распадаться на тысячи маленьких солнечных шаров.

Издали, как показалось Расулу, сквозь сутолоку огненных шаров, заполнивших все пространство сознания, пришли слова, лишённые для него какой-либо окраски: «Агроному плохо... скорей... поднимите его».

Мать воды

Когда Расула привезли в больницу, он все еще был без сознания. Но уже сказывались результаты усилий и дежурного врача в приемном

покое, и медсестер, окруживших его в палате, – пульс выровнялся, дыхание стало глубоким...

– И жар, кажется, спадает, – сказал доктор, осматривая больного в палате. – Бог даст, все обойдется. В крайнем случае, если к утру кризис повторится, отправим в город.

В палате, кроме Расула, у противоположной стены, лежал худой старик, опутанный проводами датчиков, которые тянулись к блестящему аппарату у изголовья его койки. Там же, на неудобном стуле, не приметная и тихая, сидела пожилая женщина – Забида, уже знакомая всему персоналу больницы: она подменяла сиделку у постели больного мужа.

Забида сочувственно вздохнула, отзываясь словам доктора. А в дверях палаты уже стояла мать Расула, Жансурат.

– Бедный мой ребенок, – тихо запричитала она, прикрывая ладонью рот, чтобы не сорваться в крик. – Мое золотое деревце... Мой горный орел... Что с тобой случилось?

Доктор помог ей присесть на стул рядом с кроватью сына, успокоил:

– Сердце у него крепкое, мать. Сейчас он спит, и это тоже хорошо. Об одном прошу, когда проснется – не давайте ему воды. Пить – ни в коем случае. Вода может навредить. – Доктор ушел в процедурную, чтобы сделать необходимые назначения, а Жансурат придвинула стул поближе к сыну. Сухой ладонью вытерла пот с его лица. В тишине снова печально вздохнула Забида, затем послышался ее глуховатый голос:

– Бедненький, а ведь совсем еще молодой. И что это за болезнь такая? Почему воду пить нельзя?

– Это болезнь выселения, – Жансурат отвечала также вполголоса, не отводя глаз от сына. – Тогда, чтобы не умереть с голоду, ели все, что хоть как-то могло сгодиться в пищу. Детишки однажды поели какой-то травы... Она оказалась ядовитой. Безгрешные, невинные дети... неумышленные. Кого-то этот яд убил, а у нашего мальчика с того дня внутри что-то нарушилось. Бывает так, что ни есть, ни пить не может... Мать воды не позволяет моему сыну напиться, и этим иссушила мне сердце. Да и не было там воды, в тех краях, куда нас выслали. Даже когда он родился, мы омывали его песком. А теперь врачи не могут понять, что это за болезнь. Она не излечивается – болезнь выселения.

– А чем сейчас занимается твой сын?

– Он агроном. Всегда в поле. Посмотри, какие у него руки, всегда в трудах. – Жансурат погладила руку сына, лежавшую поверх тонкого больничного одеяла. – Когда был маленьким, говорил: «Я буду выращивать на наших полях пшеницу. На Кавказе будет много хлеба». И эти слова тоже укрепляли в нас надежду. У нас не было ничего, кроме надежды – выжить и вернуться на родину.

– О, Аллах, чего мы только тогда не испытали, – подхватила Забида. – Как вспомню это горе, слезы вскипают. Вот мой муж лежит,

такой же неподвижный, как матрас под ним. И к этому привела жизнь в изгнании – ни сил, ни здоровья...

Жансурат вытирала глаза краем передника, – как была в простой домашней одежде, так и прибежала в больницу. Рукой попыталась разгладить кучерявые волосы сына. Затем, и без часов зная, что подходит время намаза, сняла передник и постелила его в дальнем углу палаты. Вытянула руки перед собой, как жаждущий протягивает их к источнику, и начала молитву. Выдержавшая много испытаний, обессиленная, она находила утешение и веру, оставаясь в пространстве, обозначенном ее передником из темной залоснившейся ткани. Когда она выпрямлялась, казалось – ищет исцеления среди семи небес, когда склонялась – сердцем распластывалась по земле, у сил ее просила здоровья для сына. Когда поворачивала голову налево – видела его бледное, осунувшееся лицо. А когда смотрела направо – перед глазами все равно стоял его облик. Слезы одна за другой стекали по щекам женщины и были подобны бусинам в молитвенных четках.

Бесконечная ночь

Посреди ночи, не выдержав духоты и резкого запаха лекарств, Жансурат настежь открыла окно. Палату заполняла прохладная свежесть.

– Поскорее бы утро. Может, еще до города придется добираться...

– Да придет к тебе радость, – оживилась Забида. – Чистый воздух – тоже лекарство. Я уже позабыла его вкус, живу здесь, как медведь в берлоге. Сколько времени за больным ухаживаю...

Жансурат вернулась к постели сына. От окна добралась и освежающая волна воздуха, пошевелила волосы Расула, тронула его бледное лицо. В эту же минуту дрогнули его растрескавшиеся губы, и он с трудом произнес:

– Воды...

– Сын мой, да перейдут ко мне все твои болезни. Скоро, скоро будет вода. Люди уже пошли в горы, к источнику.

Мать смочила край передника и бережно провела им по лицу Расула. Почувствовала, что у него снова начинается жар.

– Хвала Аллаху, хоть слово вымолвил, – сказала Забида. – Как говорят, «в желудке молодого и камень растворится». Молодость – тоже лекарство. Это старому человеку ничто не помогает. Теперь не переживай, сестра. Он пойдет на поправку. Аллах, который может вселить в холодное яйцо душу, и этому бедняжке даст сил и здоровья.

– Да, не все получилось так, как мы хотели, как мечтали там... Вернулись с горем пополам в родные края, – мать Расула, словно жаловалась Забиде на старую рану, которая никак не хотела заживать. – Кое-как удалось вернуться. А моя бедная сестра и сегодня живет вдали от дома, на чужбине. Нет, дом у нее там есть, и семья, дети взрослые,

внуки. Но здесь – родимая земля, родовое село, родные и близкие, всё, что окружало с детства. Там она живет в городе Ош... Только что это за жизнь – мотается туда-сюда по железной дороге. День-другой здесь, потом – обратно. Потом снова сюда. И нас издергала, и сама измаялась. Сколько лет ее сердце, разделенное надвое, не может найти приюта...

– Воды... – Расул слабо пошевелил рукой.

– Чтобы я раньше тебя умерла, дитя мое. Сама сейчас схожу к роднику. Запаздывают что-то посланцы наши.

Жансурат смотрела на стакан воды, стоявший на столе, и мучительно пыталась на что-то решиться. От напряжения разболелась голова.

– Послушай-ка, сестра. Не знаю, что и делать. Может, все-таки дать ему воды?

Забида замахала на нее руками.

– Нет, нет, не дай Бог, делай, как сказал доктор! Мало ли что. Если нельзя, значит – никаких, и все тут! Хочешь сохранить жизнь ребенку – терпи. Терпи, даже если видишь, как ему нелегко. «Кто умеет терпеть, тому достается лучшее».

Рука Жансурат остановилась на полпути к стакану.

– Кто-нибудь знал такую длинную ночь?..

– Ты уже вся не своя, сестра. Может быть, тебе поспать немного? Поспи, а я послежу за твоим сыном. Не беспокойся. Скоро уже и утро.

Жансурат прислушалась к словам соседки, и тут же, сидя на жестком стуле, машинально обернув руки передником, склонила голову к плечу и провалилась в сон.

Сон засухи

...В бескрайней песчаной степи – Расул и его отец. Нещадно печет солнце. Сколько столетий прошло с тех пор, когда здесь был последний дождь? И чем, интересно, они заняты? Жансурат поднимается в небо, чтобы взглянуть на них сверху. Они усердно, не давая себе ни минуты передышки, копают землю – спрессованную засухой, покрытую глубокими трещинами, безжизненную и равнодушную к страданиям людей. И вдруг – тугая кристальная струя ударила из земли, оросив ее вспыхнувшими на солнце брызгами. Ликуют отец и сын. На лице Расула, дочерна загорелом, такая же ослепительная, как эти солнечные блики, улыбка. Отец наполняет глубокую деревянную чашу, – родниковая вода приятно холодит руки, – и передает ее сыну. Расул принимает чашу обеими руками, подносит к губам...

– Нет! Не давай ему пить! Не пей! – Жансурат выбросила вперед руки, чтобы остановить сына, – и ударилась о железную спинку кровати. Проснулась, оглохнув от собственного гулко-сердцебиения. В панике огляделась, но сын по-прежнему спал.

Забида, еще не сомкнувшая глаз, спросила:

– Плохой сон приснился? Почему ты встревожилась, сестра?

– Нет-нет, ничего... – ответила Жансурат, но беспокойная мысль холодила: «Боже мой, почему в эти дни стал сниться покойный муж?».

Она посмотрела в окно на гаснущие звезды. Вдалеке, на фоне просветлевшего неба, проявилась цепь гор. И как только на их вершины упал первый розоватый отблеск, за окном резко и вразнобой загомонили птицы.

– Слава Аллаху, утро наступает, – Забида, чтобы прогнать ночное оцепенение, подошла к столику, заставленному лекарствами, и принялась наводить на нем порядок.

Песчаный дождь

Расул пытался открыть свои глаза пробуждающемуся миру. Пробовал двигать руками и ногами, удивляясь, что они послушны ему. Выговорил едва слышно: «Ай... Луна...»

«Боже мой, помоги моему ребенку! Он начинает выздоравливать. Но при чем здесь луна?» – мать поспешила к постели сына.

– Воды...

«Что же делать? Боже, как ему помочь? Если дать воды – что врачи скажут? Напоить – значит, самой навредить моему мальчику!»

Забида не знала, что сказать соседке, что посоветовать, и оттого чувствовала себя виноватой.

– Луна... вода... – повторяла за сыном Жансурат. – Не пойму я, подруга. Может быть, он вспоминает Айсулу – Водяную луну?

– А кто такая Айсулу?

– Соседская девочка. Они вместе школу оканчивали. И до сих пор общаются. Кажется, они равнодушны друг к другу.

– Айсулу?

– Да, родители дали ей это имя в память о Казахстане.

– Молодежь, наравне со старшими, продолжает нести в себе эту боль. Если нет душевного покоя у нас, откуда ему взяться у них...

Расул тревожно оглядывался по сторонам.

– Мама, воды...

Жансурат не оставалось ничего другого, как снова протереть ему лицо влажным передником.

– Сейчас принесут, душа моя. Отправились за водой к источнику. Уже наступает утро, скоро солнце поднимется. Даст Бог, будет день.

– Солнце?... Мама, если будет затмение солнца, я дам свет твоему дню. А если затмение луны – освещу твою ночь.

– Да уберезет нас Аллах от затмений солнца и луны.

– Когда было затмение луны, ты была в медный таз. Это было важнее, чем сегодня – запуск спутника в космос.

– Отдохни, мой сын, отдохни. Ты – яркая моя звезда!

– На небе много ярких звезд, но ты... Ты прости меня, мама. Мы с тобой проживем до ста лет, нет – до тысячи. Я бы хотел прожить столько...

– Спи, дитя мое. Все твои мечты сбудутся во сне. А тот, у кого исполняются мечты, – счастливый человек. Не трать силы на разговоры...

Жансурат и сама притихла, вслушиваясь в его слабое прерывистое дыхание, материнским чутьем постигая происходящее с ним, и когда страшная тишина повисла в палате, в глазах у нее потемнело, из-под ног рывком ушел пол. Ноги больше не держали.

– Нет! Мой сынок!.. – она припала к нему и увидела, как на сына сыпался темный и горячий песок. И так быстро сыпался этот песок, и так его было много, что кровать Расула почти скрылась под ним. Мать бросилась разгребать его руками, разбрасывая во все стороны, стараясь пробиться к сыну. А песок сыпался и сыпался, и справиться с ним было уже невозможно.

Айсулу

Две женщины, придерживая Жансурат за плечи, помогли ей пройти в соседнюю палату. Краем глаза она заметила Айсулу. Одинок и потерянно стояла девушка в больничном коридоре, прижимая к груди флягу с родниковой водой, а мимо шли больные, спешили по своим неотложным делам врачи.

Тело Расула привезли домой, дом был полон людей. Плач Жансурат был слышен всему миру.

– О-у, проклятая твоя мать, несчастная твоя мать, почему я не умерла раньше тебя?! О Аллах, мы все в Твоей власти, мы все предстанем перед Тобой. Но одно мучает меня, разрывает мне сердце. Я не могу себя простить: когда мой сын просил воды, почему я отказала ему в этом?! Он просил о глотке воды. Как он мучился, сколько раз просил... Один глоток воды!..

– Не кори себя, значит, такова была воля Аллаха. Не терзайся так, сестра, – не отходила от матери Забида. – Видно, он выпил всю предназначенную ему на земле воду. Никто не поможет тому, чей срок для питья воды окончен...

Когда тело Расула выносили со двора, стал мелко-мелко накрапывать весенний дождь.

Надежда ВОРОКОВА

Надежда Умаровна Ворокова родилась в г. Нарткала КБАССР в семье учителей. В 1984 году окончила очную аспирантуру Ленинградского государственного университета по кафедре общего языкознания. Доктор филологических наук, преподаватель. В настоящее время – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского государственного института искусств.

ЕЁ МУЖЧИНЫ*Рассказ*

У него была сладкая фамилия – Медовый, хотя сам он был человеком хмурым. И жена, естественно, тоже стала Медовая. Жили они на юге России, в одном из небольших городков, сотни которых разбросаны по нашей необъятной стране.

Жили они довольно закрыто – муж не любил шумных компаний, лишних разговоров. Жена, наоборот, была улыбчивая, общительная, но из-за характера мужа была вынуждена тоже молчать целыми днями, тихо разговаривать, свои мысли оставлять при себе. Что объединило эту пару – загадка. Появились они в городке, когда обзавелись уже детьми и прожили вместе достаточно много лет. Купили небольшой дом на окраине, в частном секторе, как сейчас говорят, и стали жить – незаметно, тихо и как-то скрытно.

Никто не бывал у них в гостях, а если кто-то и зайдет по неотложному делу – всё как у всех, ничего странного, только сосед слишком молчаливый какой-то. Дети ходили в школу, родители – на работу. Он работал слесарем, она – медсестрой. В последнее время, правда, он уже не слесарничал, здоровье уже не то, говорил. Но продолжал работать – устроился сторожем в школу: ночь работает – три ночи дома. Татьяна не возражала, хотя по ночам жутковато было одной. Но верная овчарка, которая жила у них во дворе, придавала ей смелости.

Дети окончили школу и уехали учиться в столицу. В те времена (а случилось это в восьмидесятых годах) кое-как можно было свести концы с концами и обучать детей-студентов. Дети жили в общежитиях, за жильё не платили. Родители каждый месяц отправляли им немного денег по почте, стипендия – вот и выживали дети, а родителям что, много надо? У них свой огородик, соленья, варенья, и денег немного оставалось.

В общем, родители взрослых сына и дочери остались одни, без детей, и стало как-то совсем тихо в их доме. Долгими зимними вечерами после работы смотрели телевизор, а летом занимались огородом допоздна, заходили в дом, когда уже смеркалось, усталые, и сразу спать – и на телевизор сил уже не было.

«Как ты с ним живёшь, странный он какой-то», – говорили ей соседки. В ответ она только плечами пожимала. Но, вроде бы, он её не обижал: одета была не хуже других женщин на работе, волосы подкрашивала, косметикой пользовалась. Муж ей ничего этого не запрещал, хотя был на десять лет старше. Был он довольно высокого роста, смуглый, с правильными чертами лица, уже облысевший – ведь было ему на момент нашего рассказа под шестьдесят. Она была светлокожей, голубоглазой шатенкой, на вид весьма привлекательной. Вела она себя неизменно скромно, не любила крепких выражений, не было в ней ничего бабьего – напротив, было в манерах что-то интеллигентное, умное, ненавязчивое.

Недавно Татьяне исполнилось пятьдесят лет, на работе она накрыла небольшой столик для всей смены. Врачи, медсестры, санитарки – все собрались за праздничным столом и поздравили её с юбилеем. На память подарили электрический самовар – тогда это было очень модно. Довольная, возвратилась она домой с подарком.

– Поздравили, – сказала она мужу, заноса самовар в дом.

– С чем?

– Как с чем – с днём рождения, тем более круглая дата, – ответила она весело.

Он ничего не ответил, просто замолчал, видимо, считая годы. Но она не обиделась – давно привыкла к его нелюдимому нраву. «Зато не пьёт, деньги домой приносит, не дерётся», – убеждала она себя каждый раз, когда слишком тоскливо становилось рядом с ним.

Но дьявол не дремлет. И, желая задержать последние лучи заходящего солнца своей молодости, она погибла.

Появился в лор-отделении районной больницы, в котором она работала, новый больной. Ему было лет сорок, или меньше, был он подтянутый, спортивного вида красавчик южных кровей. Открытая улыбка, крепкие белые зубы, грациозные, как у тигра, движения, высокий рост. И вёл себя очень прилично: много не болтал, приветливо улыбался, всегда благодарил за укол. О национальности она не спрашивала, не русский и всё. Зачем спрашивать?

Пролежал он в больнице полторы недели, и как-то так вышло, что они подружились. Когда Татьяна, управившись с уколами, перебирала бумажки, сидя на медсестринском посту, он садился рядом, что-то рассказывал негромким голосом – как правило, что-то смешное. Когда пришло время выписываться, он подошел к ней, поблагодарил и попросил

выписку из истории болезни. Татьяна не успела её оформить, слишком много дел было.

– Вы далеко живёте? – спросила она.

– Не очень.

– Может быть, вы позвоните завтра? – предложила она. – Я всё подготовлю.

Так и сделали. Он позвонил, пришел, получил выписку из истории болезни. И стал позванивать время от времени, так, просто поболтать. У него времени было предостаточно. Он сказал, что холостяк, у него кооперативный цех по производству искусственных цветов – он сам себе хозяин. (В конце восьмидесятых появились подобные цеха, в которых работали инвалиды.)

И вот однажды, после окончания рабочего дня, вышла Татьяна из больницы – кругом темно, только одинокий фонарь мигает. Но до остановки было рукой подать. Пошла она быстрым шагом к остановке, и вдруг видит – из ближайшего сквера фигура приближается прямо к ней. Она приостановилась в нерешительности – кто это? Оказывается, это был Карэн, её знакомый по больнице.

– Вы меня напугали, – сказала она. – Откуда вы взялись?

– Просто решил вас проводить.

– О, это ни к чему, – сказала она. – Здесь близко до остановки.

Но ей было приятно. Он уговорил её пойти пешком, свежим воздухом подышать. Она согласилась, почему бы и нет? Весь день в больнице, в духоте, надышалась запахом лекарств и больничных палат. Шли не спеша, говорили о том о сем, ничего конкретного, но казалось, что они очень давно знакомы, будто он читает её мысли. С ним было как-то легко, она почувствовала, будто помолодели её тело и душа. Она остановилась за квартал до своего дома.

– Дальше я пойду сама, – сказала Татьяна. – У нас такие любопытные соседи.

Он понимающе кивнул и улыбнулся – открыто, тепло и без пошлости.

– Понятно.

Коротко попрощались. Он ни о чём не спросил, она тоже. Так и повелось: часто он провожал её до этого места – а дальше она шла одна. Был ноябрь, начало зимы, короткие дни. Они шли в сумерках, поэтому она не очень беспокоилась, что их кто-то узнает. И потом, говорила она себе, что тут плохого? Просто немного отвлеклась от надоевших, повторяющихся изо дня в день дел. И, конечно, она зря так думала.

Когда муж ждал дома, она старалась идти побыстрее, чтобы не было лишних расспросов, когда у него было ночное дежурство – шла не спеша и чувствовала себя спокойнее. И Карэн это заметил. Но она не объяснила, в чем дело.

Так прошло больше месяца, через день наступал Новый год. Она вышла как обычно из больницы, отправилась на остановку и стала искать глазами его – ей уже не хватало его голоса, прикосновения его руки, когда они здоровались, его взгляда. В глубине души она понимала, что нужно всё прекратить, но надеялась, что это сделает он – просто перестанет приходить. Но он снова её ждал. Он сделал ей новогодний подарок – протянул небольшую коробочку. Она очень смутилась, приняла подарок как-то нерешительно, открывать не стала – было темно и шёл снег. И в этот вечер он её крепко обнял и поцеловал. Она, конечно, этого хотела и ждала, но не признавалась себе в этом. А теперь, после этого поцелуя, всё стало ясно, всё обнажилось. Никакая это не дружба, и свежий воздух здесь не при чем. Это – любовь. И это позор, просто свинство по отношению к мужу. Вот какие мысли отпечатались в её голове сразу же, как он её поцеловал.

Что было ей делать? Бежать, бежать, куда глаза глядят, бросить работу и не выходить из дому. Но, конечно, этого она не сделала. Она попала в поток, её понесло, как щепку, и судьба её зависела уже не от неё, а от прихоти этого потока. И она это поняла, но безропотно, как овечка, идущая на заклятие, подчинилась воле судьбы.

Она пришла домой, сняла пальто, умылась и открыла коробочку, которую вручил Он. Никогда в жизни она не получала таких подарков – это были золотые сережки с крупными прозрачными бледно-розовыми кристаллами. Как они были красивы!

А что же он? Конечно, он в неё влюбился. Да, у него были чувства к ней, он не был циничным развратником. Его родные остались на родине, возможно, и семья у него была там, на родине. Кто знает? Но здесь, в этом городишке, он был одиноким и чужеродным для окружающих. А в ней он увидел не только красивую женщину, он почувствовал в ней доброту и уважение к любому человеку любой национальности, в том числе и к нему. И его это покорило.

Что было потом? Конечно, тайные свидания, с интервалом в три ночи, соответственно рабочему графику человека со сладкой фамилией, нелюдимого мужа Татьяны. Она не думала о том, что её могут просто выгнать на улицу, опозорить, избить в конце концов. Она ни о чём не думала, просто говорила себе: еще одно свидание – и всё. А ночи становились всё короче, а дни – длиннее.

Как раз на восьмое марта муж дежурил, и она решила, что сегодня – последнее свидание. «Всё, это невозможно, это подло и опасно». Она решила, чего бы ей это ни стоило, расстаться с любимым.

Когда стемнело, Карэн тихо открыл незапертую калитку, собака его уже узнавала, только чуть-чуть вильнула хвостом. Он тихо постучал, она повернула ключ, он вошёл. Жаркие объятия, сладкие минуты, каких она не испытывала никогда раньше. Она решила объявить о

своём окончательном решении в конце свидания, перед его уходом. Он, как всегда, пришел с гостинцами, всякими вкусностями и бутылкой. Она накрыла на стол, он наполнил бокалы густым рубиновым вином. Ударившись друг о друга, бокалы зазвенели, и ей стало грустно. «Ты самая прекрасная, – сказал он. – За тебя!» И выпил до дна. Потом полез в карман, наклонился к ней и ловким движением надел ей на шею золотую цепочку с медальоном – с таким же, как и в сережках, светло-розовым кристаллом.

Да, это было восхитительно. Он был сильный, нежный, такой прекрасный! Это и есть счастье, подумала она, слезы навернулись ей на глаза. Она уткнулась лицом в подушку...

Часы показывали двенадцать. «Тебе пора», – сказала она.

Он поцеловал её в щеку и стал одеваться, она накинула ночнушку и молча смотрела на него, готовясь к прощальному разговору. Медальон сиял на её шее розовыми искрами.

И в этот момент они услышали настойчивый стук в дверь, закрытую на щеколду. Стучали сильно, кулаком. Оба будто остолбенели. Подошли к двери, прислушались. Кто-то пытался открыть дверь ключом, кто это мог быть? Она поняла, что это муж. Снова стали сильно стучать. В спальне горел ночник – понятно, она дома. Что было делать, они не знали. Стук прекратился и через несколько секунд возник вновь, но уже со стороны спальни. «Беги!» – сказала она Карэну, открыла дверь, он тихо выскользнул и исчез в темноте. Она вернулась в спальню. Стук прекратился. Она решила лечь в постель, всё тело дрожало. И вдруг услышала страшный грохот – выбивали окно. Последнее, что она увидела, – это топор, показавшийся из-за оконных занавесок...

В суде Медовый плакал, говорил, что очень сожалеет о том, что сделал. «Убийство совершено в состоянии аффекта», – постановил суд и вынес приговор: четыре года в колонии общего режима.

Как оказалось, добрые соседи заметили странные движения в доме Медовых и шепнули хозяину. А что же Карэн? Убежал, чтобы спасти честь Татьяны, так он говорил себе. В суд он не пришёл, говорят – уехал.

Азиза МАХИЕВА

Азиза Махиева – ведущий библиограф Национальной библиотеки КБР им. Т. К. Мальбахова. Рассказы и очерки публиковались в журнале «Литературная Кабардино-Балкария», газетах «Заман», «Горянка» и др.

ЭКРАННЫЙ СЫН

Рассказ-быль

Ближе к вечерним выпускам местного телевидения Фирдаус спешила домой. Женщина давно взяла за правило: где бы ни находилась и чем бы ни занималась, должна сидеть у телевизора во время республиканских новостей.

Её невозможно было упросить посидеть ещё немного, каким бы интересным и занимательным ни был разговор, какими бы забавными и любопытными ни были сельские новости в компании соседок.

– Ну вот, опять засобиралась, как будто семеро по лавкам у неё, – недовольно говорила Радима, ближайшая соседка и приятельница. – Да посиди ты спокойно, на том свете спрос будет за то, что не отдыхаешь.

– Не могу, ждут меня, – шутила Фирдаус и, легко поднявшись с низкой, приникшей к земле лавочки, спешила к дому.

– Можно подумать, ящик интересней, чем наши посиделки, – удивлялась продавщица Разият.

Прибежав домой с вечерних посиделок, на которых уже и посплетничать было не о чем и не о ком, Фирдаус включала телевизор и помолодевшими глазами всматривалась в лицо ведущего. Постепенно её взгляд становился мягким и добрым, таким, о котором тоскует каждый ребенок вдали от матери.

– Что-то ты, сынок, сегодня усталый, вчера был другой. Что так утомило тебя, молодого да красивого? – задумчиво спрашивала она, не отрываясь от экрана. – Пусть будет довольна тобой твоя мать.

В другой раз, улыбаясь и радуясь, говорила:

– Вот сегодня ты молодец, сынок, ну прямо светишься!

Симпатичный молодой телеведущий словно слышал её, по лицу пробегала мягкая улыбка.

– Аллах насыбыгъы алмасы! – желала она ему на балкарском языке. – Дай бог тебе счастья!

Пока он вёл передачу, Фирдаус всегда ему что-то рассказывала на родном языке. Все подмечала она: и новый галстук, и прическу, и новую рубашку.

В конце передачи, вплотную подойдя к экрану, она гладила его по лицу:

– Жашым, Аллаха аманат бол. (Храни тебя бог, сынок!)

А он будто понимал ее и обаятельно улыбался на прощание.

Однажды Фирдаус собрала в фартук большие краснобокие яблоки и высыпала их прямо на стол перед телевизором со словами:

– Хоть бы раз, сынок, отведал этих вкусных яблочек. Они ведь выращены в моем огороде, без химикатов, но с моей материнской любовью.

Когда телеведущий в очередной раз приветливо улыбнулся, Фирдаус возмущенно взмахнула руками: её единственный сыночек поседел. В конце передачи, смахивая слезу, она грустно заметила:

– Сынок, когда же ты успел постареть так незаметно...

Все реже и реже видела Фирдаус своего сыночка на телеэкране.

– Знать, пошёл на повышение, – с гордостью думала она.

Изредка, словно исполняя её желание почаще его видеть, шли по телевизору большие, торжественные концерты, на которых он был ведущим. Она волновалась каждый раз, когда он выходил на сцену, и радовалась, когда весь зал аплодировал его появлению.

Соседки, конечно, над ней продолжали подтрунивать:

– Фирдаус, ну что на этот раз просила для экранного сына на своем коврикe? Нет бы, для меня попросила чего у Бога... А то радости, здоровья, защиты для него, всё для него просит. Сама бы хоть знала его, – шутя приставала Радима.

Фирдаус беззащитно улыбалась в ответ.

– Какая разница, знаешь ты человека или нет, молиться можно за всех, – защищала подругу Разият от вечных нападок Радимы.

Женщины на лавочке ещё долго молчали, каждая думая о своем, потом тихо расходились по домам. Радима бралась за вязание, Разият начинала приготовления к ужину для большой семьи, а Фирдаус по многолетней привычке включала телевизор, а потом тихо молилась в дальнем углу за всех, кого любила.

После её скоропостижной смерти соседки часто вспоминали о ней. Она любила пошутить и, видимо, предчувствуя смерть, говорила:

– Чтобы ко мне на поминки пришли нарядными, не вздумайте в старых халатах и таких же тапочках приходить, прогоню! Когда меня не будет, каждый день убирайте в моем доме комнаты, двор и хлев. Работать нужно, девочки. И мой дом – теперь тоже ваша работа. Похудеть вам надо, подружки, – критически разглядывая раздобревших подруг, задорно смеялась Фирдаус.

Женщины, вспоминая её слова, старались содержать её дом в порядке. Часто собирались возле её телевизора, приговаривая:

– Пусть будет как при ней, телевизор она любила всегда...

Однажды, переключая каналы, они удивились, увидев «пропавшего» телеведущего, экранного сына Фирдаус. Женщины смотрели теперь во все глаза, не в силах что-то произнести. С экрана смотрел немолодой уже человек, возраст прибавил ему благородной привлекательности. Видимо, сын Фирдаус стал большим человеком и теперь не он вёл передачу, а его пригласили в студию. Как жаль, что Фирдаус не успела порадоваться его большим успехам.

КОНСУЛЬТАНТ

Магазин, вернее зал с детскими вещами и игрушками, переполнен и тем, и другим, а покупателей почти никого. Я уже пожалела, что была равнодушна к подошедшей ко мне молоденькой девушке со словами:

– Вам помочь? Что вас интересует?

Зато теперь она и другие девушки, сбившись в стайку, о чем-то беседовали в начале зала, у кассы.

«Сто лет не была и не покупала ничего детского, навыки потеряны», – мысленно говорила я себе, в который раз обходя прилавки, переходила от мягких, ядовитых расцветок медвежат, зайчат, лисят к машинкам, от спортивно-гоночных до самосвалов, от самоходно-пультовых до механических, каких только нет...

Кто поверит, что выбрать племяннику подарок из такой массы игрушек я не могу?

Накануне он так забавно хвалился, загибая один палец:

– А мне чetyле года будет, и подарки будут, в воскресенье день рождения.

«Подарю деньги, пусть родители сами ходят, выбирают!» – наконец-то я принимаю окончательное решение.

– Мама, вот эта точно понравится, она полицейская, с сиреной, и пульт есть, посмотри...

Молодая женщина держала в руках машинку, которую только что с таким восторгом и радостью принес мальчуган лет семи.

– Мама, она ему точно понравится, на ней любого нарушителя поймать можно... – фантазировал мальчуган.

– Берём, раз тебе понравилась, – улыбнувшись, согласилась женщина.

– Вам проще, у вас вон какой консультант, – сказала я, приближаясь к ним, – а я вот ничего не подберу имениннику.

– Консультант сам выбрал, – улыбаясь, согласилась женщина.

– Мы выбрали полицейскую машинку, – с гордостью сказал мальчик.

– На день рождения братику?

– Нет, нам в школе сказали для детей-инвалидов принести игрушки, – внес ясность мальчик, – правда, классная! – восхищенно продолжил он, любуясь белой с синей полоской по бокам машиной.

– А вы тоже для детей-инвалидов выбираете?

– Хамзат?! – укоризненно произнесла имя сына мать...

– Да ничего... – растерялась я.

Они направились к кассе, но я слышала их разговор:

– А они, дети-инвалиды, как дедушка Нану, не ходят, они на коляске, да? У них только коляски меньше, да?

– Не знаю, сынок. Разные они, кто-то не ходит, кто-то не видит, кто-то не разговаривает...

– А мама есть у них? А их вылечат? – Хамзат задавал вопросы, надеясь, что мама ответит: «Да, сынок, их обязательно вылечат...» – но мама молчала.

С чувством грусти и безысходности я покидала магазин. Нужная мне маршрутка какое-то время ждала пассажиров, не спеша заполнявших салон. Ко мне присоседилась молодая, но грузная женщина, не выпускавшая из рук дорогой айфон с надкушенным яблоком. Закинув далеко не стройные конечности друг на друга, женщина громко разговаривала с подругой:

– Я закончила ремонт, приходи, закачаешься. Слушай, у тебя случайно нет старых детских игрушек? Хорошо. Да, моей младшенькой в школе сказали, чтоб для детей-инвалидов принесли ненужные вещи или игрушки. У неё есть, только новые. Жалко, конечно. Наверное, дали инструкцию из департамента насчет подарков для детей-инвалидов.

Пассажиры маршрутки молча слушали её. Когда, наконец, она отправила телефон в карман, все облегченно вздохнули. А я подумала: «Всё лучшее детям... А где оно, лучшее? И чьим детям?»

НОЧНОЙ ПУТНИК

Рассказ

Эта история произошла со мной во время высылки балкарцев в Среднюю Азию и Казахстан. Наша семья попала в большое селение, и, по моим детским ощущениям, оно было огромным – без начала и конца. У нас на родине таких аулов не было, но жившие там люди занимались привычным делом – земледелием и скотоводством.

Мои родители тоже устроились работать в колхоз, мама дояркой, а отец скотником. Нас, детей, в семье было пятеро. Я – старший, мне было пятнадцать лет, брат и три сестры – младшие.

За фермой, где работали родители, расстилались бескрайние пастбища, сенокосы. А за ними – километров пятнадцать-двадцать – находилось ещё одно село. Там жили казахи. Об этом мы только слышали, но никогда туда не ходили. Нам нельзя было отлучаться, и, фактически, из дома мы выходили только, чтобы пойти в магазин, находившийся в центре. Я, по возрасту, естественно, уже помогал дома по хозяйству.

В дни переселения наши родственники попали в разные места. К большому сожалению, никого из них с нами рядом не оказалось. Мы долгое время искали свою тётю – папину сестру. Безуспешно. Но поиски не бросали, отец расспрашивал про своих родных у всех, кто по случаю оказывался у нас в колхозе.

Он часто ездил на рынок в Алма-Ату, там встречался со своими земляками, у них тоже спрашивал про своих близких. Как-то, после очередного возвращения, мой отец вернулся очень радостный и воодушевленный. Он весь светился, и мать даже спросила – не возвращают ли балкарцев на родину? Он ответил: «Это было бы хорошо, только я о другом хотел тебе сказать. Один знакомый сказал мне, что моя сестра, оказывается, всё это время живет в селе, что за нашей фермой».

Сестру отца мы очень любили, до выселения жили в одном доме. Она не была замужем, очень много внимания уделяла нам, и, по положению тёти – больше, чем наша мама.

На следующий день, утром, отец привел коня и сказал мне: «Садись на него, поедешь в соседнее село, найдешь там свою тётю. Затем вернешься домой, но, если ей понадобится помощь, оставайся там и помоги. Дорогу обязательно запомни, и по ней вернешься обратно домой». Мать собрала гостинцев и привязала их к седлу. Отец показал дорогу, и, сев на коня, я отправился в путь. Конечно, был очень горд тем, что мне до-

верили такое важное дело. Что там для меня – проехать это расстояние по прямой и ясной дороге, к своей любимой тётушке?

Ближе к обеду я проехал пастбища, сенокос и вскоре встретил несколько человек, они убирали хлеб. Некоторые из них работали на комбайнах, а другие на машинах вывозили пшеницу. Это были местные жители – казахи. Их язык я знал чисто, подошёл, поздоровался с ними, попросил показать дорогу. Они поинтересовались целью приезда. Я рассказал им о тёте, оказалось, они знали её и объяснили, как найти.

В предвкушении встречи с папиной сестрой, я вновь отправился в путь, тянувшийся по небольшим холмам, жалея коня, я порой спешился. Впрочем, скакун оказался хорош, он, иногда переходя на рысь, легко шёл вперёд и мне приходилось даже сдерживать его и направлять. Ближе к вечеру я добрался.

Село было небольшое, не похожее на наше. Здесь все знали друг друга. Встретив одного сельчанина, я спросил, как можно найти мою родственницу. Он показал мне, где жила тётя.

Она была перед домом. Сидя на лавочке, о чём-то беседовала с женщиной-казашкой. Я спешился и, подойдя к ним, поздоровался на балкарском языке. Услышав родную речь, тётя вскочила с места, несколько мгновений пристально смотрела на меня, затем крепко-крепко обняла и расплакалась – слезы текли по её щекам ручьями, она не могла остановиться.

Конечно, в этот день она меня никуда не отпустила, мы проговорили с ней почти до утра. Я три дня гостил у неё, помогал по хозяйству. На четвёртые сутки после обеда решил вернуться.

Возвращались по той же дороге, словно поняв, что едем домой, даже мой вороной шёл на длинной рыси, не снижая скорости. Но выехали поздно, и когда, пройдя сенокосы, добрались до пшеничного поля, было уже совсем темно. Убранное поле уже вспахали, вывернутые пласты, казалось, поглощали скудный, едва ощутимый свет тёмного беззвёздного неба, и от этого ночь казалась совсем чёрной. Я был совсем молод, растерялся, не знал, куда идти и что делать. Иду налево – ничего не видно, возвращаюсь обратно, иду в другую сторону, тоже ничего не вижу. Я долго крутился на одном месте, в конце концов, небо начало очищаться, появились редкие блёстки звёзд. Когда стало чуть светлее, я решил ехать напрямую, через вспаханное поле.

Однако скоро я пожалел и об этом. Остановил коня в центре глухой и ровной мглы, одинаково простиравшейся во все стороны. Кругом одна пахота, ни конца, ни края не видно. Никогда до этого мне не приходилось одному уходить из дома так далеко. В такую ситуацию я раньше не попадал и, сидя в седле, я, ощущая волны поднимавшегося в груди страха, думал, куда повернуть... Налево, направо? А, может, просто вернуться. Только ни левой, ни правой стороны я уже не знал и не видел – как и дороги обратно.

В этот момент я услышал душераздирающий вой позади себя, да такой, что дрожь пробежала по спине. Я обернулся посмотреть, что бы это могло быть, но в следующее мгновение этот вой звучал уже отовсюду.

Пока я думал, в панике пытаюсь уяснить очевидное – кто или что издаёт эти звуки – конь подо мной задрожал всем телом и, коротко всхрапнув, неожиданно прынул вперёд. Он с места прыгнул на пару метров и, сразу же заёкав селезёнкой, словно после долгой скачки, помчался по свежевспаханной земле, так, что я едва удержался на нём. Но волки – а это, естественно, были они – заходили на нас полукольцом, вой нагонял нас, и по нему было ясно, что стая большая.

Звёзд на небе стало больше, и появилась яркая, белая луна. Конь, надсадно и шумно дыша, шёл тяжёлым, вязким галопом. Я пытался увидеть хоть что-нибудь на бескрайней плоскости, залитой синим светом, но залитые страхом глаза не различали ничего в мелькании ритмично содрогающихся равнины и небес. Ни стороны, ни направления, только дробно содрогающаяся земля под копытами коня, и приближающиеся оскаленные морды – видеть их я, наверное, не мог, но жёлтые глаза ощущал очень чётко – сразу все.

И вдруг впереди меня, в неверных, колеблющихся лучах луны, показался всадник. Откуда и как он появился, я не знаю... Он был от меня примерно в двадцати метрах. Был огромного роста, немного жутковато было даже смотреть в его сторону. Но когда накатил очередная волна воя, я окликнул его. Он не отозвался мне, я старался не отставать и идти в одном направлении с ним. Вскоре всадник начал отдаляться от меня, и все мои попытки приблизиться к нему оканчивались тем, что мой тёмный спутник просто прибавлял скорости. Мой конь был явно медленнее. И так он держал нас на определённом расстоянии – приближаться не давал, но и не уходил далеко. Кто знает, сколько мы так ехали? Моё внимание было сосредоточено на всаднике, и я даже не заметил, как отстали и замолчали волки.

Услышал крик петухов, за ним и лай наших сельских собак. Я увидел огни нашего села, здесь я чувствовал себя хозяином, знал каждую тропинку, каждый камушек и кустик. Приободрившись, вспомнил про своего спутника, хотел его поблагодарить, но осмотревшись не увидел его. Как появился он из ниоткуда, так и исчез в никуда. Кто был этот таинственный всадник, я не понял, но помню его до сих пор.

Спустя несколько дней рассказал о всаднике своему отцу. Призадумавшись немного, он ответил мне: «Давно, будучи еще ребенком, я услышал от наших старших, что есть дух, который помогает заблудившимся путникам, у которых чиста душа и добрые намерения. Это был он. «Ночной путник».

С тех пор прошло много лет. Я часто рассказываю эту историю своим внукам, они любят её слушать. Да поможет Аллах всем странствующим в ночи!

Перевод с балкарского Асият Жабоевой

Султан ПШИБИЕВ

ЖЕНИТЬБА ПО-КАВКАЗСКИ

Рассказ

В народе говорят, что невезучего и на верблюде собака укусит. Не врет наш мудрый народ. Все так и есть. Если суждено тебе горе мыкать, то лучше на того верблюда и не садиться. Сиди на своем ишаке – судьбу, все одно, не обманешь! Хотя...

Случилась эта история в далекую пору расцвета НЭПа. В поселке Мазкала, где я осел после революционных бурь и подыскал работенку в строительной артели, какие-то залетные воры обчистили магазин. Из кассы унесли около десяти кусков. Настоящих грабителей милиция отыскать не смогла, но, видно, начальство сильно давило и раскрытия требовало, и нашли тогда мильтоны подходящего человечешку. Им оказался я, несчастный. Были у меня и раньше с законом проблемы, и на роль козла отпущения подходила моя личность, как никакая другая. В общем, взяли меня.

О презумпции невиновности никто в те времена в наших краях и не слыхивал, дела «шились» быстро, и после скорого следствия получил я путевку в тогдашний общесоюзный «курорт». На Соловки то есть.

Поначалу думал я, что билет будет в один конец, что не увидать мне больше родных мест, не услышать шума горных речек, не отведать горячего кукурузного чурека с калмыцким чаем, но все оказалось не так плохо, как представлялось на суде и на этапе. Через пару месяцев я притерпелся к лагерному житью-бытью, пообтерся и понял, что и здесь, за колючкой, жить можно – главное не падать духом и личность свою не выпячивать.

С тамошним начальством мне, можно сказать, повезло. Был я малым покладистым, ни с кем не задирался, норму давал, и оно, начальство, платило мне спасительным равнодушием. Даже злющие лагерные вертухаи дивились моему смирению и почитали за юродивого. Так и шли мои серые дни – от побудки до отбоя.

Спустя какое-то время в лагерной газете вышла статья. В ней один большой начальник объяснял, что мы, зеки, не есть конченные враги советской власти. Что заблудшие мы и подлежим перековке, после которой вольемся в стройные ряды строителей самого лучшего на свете общества. После статьи той, месяца через два, тем из зеков, кто не качал права и, как полагается, вкалывал, от родного начальства стали выходить разные послабления. Вкусил и я, грешный, от тех милостей. Сначала обнадежило меня начальство скорым пересмотром моего дела в сторону уменьшения срока, а вскоре с кирки и лопаты поставило на бесконвойный участок – разнорабочим лагерной базы стройматериала-

лов. Теперь я мог свободно передвигаться по базе, охраняемой вохрой только по периметру, мог перекинуться парой слов с вольняшками, и скоро свел знакомство с шофером полуторки, который дважды в день привозил в нашу столовую хлеб. Я помогал разгружать его драндулет, болтал с ним о разных мелких разностях и понемногу близко с ним сошелся. Виктор – так его звали – оказался человеком набожным. Отец его, православный батюшка, был расстрелян еще в начале двадцатых, а семью – мать, братьев, сестер – разбросала советская власть по всей необъятной стране – кого в детдом, кого – в ссылку. Виктора же судьба-индейка кинула сюда, на Соловки. Подфартило ему, однако, больше чем мне – не зекон он сюда прибыл, а вольнонаемным работягой. Ко мне он расположился с первых дней, может родственную душу узрел – не знаю, но со временем и я стал все больше ему доверяться – ведь человек не волк, трудно в одиночку такую жизнь ломать.

Эх, воля вольная! Как ни обвыкся я в лагере, как ни угрелся на хорошем месте, а на волю тянуло сильно, мысли о побеге посещали все чаще. И вот однажды, когда мы с Виктором уже крепко сдружились, открылся я ему, сказал, что бежать хочу. На слова мои он вздохнул глубоко, свернул сигарку, закурил и, выпустив облако горького дыма, выдохнул: «Тут подумать надо».

Через несколько дней он решился. План был простой: Виктор спрячет под сидением гражданское барахло, заедет на территорию базы и, после разгрузки, в кузове вывезет меня на волю.

В один из майских дней, за час до поверки, мы быстро выгрузили хлеб, после чего я вскарабкался в деревянный ящик хлебовозки. Завалив меня тряпьем, Виктор задвинул в ячейки пустые подставки и завел машину. Наша полуторка, раскачиваясь на ухабах, медленно ползла к контрольно-пропускному пункту. Я весь сжался во тьме моего убежища и едва не взвыл, когда машина остановилась, лязгнула открывающаяся дверца и в солнечном прямоугольнике замаячил силуэт вохровца. Несколько секунд, щурясь после весеннего солнца, он всматривался в пропахшую кислым хлебом тьму, но ничего подозрительного так и не увидел. Хлипкая дверца с шумом захлопнулась, и еще через мгновение, которое мне показалось вечностью, я услышал спасительное «езжай!».

Эх, знал бы я, что начальнички выполняют свое обещание, что отошлют мое дело на пересмотр! Не рисковал бы! Не полез бы в темный хлебный ящик!

Выехав через КПП стройбазы, Виктор направил свою тряскую колымагу к железной дороге. Через полчаса пути, немного не доехав до полотна, машина заехала в лесок и остановилась. Раскидав подставки, я выбрался из кузова, переоделся в привезенную моим другом штатскую одежку – рванный свитер, холщовые штаны, ватник, и мы стали прощаться. Виктор протянул мне несколько засаленных купюр и завернутую

в тряпицу буханку черного хлеба. «Прощай, братка, – сказал он, по-грустнев. – Видать, не свидимся уже. А деньгами не брезгай, возьми».

Хлопнула дверца кабины, взревел мотор, и я остался совсем один. Когда стемнело, крадучись, пошел вдоль «железки» по направлению к ближнему полустанку. Виктор рассказывал, что там, пропуская этапные «столыпины» с зеками, иногда останавливались товарные составы... Ждать пришлось недолго. Я проворно забрался в один из щелястых вагонов остановившегося на полустанке товарного поезда и уже через минуту-другую задремал по перестук колес. Куда направлялся мой поезд – я не знал, но, увидев, что вместе с товарными вагонами паровоз тянет порожние платформы для леса, догадался: едем мы к леспромхозу – крупнейшему в этих местах предприятию.

Было уже за полночь, когда состав миновал ограду леспромхоза и остановился. В густом облаке пара, выпущенного паровозом, я незаметно покинул вагон и спрятался за огромным штабелем досок. Там я провел остаток ночи, а наутро, с помощью одного из работяг, отыскал контору начальника кадров.

Докладываясь, сообщил, кадровику, что документы потерял в пути и попросил дать какую-нибудь работу. «На прокорм осталось всего двадцать рублей, – сказал я с просящим видом, – не откажите, загнусь без заработка».

Рассказу моему кадровик поверил. В то время многие тысячи, спасаясь от голода, бежали из колхозов и нанимались рабочими на стройки и заводы. Их отлавливали, отправляли в лагеря за нарушение паспортного режима, но нехватка рабочих рук заставляла начальников и прочих прорабов закрывать глаза на такое отходничество. Начальникам нужно было гнать план, а для этого нужны были работяги, поэтому на наличие или отсутствие документов у прибывающих кадров они смотрели сквозь пальцы.

В тот же день я был принят разнорабочим, расписался в получении продпайка, пятидесяти рублей подъемных и даже получил угол в рабочем бараке, расположенном на территории леспромхоза. В двух шагах от моего нового жилья, находилась сколоченная из горбыля столовая. Кормили здесь той же лагерной баландой, но выручал выдаваемый на месяц паек – две буханки черного хлеба, четверть литра постного масла, связка воблы, чай, сахар и две пачки махорки. В общем, жить было можно.

Неподалеку от леспромхоза находилась деревня Красный Бор, где по воскресеньям устраивались танцы, куда иногда привозили кино. Здесь же при наличии денег можно было купить водки или самогону и даже снять жилье – бабы-солдатки, не дождавшиеся мужей после гражданской войны, охотно сдавали работягам углы.

Вместе с другими рабочими я таскал бревна и доски, работал грузчиком и уборщиком, и со временем страх разоблачения стал проходить.

Позднее я узнал, что соловецкое начальство и не собиралось меня разыскивать – воров, ограбивших магазин в Мазкале, нашли, мое дело пересмотрели, и в лагерь пришла бумага о моем освобождении. К счастью, бумага о пересмотре дела пришла раньше моего побега, а заминка с освобождением произошла по вине нерадивого начальника. Короче говоря, уберег меня Бог от карающей длани советского закона.

От работы, как и в лагере, я не бегал, старался ладить со своим братом-рабочим, не ссорился с начальством, в общем, жизнь моя складывалась неплохо. Из-за косматой бороды, которую я стал здесь носить, новые товарищи прозвали меня Марксом, и это прозвище крепко ко мне приклеилось.

После выплаты первой получки я стал заглядывать в поселковый магазин Красного Бора, присматривался к покупателям, знакомился с местными жителями, среди которых были, конечно, и барышни. Однажды утром начальник нашего участка Петр Васильевич Герасимов вызвал меня к себе в вагончик и сказал:

– Что же ты, Маркс, все в леспромхозе торчишь? Сходил бы в поселок. Там кино, танцы. Кто знает, может, познакомишься с какой-нибудь девушкой. Пора тебе, братец, и о семье подумать.

Я смутился и молчал, а Петр Васильевич вдруг усмехнулся и, хлопнув по столу рукой, добавил:

– Ладно! Не хочешь на танцы – не ходи, но на ужин ко мне зайти обязан. Не всякого зову. Жду в субботу, в семь часов. Все, иди.

К тому времени я уже успел познакомиться с Натальей – продавщицей из магазина – и с некоторыми жителями Красного Бора, которые частенько наведывались туда за покупками. Однажды, когда я зашел в магазин за спичками, в дверях появилась незнакомая молодая женщина. Посмотрев на меня, она улыбнулась и, обращаясь к продавщице, громко спросила:

– Откуда, Наташа, этот парень? Что-то я раньше его не видала, – и, уже повернувшись ко мне, представилась: – Меня Марфой зовут, можно просто Маша. А вас как?

– Маркс, – представился я.

– Маркс? – переспросила она и засмеялась.

– Да, так меня здесь называют.

С того момента мы стали видеться с Марфой все чаще.

Весть о нашем знакомстве, не без помощи Натальи, быстро облетела всю деревню. Люди думали, что мы с Марфой собираемся пожениться. Была она барышня разбитная, доброго, веселого нрава, но слушком уж болтливая. Марфа держалась со мной очень свободно, впрочем, как и с другими мужиками. Видно было, что у нее богатый опыт общения с противоположным полом. Мне она нравилась, но жениться на ней я ни в

кчем случае не собирался. Мои мысли все больше занимала дочка Петра Васильича, Лариса – круглолицая, с косами до пят. Однако познакомиться с ней, заговорить мне никак не удавалось – она всегда сторонилась шумных молодежных компаний.

Суббота подошла незаметно. Собираясь к Герасимовым, я сбрил бороду, надел купленные с полочки рубаху и не новый, но вполне приличный пиджак, начистил дегтем свои выдавшие виды сапоги. Еще с вечера пятницы были приготовлены подарки – полфунта конфет и бутылка сладкого вина, а по пути к Герасимовым я купил у какой-то бабки букет ландышей – для хозяйки.

Супруга Петра Васильевича, Варвара, встретила меня радушно. Стол был уставлен закусками. В центре возвышалась бутылка «Московской». Мы с хозяином выпили по стопке. Петр Васильич захрустел квашеной капустой, а Варвара стала засыпать меня вопросами: кто я, откуда, как попал в их края? Я старался отвечать без подробностей и с нетерпением ждал появления Ларисы.

Хозяйка рассказала, что Лариса уже окончила школу и хочет идти учиться на какие-то курсы. На какие, она уж не помнит, да вот сейчас дочка придет из кино и сама все расскажет. Признаться, я немного робел от мысли о ее скором возвращении – и когда стенные часы пробили восемь, я, так и не дождавись Ларисы, стал прощаться. У калитки Петр Васильевич вдруг спросил:

– Почему бы тебе не снять комнату в деревне?

– Да недосуг как-то, Петр Васильич. К вечеру только о койке думаю. К тому же, не по карману мне такое удовольствие – угол снимать.

– А ты не беспокойся, – сказал Петр Васильевич. – Парень ты вроде неплохой. Поживи у нас пока. А денег с тебя я брать не стану. Зарабатываю я, сам знаешь, неплохо, а вот поговорить вечерком или в шашки сыграть не с кем. Так что, не думай, а собирай свои вещички и перебирайся к нам. Комнату тебе Варя подготовит. Ну, будь!

Я, конечно, обрадовался. Еще бы! Теперь я смогу ежедневно видеться с Ларисой! Но виду не подал и на словах ответил:

– Я очень благодарен вам, Петр Васильевич за гостеприимство, но прошу дать мне время все хорошенько обдумать.

– Что ж, – сказал он, прощаясь, – помозгуй. Буду ждать на неделе.

Спустя дня три Петр Васильевич вызвал меня к себе в контору и сообщил, что комната для меня уже готова. Тянуть дальше? С какой стати? В общем, я сказал, что вечером перееду с вещами.

Закончив смену, сложил свое «богатство» в ситор и отправился к Герасимовым. Варвара сразу же показала мою комнату – небольшую, но уютную. За ужином, приготовленным специально к моему переезду, я сообщил Петру Васильевичу и его супруге, что решил-таки подумать о женитьбе.

– Сами говорите, пора остепениться, – сказал я, немного смутившись.

– Приглядел уже кого-то? – спросил Петр Васильевич заинтересованно.

– Да... вроде, приглядел, – ответил я и почувствовал, как покраснело мое лицо.

– Ну-ну, – подбодрил меня начальник. – Чего это ты так зарделся. Дело правильное. Пора, брат. А о жилье не переживай. Здесь и будете жить, а если передумаешь и съехать захочешь, так я силком тебя держать не стану.

В следующие выходные я был приглашен на день рождения одного из моих товарищей по работе. К застолью подтянулась добрая половина деревенской молодежи. Была здесь, конечно, и Марфа. За столом ее усадили подле меня, и весь вечер я был вынужден слушать разные истории о собравшихся здесь ребятах.

В самый разгар веселья в доме именинника появился и Петр Васильевич. Мне показалось, что он старался не замечать меня. Впрочем, поздравив виновника торжества, он почти сразу ушел.

Вскоре кто-то достал гармонь, начались танцы. Марфа то и дело пыталась затащить меня в круг танцующих, а под конец вечера попросила проводить ее. Навязчивость этой женщины раздражала. Я знал, что завтра вся деревня будет судачить о нас.

На следующее утро, за завтраком, я почувствовал что-то неладное. Вроде бы все было так же, как и вчера: на столе сиял самовар, привычно хлопотала Варвара, подавая оладьи и варенье, но за столом царило неловкое молчание. Что-то произошло ночью? Семейная ссора? Но из-за чего?

На работу мы с Петром Васильевичем отправились вместе, и по пути я не удержался, спросил:

– Что это с супругой вашей, Петр Васильевич? По-моему, она чем-то расстроена.

– Нормально все, – ответил он хмурясь. – Сплетен разных наслушалась. – И вдруг добавил: – И ты в этих сплетнях есть, друг сердечный!

А дальше он рассказал о ночном разговоре с супругой.

«Женится на Машке? – возмущалась она. – Да что ж это такое?! А как же Лариска наша?! Она ведь сохнет по нему, а он, дурак, и не замечает! Нашел себе принцессу! Вот ведь стерва, Машка!»

Так вот оно в чем дело! Значит, я ей нравлюсь?! Так это же здорово! Я с трудом погасил идиотскую улыбку и подумал: «Железо нужно ковать, пока горячо. Но как? Что я могу предложить Ларисе? Ведь ни кола, ни двора не имею, живу у чужих людей, считай, из милости...» В то же время я понимал, что нужно брать инициативу в свои руки. Иначе упущу эту девушку!

В леспромхозе я поделился своими мыслями с Юркой, одним из близких товарищей. Выслушав меня, он рассмеялся:

– Подумаешь, проблема века! Не дрейфь, паря, все образуется. Не ты первый, не ты последний!

– Так-то оно так, – ответил я, – только вот не знаю, как это дело... обставить.

И тут Юрка подкинул мне гениальную идею:

– Ну, а у вас, на Кавказе, как все это происходит? Раньше, говорят, горцы невест воровали, а сейчас-то как?

– Слушай! – воскликнул я. – Что бы я делал без тебя?! Украду! Только...

– Что только?

– Только помощники нужны и автомобиль.

– Сделаем, – деловито ответил Юрка. – Серегу-шофера к этому делу привлеку, если ты не против. Того, что главного инженера возит. Вот тебе и авто. Втроем-то справимся?

– Конечно!

Так и порешили. Обдумали все до деталей, и однажды поздним вечером, узнав, что Лариса с подругами пошла в кино, вместе с шофером Серегой и Юркой подъехали к поселковому клубу. Ждать пришлось недолго. Увидев выходящую из дверей клуба Ларису с подружками, Серега завел свою «эмку», и мы медленно тронулись следом. Фонари в поселке зажигали только по праздникам, и это, конечно, играло нам на руку. Чем дальше мы отъезжали от клуба, тем безлюднее становилась улочка, по которой шли девушки. Улучив момент, Серега затормозил, мы с Юркой выскочили из «эмки» и, выхватив оторопевшую Ларису из стайки подруг, впихнули ее на заднее сидение. Серега дал по газам, и наша «эмка» с ревом свернула в переулок. Сначала Лариса пыталась вырваться и отчаянно брыкалась, но через несколько минут, выбившись из сил, присмирела. Юрка ловко накинул ей на голову невесть откуда взявшийся платок, и вскоре мы подкатили к дому Герасимовых. Вошли внутрь. В доме было тихо, лишь в кухне горел свет, и было слышно, как хозяйка гремит кастрюлями. Юрка мягко втолкнул Ларису в мою комнату, усадил на койку.

– Сиди тихо, – шепнул он ей. – Жди своего суженого и не реви. Все будет хорошо!

Юрка остался «на часах» у двери, а я направился к калитке, чтобы отпустить Серегу. Однако, выбежав на улицу, я нос к носу столкнулся с участковым и двумя милиционерами. Оказалось, что подруги Ларисы сразу же после нашей «операции» побежали в участок.

Через десять минут все трое – я, Юрка и Серега – уже сидели в милицейском изоляторе.

– Это ж надо! – кричал на нас участковый. – Додумались девушку похитить! Советской власти не боитесь! Ну, теперь вам одна дорога – за решетку! Лет по пяти вам обеспечено!

Он приказал одному из милиционеров смотреть в оба и удалился.

Я был в отчаянии. Вместо свадьбы впереди замаячила перспектива вновь оказаться за лагерной колючкой. Серега и Юрка явно трусили, вслух проклинали и себя, и меня, и весь этот злополучный вечер. Внезапно дверь в изолятор со скрежетом открылась. На пороге, в сопровождении все того же участкового, появился Петр Васильевич, глаза его озорно искрились.

– Благодарите Бога и начальника свово, и чтобы через минуту духу вашего здесь не было! – сказал участковый. – Забирай, Петр Васильич, этих абреков недоделанных!

Еле скрывая радость освобождения, мы вместе с моим хозяином вышли на улицу.

– Ну, ты даешь! – сказал он, улыбаясь в усы. – Предупредил бы, что ли! И, уже обращаясь к моим товарищам, добавил: – Ну а вы, олухи, куда полезли? – повернулся Петр Васильевич к Юрке. – Отстегать бы вас ремнем... похитители хреновы! Ничего толком сделать не можете!

– Как там Лариса, Петр Васильевич? – робко спросил я. – Плачет, наверное?

– Плачет, плачет... от радости, – ответил он, смеясь. Затем рассказал, что, придя домой, застал жену в слезах. Супруга объяснила, что нас увезли в милицию за то, что мы похитили Марфу. Распахнув дверь в темную комнату, она, думая, что там находится именно Марфа, стала ругать ее последними словами и гнать из дому. «Из-за тебя, шалава, теперь ребятам в тюрьму идти!» – шипела моя хозяйка, не узнавая в плачущей сгорбленной фигуре свою дочку.

– Даже свет включить не догадалась! – смеялся Петр Васильевич. – Так бы, наверное, и разорвалась, если бы я выключатель не повернул. А когда свет зажегся, увидели мы, что это Лариска наша сидит. Сидит и молчит, дуреха! Нет, чтобы голос подать и объяснить, что к чему. Потом, слава Богу, разобрались. Лариса заявление в милицию написала, что, мол, похищение было не настоящее и что она согласная замуж за тебя идти. Отнес я эту бумагу участковому Дмитрию Степанычу, объяснил все. Он еще больше моего обрадовался. Говорит, что ему тоже такие происшествия не в радость – показатели, видишь ли! Взял он ту бумагу и отпустил вас. Сказал, что хорошо, в район не успели сообщить, а то могло быть намного хуже.

Пришли мы домой, Варвара Федоровна с Ларисой, несмотря на ночной час, уже и на стол собрали, бутылку выставили. Мы с Петром Васильевичем, Юркой и Серегой подняли по чарке за счастливый исход нашего дела и разошлись до завтра.

Свадьбу играли три дня, разорился мой хозяин основательно. А приглашенные наперебой рассказывали друг другу о том, какие интересные у «этих горцев» обычаи и как мне повезло с Лариской и новой родней.

Олеся ШЕРЕУЖЕВА

Об авторе

Окончила в 2011 году КБГУ им. Х. М. Бербекова по специальности «Социальная работа». Ведущий специалист-эксперт отдела социальной защиты семьи и детства в Министерстве труда и социальной защиты КБР.

А У НАС ЕСТЬ ОБЫЧАЙ ТАКОЙ...

Рассказ

– Ну что, жених, готов? – с ноткой насмешки в голосе спросили Махмуда.

– Не уверен, что готов, но...

– Да ладно, не волнуйся, сегодня ты с ней поговоришь и всё.

Махмуд собирался украсть невесту. Ну, или не невесту, – девушку, с которой никак не решался поговорить. В итоге его двоюродный брат решил за него, что пора её украсть. И точка.

Дело близилось к вечеру. По последней наводке она должна была выйти из колледжа в пять часов. Прошёл час, два. Ожидание в таком деле – нормальное явление. Молодые джигиты чувствуют себя при этом кем-то вроде полицейских, которым поручено следить за потенциальным преступником, или охотниками, ожидающими, пока дичь выпорхнет из укрытия. В общем, скучать им не приходилось.

Уже были сумерки. Она наконец-то вышла, в сопровождении двух подружек. Один из «охотников» направился прямо к ним и спросил девушку:

– Милая, а твоей маме не нужен зять?

С этими словами он раскрыл бурку, заранее приготовленную для этих целей, и, завернув девушку в неё, словно пойманную птицу в мешок, потащил добычу к машине. Подруги девушки сначала впали в ступор, потом, очнувшись, побежали вслед за ним с криками: «Ты что творишь! Отпусти её!».

В ходе этой сцены, пока «охотник» убегал, он не рассчитал количество ступенек и, сделав кульбит в полный оборот, упал вместе со своей ношей. Девушки, которые бежали за ним, остановились в ужасе. А молодой парень, как ни в чем не бывало, взял в охапку бурку с её со-

держимым и запихнул в черную «Приору» с затемненными окнами, и машина рванула так, будто за ней кто-то гнался.

Молодые люди в машине хохотали во весь голос над невероятным сальто, которому только что были свидетелями.

– Ну, ты и цирк устроил! – не унимались они.

О девушке, завёрнутой в бурку, которая не подавала признаков жизни, вспомнили не сразу. Наконец, один из четырех парней развернул драгоценную ношу и обнаружил, что она без сознания. Веселье и хохот мгновенно улетучились. Машина с таким же скрежетом остановилась.

– Что с ней? – спросил тот, кто был за рулем, отодвигая свою кепку назад.

– Потеряла сознание.

– А вдруг она головой ударилась? Крови нигде нет?

– Нету.

Тут зазвонил телефон девушки. Явно это подружки из колледжа.

– Выключи его. Она вообще дышит? – перепугано спросил один.

Другой якобы со знанием дела коснулся её шеи и сказал:

– Пульса нет.

Все в ужасе переглянулись. Наступила тишина. В голове каждого из юнцов пронеслись картинки, связанные с арестом, наручниками, тюремными роба́ми. У некоторых возникла мысль о побеге.

На их счастье, девушка издала какой-то жалобный звук. Все дружно выдохнули – жива.

– Давайте отвезем её в больницу, вдруг что-то серьёзное.

– Какая больница, ещё вызовут полицию!..

– Отвезем её к моему дяде, он тоже как-никак врач.

– Да, точно, это хорошая мысль.

– Ничего, что твой дядя – ветеринар, а?

– Да ничего, сойдет, мы же все одинаково устроены.

Все согласились с этим мудрым изречением и в очередной раз рванули с места «на всех парусах».

– А может, в багажник её? – решил состричь один из них и заодно разрядить обстановку. Это подействовало. Все снова заулыбались.

Ко всеобщей радости, дядя Шамсудин оказался дома. Он не был человеком строгих правил, и более удачной кандидатуры для роли врача нельзя было и найти.

– Кто это? – только и спросил он.

Молодые люди вкратце пересказали всё как есть.

– Хм, давно она в отключке?

– Больше часа, дядя.

Шамсудин без лишних разговоров привязал голову девушки к столу для осмотра животных, причем ноги её свисали со стола. Убрал волосы с лица, осмотрел голову и обнаружил огромную шишку на лбу. Диагноз не заставил себя долго ждать.

– Сотрясение мозга, надо сделать «эмэртэ».

– Какое «эмэртэ», дядя, из-за этой шишки, что ли? Дай ей понюхать что-нибудь, пусть в чувство придет.

Так врач и сделал. Девушка очнулась, страдальчески осмотрела всех вокруг и тронула свой лоб. Пока она не начала задавать вопросы, её быстро подхватили под руки и увели.

Уже в машине, немного приходя в себя, она спросила:

– Куда вы меня везёте?

– К нему везём, к нему.

– К кому это?

Все со смешком переглянулись.

– Ну хоть первую букву назови! – не унималась девушка.

– Если у тебя так много поклонников, что ты всех не упомнишь, то назовем. Первая буква – «М», – нахально ответили ей.

Девушка не могла никого припомнить с таким именем, но не из-за количества поклонников, нет. Просто болела голова, да и на отношения с парнями не было времени. Однако свои мысли оставила при себе, решив дожидаться окончания этого кошмара.

Когда доехали до места назначения, девушка сразу вышла из машины вслед за остальными, из-за чего все собравшиеся и сами «похитители» подумали, что она, похоже, приехала сюда все-таки по собственному желанию. Но для неё это всё было в новинку, и она просто не знала про еще один обычай: «поломаться» немного в машине.

Девушку завели в дом. Все близкие родственники Махмуда начали её по очереди уговаривать выйти замуж за их ненаглядного родственника, расписывая и приписывая ему достоинства, о существовании которых сам жених не имел ни малейшего представления.

Самой авторитетной из них, или, как показалось девушке, самой властной оказалась мама того самого двоюродного брата жениха. Её звали Жансурат. После двух часов подобных разговоров, когда девушка была замучена окончательно и выглядела уже слишком уставшей, решили завести самого жениха.

Махмуд никак не решался даже открыть дверь. Ведь до сегодняшнего дня он ни разу не посмел даже подойти к ней и заговорить. Но брат решил – брат сделал. Дальше дело было за ним. Махмуд открыл дверь и уставился на девушку, которую украли для него. Они смотрели друг на друга минуты две. Махмуд закрыл дверь и посмотрел на собравшихся.

– Это не она.

Тишина. Первым пришел в себя его брат и оглушительно захотел. Все остальные присоединились к нему. Махмуд, обидевшись, захотел укрыться от них и не нашел ничего лучшего, как зайти обратно к ней.

Девушка, наблюдавшая все происходящее, ничуть не смутилась, а лишь спокойно проговорила:

– Махмуд, я тебя не знаю и твою семью тоже, но из того, что я увидела и услышала сегодня, должна заметить: твоя семья тебя не больно уважает. Мне жаль, но это так.

Он удивленно посмотрел на неё. Это правда. Семья никогда не воспринимала его всерьез, и этот вечер был подтверждением тому.

К этому времени вернулся ответ со стороны родственников «невесты», мол «нашу дочь не крали, она дома». Ситуация была не из приятных. К настоящим родственникам девушки до сих пор никого не послали.

Тут вышел Махмуд и твердо сообщил всем, что девушку он просто отвезет домой сам, и что у неё нет родственников, она живет в общежитии. Если он нашел в себе силы приказывать, то возражений возникнуть не может. Девушка вышла вслед за ним, они сели в машину и уехали.

Когда Махмуд вернулся назад, все ещё сидели и что-то отмечали. К нему подошел брат и, стукнув его громко по спине, сказал:

– Не нужно было отвозить ее обратно, чем тебе не жена, а? Руки-ноги на месте, родителей нет и прекрасно, что нет, а? – пьяно улыбаясь, спрашивал он.

– Во-первых, я её не знаю, а она меня, во-вторых, насколько я помню, ты сам женился по приказу своей матери, а то, что родителей нет у девушки – так это только грустно, а не прекрасно!

– Ты, ты чего это? – сразу же протрезвел брат, не привыкший к тому, что Махмуд может перечить, да еще и бросать в лицо такие обвинения.

– Скажи честно, брат, ты действительно так беспокоишься за меня? Или хочешь, чтобы я стал таким же несчастным в браке, как и ты?

– Брат, я очень счастлив в браке!

– Брось, не ты ли буквально вчера выпивал с нами и изливал душу?

На это уже нечем было ответить, брат прекрасно понимал, что не счастья, конечно, желал Махмуду, а думал о какой-то тупой мести, мести кому и зачем, он не мог сейчас понять и сам.

Махмуд ушел, думая о последних нескольких часах. «Не стоит более полагаться на брата, свата, друга, да и вообще на кого бы то ни было, кроме самого себя. С меня довольно всей этой доброжелательности родственников».

Мадина в это время, пытаясь всё еще прийти в себя, как могла отмахивалась от назойливых и любопытных вопросов и взглядов соседок по комнате, с коими никогда не водила дружеских отношений.

На следующий день, когда она увиделась, наконец, с виновницей последних событий, то с удивлением заметила недовольство последней – мол, почему это меня приняли за тебя? Кто ты вообще такая?

Мадина уже не могла держать в себе весь бред случившегося за последние сутки, и её прорвало.

– Ты думаешь, я была счастлива оттого, что меня похитили вместо тебя, а? Ты хоть видишь эту огромную шишку на моем лбу? Или думаешь, что это так приятно, когда тебя заворачивают в вонючую овечью шерсть и заваливают на плечо, как барашка, а ты даже вздохнуть не можешь? Вот что я тебе скажу, – тряся указательным пальцем и наступая, говорила Мадина. – Вся эта традиция и всё, что с ней связано – это дикость, пережиток варварского прошлого наших предков, аморальное преступление в наше время и ничего красивого и романтического в этом я не вижу! Наоборот – это прямое проявление неуважения к девушке! – она начала задыхаться из-за своей астмы. – Мужчины держатся за этот обычай как за спасательный круг, ибо у них не осталось никакой мужественности или смелости, чтобы сделать предложение девушке, глядя ей прямо в глаза. Зачем? Понравилась тебе, брат, так выкрадем. У неё же нет голоса, своего мнения или каких-либо прав! Она не отвечает на твои звонки и сообщения? А, ладно, набивает себе цену! Ведь каждый из них уверен в своей исключительной неотразимости и неповторимости! С меня довольно этого дешёвого театра! – Мадина устало отмахнулась и ушла прочь...

Татьяна ПОДЫМАН

Об авторе

Родилась в г. Сасово Рязанской области, окончила Рязанский медицинский институт. С 1983 года живет в Нальчике, 35 лет проработала в 1-й поликлинике. В настоящее время – врач-терапевт санатория «Горный родник».

***

Былых воспоминаний новизна
Пытается сшивать непрочной нитью
Всю жизни глубину – она без дна,
Где двигалась вслепую, по наитью.
Что удалось, а что-то, может, нет.
Как серпантин, привычная дорога.
Где флейты звук, а где-то звук монет...
Симфония любви – она у бога!
День серый, хладный взгляд печальных глаз...
Февральский дождь мелодией струится.
Былое возвращается не раз,
Полуулыбкой заиграв на лицах.
Жизнь отодвинет светом дождь и хмарь.
Затеplit в глубине свечу былого,
И станет неприветливый февраль
Длиннее, чем бегущая дорога.

***

В призме преломилось постоянство.
Вспышка, солнце и пожар вокруг.
Может быть, то просто хулиганство
Или исцелившийся недуг.
Преломленный луч – стрелой на стену,
Тем огнем безжалостно маня.
Через призму вижу перемену,
И она к себе влечет меня.
Наслаждаясь краской и игрою
В новом понимании высот,
Ведь душа парит подобно рою,
И взлетит она сейчас вот-вот.

Расщепился луч соцветьем радуг,
Мост меж нами выгнулся дугой.
Протянул в своих ладонях радость.
Завтра только будет день другой...

***

Есть ночь и день, есть тьма и свет,
Граница в них чуть различима.
Пытаемся найти ответ,
А он размыт, проходит мимо.
В ночи на небе звезды есть,
Ведь не бывает тьма кромешной,
И этих звезд не перечесть,
Хотя их так немного внешне.
Из непроглядной светят тьмы
Нам яркие огни вселенной.
Они для тех, кто влюблены,
На небе вспыхнули мгновенно.
А если новый день пришел,
То солнцем заливают землю,
И нежность, словно тонкий шелк,
Мы обретаем и приемлем.
Она окутает сполна,
Подарит радость нашей коже.
Согреет чувствами волна
Тех, кто нам ближе и дороже.
День пасмурный закрыл рассвет.
Из недр души – напоминанье!
Хоть скрыт он, только ярче нет –
Пульсирует – тебе сознание!
А дальше чувства поведут,
Они почти неуловимы.
Но каждый знает, они тут,
Ведь изменилась дня картина.

***

Звучит орган, и ни к чему вопросы.
Ответа, логики для них не отыскать,
И звуки так прохладны, будто росы,
Но угадать в них можно благодать.
Соединившись линией прямою,
В ней строгость и сокровища души.
Удары сердца, словно шум прибора.

Свеча горит, ее не затуши!
Пусть этот свет согреет все собою,
До дна наполнит чуть живой сосуд.
Да прочь уйдет безвестною тропой,
Тропой изгнанников, тропой Иуд...
Затих орган, но все над нами кружат
Осколки звуков в звездной вышине.
Дорога почему-то стала уже,
Дорога, что вела тебя ко мне.

***

И вот опять туман, опять февраль.
Зима иль осень – вовсе непонятно.
Сумятицы безумной этой жаль,
А на земле размыты снега пятна.
Туман все гуще, лица не видны,
И в этом весь февраль, его обличье.
А февралю такие снятся сны,
Они парят на грани безграничья...
Они даны наградой февралю
За кротость, за любовь и за терпенье.
А сердце выбивает стук «люблю»
В февральское мое стихотворенье.

Любовь

Возможно, однобокая, кривая,
А может, мощь ее, как водопад,
И ты, пока еще не понимая,
Бредешь по жизни как-то наугад...
Не передать той глубины волнений.
Возможно, и в тебе они живут
В той постоянной смене настроений.
Я чувствую, ты рядом где-то тут.
Сердца пока что в унисон не бьются,
И нечего соединять пока.
Только зачем глаза мои смеются,
В глубоких складках прячутся платка.
И времени приказ остановиться!
Вот замер звук – и обнулился счет!
Ведь на крылах любовь поднимут птицы,
Ту самую, что ты не брал в расчет...

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

От редакции

Журнал «Литературная Кабардино-Балкария» продолжает публикацию статей, посвященных поэзии и прозе народов Северного Кавказа. Авторами материалов являются представители ведущих вузов и научно-исследовательских центров региона и Российской Федерации. Каждый из них обладает своим взглядом на местный культурный контекст, на содержание и характер процессов, наблюдающихся в новописьменных литературах на новом историческом этапе, на перспективы развития национальных систем словесного творчества. Мнение и позиция авторов не всегда совпадают с таковыми редакционного коллектива, но вполне адекватно отображают разнообразие научных позиций в сфере оценки и анализа литератур наших народов.

***

*Зухра КАРАЕВА,
доктор филологических наук, г. Черкесск*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС. СТРУКТУРА И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Обращаясь к рассмотрению и анализу современного состояния национальных литератур и культур, мы отдаем себе отчет в том, как профессионально и продуктивно было бы рассмотрение общетеоретических, внутрилитературных проблем жанра, стиля, структуры и художественной специфики того или иного литературного периода, отдельного автора или произведения. Мы понимаем, как увлекательны и современны рассуждения о дискурсе, метатексте, интертекстуальности и т. д., но мне кажется – сегодня перед нами иная задача, сущностная, поскольку вопрос в том, сохранится ли то, что мы называем национальной литературой. И для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо учитывать весь комплекс проблем национальной жизни во всех ее аспектах – социально-историческом, экономическом и, прежде всего, культурологическом. Хочу привести в связи с этим слова М. М. Бахтина: «Так называемый литературный процесс эпохи, изучаемый в отрыве от глубокого анализа культуры, сводится к поверхностной борьбе направлений» [1. С. 330].

Основополагающими в определении типа и путей развития и структуры национальной литературы остаются проблемы генезиса, зарождения литературы, ее духовно-культурных основ, проблема влияний, периодизации, корреляции литературы и языка.

Вглядываясь в сегодняшний день национальных литератур, неизбежно приходишь к мысли о целостности национальных литератур. Бесспорно то, что они находятся на перепутье, в состоянии выбора направлений развития и неопределенности перспектив и задач. Диахронический обзор истории национальной литературы выявляет несколько поворотных этапов в цивилизационно-культурном процессе на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков, и в складывании национальной литературной системы, основой которой всегда является устное народное творчество. Становление и эволюция карачаевской и других типологически близких к ней литератур обусловлены рамками классической схемы поступательного движения словесности – от фольклора к письменным формам его фиксации, авторской обработке, появлению первых оригинальных произведений в лоне эстетических форм фольклора. При сохранении общей логики и этапов художественного развития, этот путь видоизменен и скорректирован политическими, социальными трансформациями. Национальный фольклор граничит и вступает в контакт не только с национальной литературой в ее изначальной подражательности, а с мощными культурными пластами на пересечении восточных и российских культурных ориентаций.

Синхронный анализ подтверждает глубочайший разрыв между идеологическими ценностями и культурными ориентирами даже на этапе двух, следующих друг за другом десятилетий. На этапе становления профессиональной литературы базовым и определяющим был анализ формирования национального художественного сознания на пересечении фольклорных и литературных, в основном, заимствованных традиций. Такой анализ был и инструментом, и методом классификации. Но сегодня условием жизнеспособности и полноценного существования литературы может быть только взаимозависимость действительности и отражающего ее сознания в любых жанровых и стилевых формах.

Во времена социальных исторических перемен, утраты стабильности существования происходит распад традиционных локальных структур и, при утере определенности, ясности пути, приобретаются широчайшие возможности выбора, смены социальных ролей и судеб, как частных, так и общенациональных. Перевод этих всегда присутствующих гипотетических возможностей, потенциально существующих путей развития в план реальности, конкретного воплощения обуславливает трансформацию традиционного общества во всех сферах. И прежде всего в духовной, культурной.

Таким образом, национальные культуры и литературы, как и любая цивилизация на этапе генезиса и формирования, – это цивилизационно-культурное пограничье. Каковы же пути и формы межкультурного взаимодействия?

Влияние русской, а через нее мировой, а также восточной культурной и литературной традиции на национальные культуры и литера-

туры – сложный, многозначный и противоречивый процесс. Изучение его в рамках взаимодействия инонациональных культур с карачаевской, балкарской и, в целом, с северокавказскими культурами и литературами выявляет множество нерешенных проблем и вопросов, по сей день остающихся без ответа. К ним относятся проблемы разностадиальности развития взаимодействующих культур и литератур, различная языковая и конфессиональная принадлежность, существование в идеологической «ситуации колония-метрополия».

На этом этапе триада национально-этническое – конфессиональное – социальное адаптировалась к существующим идеологическим установкам. На первом плане – социальное, как, например, в творчестве И. Семенова в 20-е годы искренне принявшего лозунги Октябрьской революции 1917 года, в декларируемом идеале глубочайшим образом соответствовавшие естественному, органичному для поэта представлению о справедливости, счастье. Семенов активно включается в процессы общественных преобразований, откликаясь поэтическим словом на все социальные новшества.

Творческие принципы Азрета Уртенова (1907–1955) формировались в тех же временных, социальных и исторических условиях. Его поэзия характеризуется антиклерикальной направленностью, при том что Уртенев закончил мусульманскую школу (медресе), хорошо знал арабский язык и его культурно-литературная ориентация казалась предопределенной этими обстоятельствами. Но темы и образы, которые будут разрабатываться поэтом постоянно – яростное отрицание прошлого во всех его видах и, прежде всего, отрицание религии, полное приятие настоящего, борьба нового со старым в общественных отношениях, в быту и сознании людей, попытка осмысления новой истории своей Родины, ее будущего. Абсолютно социально ангажировано и идеологизировано творчество Ислама Хубиева – журналиста, публициста, писателя.

Но, при всей политизированности и идеологизированности культуры и литературы, в 20–30-е годы сохраняется непрерывность национального литературного развития, идет накопление духовности, формирование ценностной шкалы, обретение художественности, поэтому каждый литературный факт становится фактом истории и культуры, начиная от публикаций в национальной газете «Горская жизнь» (1924) («Таулу джашау»), постановки первой пьесы на карачаевском языке (1925 г.) до выхода полноценных художественных изданий – поэтических сборников И. Каракетова, А. Уртенова, Д. Байкулова и др. (1935 г.) [3. С. 267].

Дальнейшее развитие литературы определено известными социальными катаклизмами и трагедиями как национального, так и общегосударственного масштаба. Большая часть карачаевских писателей была репрессирована в период культа личности Сталина. Великая Отечественная война, депортация народа в Среднюю Азию, трудное возвращение

и непростая адаптация на родине – это не только история физического противостояния, борьбы и победы, но и победа духа, этапы утверждения национального сознания, духовного облика народа.

Таким образом, для осознания литературы как культурно-исторической целостности необходимо определить литературные этапы, их ценностные и идеологические разрывы и их художественно-эстетическую преемственность, обусловленные логикой социально-исторического развития.

В 60–70 годы громко и ярко заявлено социально-нравственное начало с четкой гражданской позицией в творчестве М. Батчаева – самого талантливого и зрелого мастера нашей литературы. В начале 80-х годов происходит явное перераспределение эстетических и идеологических акцентов в литературе. На первый план выходит поиск и стремление к национальной идентичности, – особенно в творчестве М. Батчаева, Д. Мамчуевой, Б. Лайпанова. Но при этом в поэзии Б. Лайпанова ничего окончательно не решено – что же важнее: этничность, социальная справедливость и правда или религиозная истина и вера? Все это балансирует в его стихах, попеременно оказываясь на главенствующих позициях. («Я не верю, что помнит всю жизнь о пророке тот, кто напрочь забыл все слова своего языка».) Но в целом конфессиональный фактор в поэзии Б. Лайпанова обретает особую силу и значимость.

Новый этап цивилизационно-культурного столкновения: от 80-х гг. XX в. до сегодняшнего дня – разрушение СССР. Существовавшие в литературе ориентиры, с жестко заданными идеологическими параметрами и освященными советским опытом образами и конфликтами, полностью рушатся. Национальные литературы с их неустойчивой эстетикой и прерванной национально-культурной традицией оказываются в ситуации вызовов мирового уровня – глобализации, унификации, утверждения идеи поликультурного мира. Встает проблема взаимодействия и органического сопряжения «своего», «чужого», «универсального» без потери национальной идентичности. Все это – в ситуации полной идеологической и формально-художественной свободы и необходимости быть честными с читателем и собой, к чему национальные литературы в большинстве своем не готовы.

Первый результат цивилизационно-культурного разрыва в литературе – резкое сокращение, почти отсутствие крупных повествовательных форм и, в целом, масштабной художественной прозы (могу утверждать это только по отношению к карачаевской литературе), вероятно, в связи с тем, что эпический жанр требует объективно-реалистического, поддержанного определенной эстетической и гражданской позицией, а не только эмоционального, как в поэзии, отклика на кардинальные изменения действительности или переломные исторические события. Нельзя не отметить, что такое трагическое и глобальное в истории народа событие, как депортация и существование вне родины не нашло до

сих пор адекватного отражения в национальной художественной прозе. Это особенно заметно в сопоставлении с интенсивностью появления крупных прозаических произведений в 60-е – 80-е годы прошлого века. Достаточно перечислить только авторов романов: О. Хубиев, С. Лайпанов, Д. Кубанов, К. Коркмазов, М. Байчоров, Х. Байрамукова.

Второй результат – как параллель и реплика к первому, бурное развитие и жанрообразование документальной прозы; автобиографической, биографической, мемуарной, в форме беллетризованных хроник, интегрированных в повествование писем и т. д. Этому есть несколько объяснений как социального, так и художественно-эстетического плана.

В период депортации предельная концентрация эмоциональной жизни народа, накопление огромного количества фактов, событий, новых противоречивых представлений о реальности и ее переоценок сложились в огромный духовный и материальный, разноликий и хаотичный конгломерат, требовавший выхода, желавший обрести голос и быть услышанным. Четырнадцать лет отсутствия каких либо форм публичного самовыражения для народа не могли пройти бесследно. Литературный процесс, будучи прерванным в 1943 году, оставался на уровне 30-х годов и как бы начинался заново. Новый трагический жизненный материал требовал иных подходов, как нравственных, ценностных, так и формально художественных. Осознание этого интеллигенцией проявилось в стихийной перегруппировке творческих усилий и культурных акцентов. В литературу вошли биографические и автобиографические тексты, апеллирующие к реальной истории народа и частным судьбам (в современной западной литературе такой тип повествования достаточно распространен и обозначается как жанр «истории жизни» («life story»)), фактам и событиям, формирующим новые представления о национальном духовном пространстве. Первым этапом возобновленного литературного процесса была попытка классифицировать, структурировать и просто сохранить и зафиксировать обретенный исторический опыт, реальные факты жизни, что и вызвало к жизни появление большого объема документальной прозы.

Третий результат и направление – активная переработка и использование в качестве художественной основы и структуры своих произведений эпических, мифологических, историко-героических текстов, сюжетов и героев нартского эпоса, легенд и преданий. Такое вторжение фольклорно-мифологического начала в современную литературу определяется стремлением авторов в той или иной форме отразить историческое прошлое своих народов в их нерасторжимой связи с сегодняшним днем, найти ответы на сегодняшние вопросы в прошлом. Часто это приводит к благородному, но все же уходу от полноценного и реалистичного художественного освоения современности (пьесы Д. Мамчуевой «Закат Алании», «Мурат и Зумрад»). Или же возникает ситуация, когда

сознательно выбранный нравственный ориентир, конструирующий художественный идеал на основе эпических ценностей, выводит поэта (Б. Лайпанов) на абстрактно-символический уровень обобщения, почти не соприкасающийся с социальными параметрами и условиями.

Четвертый – такое явление, как переход национальных авторов, пишущих на родном языке, на русский язык, причем переход, не всегда оправданный качеством их русского языка. Иногда же при хорошем литературном языке и явном художественном таланте авторы приходят к полному отказу от национального содержания, от поиска национальной идентичности и даже его примет. Присутствуют среднестатистические образы героев в русской или условно-национальной среде. (А. Бабаева, Б. Батчаев, Ш. Богатырева). Другая крайность – это описание (скорее даже бытописание) национальной жизни, но в такой локальной замкнутости на повседневности, при таком отсутствии художественного обобщения, что теряется самый смысл творчества.

Ситуация имеет глубокие и серьезные социально-культурные причины, связанные с проблемами сохранения национального языка и, соответственно, существования национальной литературы. Сокращение количества людей, читающих на родном языке, толкает писателя к попыткам выхода на многочисленную русскоязычную читательскую аудиторию.

Пятый – использование мифоэпических сюжетов («Нарты»), легендарных образов исторических песен, в роли конструкторов повествования о современности, но не с позиций героизации эпического прошлого, а с позиций его дегероизации. Следует отметить – причисление некоторыми нашими учеными произведений такого плана к постмодернистской литературе представляется некорректным. Здесь нужно говорить, скорее, об искусственном стремлении авторов влиться в современную европейскую традицию или стиль, совершить переход в основной поток европейского и мирового культурного развития, то есть строить свои тексты, исходя не из внутренней логики национальной жизни, реальной действительности и национальной художественной стихии, а по канонам и правилам современной западной и некоторой части русской литературы, принятым в качестве некой художественной матрицы.

Шестой результат. Появление повествования, не соотносящегося с национальной жанровой и стилевой традицией, но с обыгрыванием традиционно-национальных черт в форме современного «плутовского романа» (Борис Корхас. «Истэмей, или Кавказские танцы в Лютеции»). В какой-то мере это жанровый рудимент, отсылающий к проблеме недоформированности жанровой системы в некоторых национальных литературах.

И пятая, и шестая тенденции соотносятся с некоторыми аспектами концепции ускоренного развития, сформулированной в свое время Г. Гачевым: «Но и здесь, в реальности самого процесса (литературного. –

З. К.), прежде всего, бросаются в глаза забегания вперед, с последующим «эволюционным» заполнением скачка, происходящим, так сказать, задним числом... Литература, развивающаяся в окружении более развитых, как правило, как бы «хватается» сразу за новейшие достижения, однако воспринимает в них часто лишь форму или какую-то малую часть из их содержания. Лишь потом под эту форму подводится присущее ей содержание, когда жизнь и литература подойдет к необходимости развить его в себе органически. Поэтому всегда следует задаваться вопросом о конкретном содержании того явления, которое по внешнему сходству названо термином, выработавшимся на опыте других обществ и литератур» [2. С. 303].

Седьмой. Условно можно обозначить этот литературный феномен последних лет «одописью» (Х. Лепшоков, Б. Батчаев, Ю. Созаруков). Проявляется в стихотворной форме. Это могут быть талантливые и остроумные миниатюры, которые в целом характеризуются как эпиграмма и литературный шарж. («Земляки, современники, личности» Ю. Созарукова), но все чаще такая жанровая форма превращается в «панегирическое» по сути, восхваление конкретного, реально существующего человека, известной в национальном сообществе личности, с гипертрофированным описанием его достоинств и достижений. Интересное, с точки зрения особенностей современного литературного процесса во взаимодействии с социальной практикой, явление. Его можно отнести к маргинальным в литературе, что не отменяет необходимости разобраться с тем социально-культурным запросом, который вызвал его к жизни.

Все сказанное важно для проблемного соотношения понятий национальная литература, социальность, художественность. Но здесь невозможно обойтись без конкретизации представлений об этничности духовной культуры. Ведь литература – часть духовной национальной культуры. Этничность предполагает не столько локализацию отдельно взятой национальной культуры (и литературы) от другой, сколько диалог культур, определяющий поступательный вектор движения от субэтнического – через собственно этническое – к суперэтническому, то есть, по существу, к общечеловеческому, ибо человечество – это максимальный суперэтнос.

Российская литература – многонациональна. При этом она может рассматриваться как единая литература российской нации, складывающейся из многих этносов в единый большой суперэтнос. Процесс этот сейчас, в новых условиях после распада Советского Союза, отнюдь не завершен и даже не вполне осознан. Новые созидательные свершения еще только в зародыше. Многонациональность и многоязычность новейшей российской литературы существуют на фоне обострившихся отношений конфессионального толка, резкого социального, материального расслоения, неоднородности общества.

Время и неизбежные перемены в жизни народа – явления коварные, и история национальных литератур полна примеров, когда забытые и не признанные своими современниками авторы переходили в разряд классиков, а известные и популярные при жизни писатели оказывались кумирами одного поколения и уходили в неизвестность. Но, тем не менее, каждое литературное явление или персоналия, независимо от их сегодняшней ценностной характеристики – это факт национальной духовной жизни, изъять который из истории невозможно, а исследовать, анализировать и определять взаимодействие истоков и сегодняшних реалий литературы, причин и логики ее эволюционного выбора необходимо. Особенно это касается литературного процесса в национальных литературах, где «культурный слой» еще слишком тонок, чтобы «оставлять» кого бы то ни было вне историко-литературного процесса, и потому каждый его представитель ценен и значим для национального культурогенеза.

Таким образом, для осознания литературы, как культурно-исторической целостности, необходимо определить содержание и границы литературных этапов, их ценностные и идеологические разрывы и несовпадения, их художественно-эстетическую преемственность, обусловленные логикой социально-исторического развития, выявить суть и причины смены историко-литературных контекстов.

Очень верной представляется в связи с вышесказанным, сформулированная ученым, типологически обобщенная характеристика национальных литератур: «Национальная литература предстает как сложное многомерное единство, анализ которого в равной степени исключает как «абсолютизацию супернационального аспекта», так и избыточное абстрагирование от конкретики национального литературного развития. Кристаллизация новых ценностных ориентиров на каждом историческом этапе, борьба за обновление нормативности, за «новое зрение» обретают статус эстетической реальности в пространстве напряженного диалога имманентных и вненациональных универсальных факторов развития, взаимодействия отдельного (национальная литература), особенного (межлитературная общность), и общего (мировая литература)» [4. С. 38].

Художественная литература – несомненно, с некоторыми оговорками – отражает национальный характер и одновременно формирует национальную идентичность. Национальная литературная система не является замкнутым организмом. И генетически, и контактно она связана с общим поступательным движением всемирной литературы. Она и устойчива, и, в то же время, динамична. Вероятностные векторы развития карачаевской литературы лежат на пути углубления художественности и творческого использования возможностей новых синтетических жанровых форм, на пути освоения документального материала через его индивидуально-художественное авторское восприятие, так как качественные

сдвиги в литературе обусловлены появлением крупных художественных индивидуальностей. Необходимы реконструкция и переосмысление во взаимосвязи этапов литературного и социально-исторического развития во всей их полноте и детализации, собирание архивных, рукописных материалов, особенно периода 20-х – 30-х годов и периода депортации, что успешно делается сейчас в отношении творческого наследия некоторых классиков, например, Исмаила Семенова.

Условием дальнейшей эволюции карачаевской литературы является также ее незамкнутость, открытость, современность в широком смысле слова, что обуславливается не только обогащением и трансформацией жанров, стилей и тем, но и расширением эстетического и духовного кругозора национальной словесности и культуры в целом.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 470 с.
2. Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы. М., 1964. 312 с.
3. Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966. 320 с.
4. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М., 2001. 386 с.

* * *

*Эсет МАНКИЕВА,
кандидат филологических наук
МГУ имени М. В. Ломоносова*

ЖЕНСКАЯ СУБКУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

«Модное нынче понятие “глобализация” представляет собой не просто слово, и даже не процесс, а реальное явление общецивилизационного масштаба. В ближайшем будущем это явление может в корне изменить культурную карту планеты, что абсолютно четко осознается ведущими политиками, этнологами, экономистами, футурологами» [Улаков, Толгуров 2003:48] – такими словами современные ученые выражают свою обеспокоенность по поводу сохранения российской национальной идентичности. Скажем прямо, в решении этого сложнейшего и актуального вопроса больше задействованы дисциплины политической направленности. При этом недооцененной областью остается литературное творчество, в особенности, классическая русская литература с ее богатейшим художественным опытом консолидации народов, создания единого коммуникативного пространства российского социума.

С этой точки зрения особый интерес представляет «кавказоведческая ветвь» русской литературы в лице А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Дружинина, А. А. Бестужева-Марлинского и Л. Н. Толстого, которые с этнографической точностью, величайшим художественным мастерством и редкостным гуманистическим пафосом запечатлели образ многогранного Кавказа наряду с ландшафтом, историей, языковой пестротой, обычаями, традициями, психологическим обликом горцев и горянок.

Важнейшей, составной частью русского художественного кавказоведения является гендерный дискурс, позволяющий крупным планом увидеть фактически закрытый мир женской субкультуры Юга России. О том, что женщина Кавказа – «*femina incognita*», свидетельствует большое количество трудов, где горянка изображается как абстрактная «восточная женщина». В этом отношении важную идентификационную роль сыграли произведения названных русских классиков, практически каждый из которых является не «кабинетным писателем», а живым свидетелем истинной картины вещей на Северном Кавказе позапрошлого столетия.

Исторически сложилось так, что определяющей чертой русско-кавказских отношений в XIX веке стал фронт – демаркационная линия, обозначающая в тот период столкновение двух цивилизаций [Шебзухова, Берберова, 2015]. Из-за этого художественное творчество «русских кавказоведов» в определенном смысле представляет собой столетнюю летопись о войне и мире с ее главным итогом: превращение фронта в пространство культурного содружества и единения русско-кавказских народов.

Известия русских авторов являются одним из важнейших источников истории и культуры народов Северного Кавказа. Их познавательная ценность обусловлена тем, что в XIX веке у большинства горских народов еще не было своей письменности и своей профессиональной литературы, потому произведения русской романтической и реалистической школ являются уникальным источником этнокультурных знаний и средством самопознания для народов Юга России. По трудам русских классиков можно восстановить и акцентировать огромную миротворческую роль «невидимой гвардии белых платков» – женщин-горянок, которые интуитивно всегда находились «поверх конфликта» и стремились налаживать мир между народами. В этой связи особое значение имеет научное исследование гендерного дискурса русской литературы XIX века, учёт беспримерного женского опыта в гармонизации общественных отношений, умении мыслить, выходя за границы военного противостояния.

На пересечении тематических линий «Кавказ» и «гендер» в русской романтической литературе родилось большое количество поэтических и прозаических произведений. Диапазон прочтения образа северокавказской женщины в них весьма обширен. Одни авторы, полностью ассоциируя Кавказ с собирательным образом «Востока», создают тра-

фаретные типажи горянок, наделяя их звучными именами «Селтанета», «Мадмуазель Джаннет», необыкновенной физической силой, страстным темпераментом и т. д. В отдельных случаях, в логическом соответствии с ориенталистской теорией Эдварда Саида, на «кавказских страницах» русских романтиков обнаруживаются мотивы «имперской снисходительности» к «дикарке», которую надлежит «воспитать», «цивилизовать», поднять до уровня «просвещенной европейской женщины».

Реализм как литературно-художественное направление и как творческий метод, вне всякого сомнения, переводит исследование гендерной картины мира на качественно новый уровень по сравнению с романтизмом. Здесь нет «приблизительных», условных, романтизированных героев и героинь, большей частью живущих во «второй реальности», в воображаемой восточной стране. Отличительная черта русских реалистов, волею судьбы соприкоснувшихся с событиями Кавказской войны, – глубокая историческая объективность, обусловленная их личным участием в войне, знанием горской жизни изнутри. В настоящее время их произведения читаются как ценные информативные источники, из которых можно извлечь знания о самых различных сферах общежития горцев, в том числе о специфике гендерной парадигмы Северного Кавказа XIX столетия.

Современное состояние гендерного литературоведения находится в той особой точке «нового старта», когда основная фундаментальная теория гендера уже выстроена, и за ней должно последовать решение конкретных задач на конкретном художественном материале. В частности, громадное значение имеет этногендерный ракурс исследования, поскольку за прошедшие столетия у каждого народа на планете сложились определенные полоролевые нормативы социального поведения, свои стереотипные представления о статусе женщины и мужчины. На самом деле, следует иметь в виду, что существует реальная дистанция между социально одобряемыми гендерными ролями, к примеру, в американском и кавказском этноколлективе.

С учетом данного обстоятельства, сегодня особо актуальны этногендерные исследования, позволяющие уйти от практики абстрактного теоретизирования и обратиться к детальному изучению образа женщины-носительницы социокультурных стереотипов конкретного народа. Женщина Северного Кавказа в этом плане – одна из самых загадочных и таинственных фигур, донельзя противоречиво и сложно истолкованная в научной и околонучной литературе. Кто-то изображает ее кроткой, закрепощенной молчаливицей Востока, кто-то «храброй амазонкой», кто-то «обольстительной красавицей», кто-то «суровой и негибаемой, как скала».

Русская литература XIX века в этом отношении является объективным, незамутненным зеркалом, в котором отпечаталось многообразие представлений о кавказской женщине. Естественно, есть заметная разни-

ца во взгляде русского романтика и русского реалиста, даже если они оба не понаслышке знают специфику кавказской действительности. Романтики (ранний Пушкин, ранний Лермонтов, Полежаев и др.) под влиянием европейской романтической эстетики изображают северокавказскую горянку как типичную восточную женщину без учета многочисленных отличительных черт в ее внешнем и внутреннем психологическом облике.

Иное – у реалистов, особенно уровня Л. Н. Толстого и «позднего» М. Ю. Лермонтова, которые не просто создают дежурный национальный контекст главной героини, но стараются с этнографической точностью отобразить детали быта, материальной и духовной культуры, вплоть до её антропологического облика, одежды, украшений, прически, воспитания.

При изучении северокавказской гендерной картины мира заметны универсальные законы патриархального мира с его доминантой мужского над женским: мальчик «ценнее» девочки, брат «важнее» сестры, муж «верхнее» жены и т. д. Однако над всей этой иерархической системой возвышается фигура матери с ее непререкаемым авторитетом в семейной и общественной жизни. Культ матери поддержан исламской религией, хадисами, священным Кораном, где значит: «Рай находится под ногами матерей» [13]. Сакрализация образа матери, наделение ее чертами святости характерны и для русской культуры. Как справедливо отмечает С. В. Крадецкая, «материнство и чадолюбие были одними из главных характеристик идеального образа женщины, сформировавшегося на Руси после принятия христианства». По мнению ученой, «свое влияние на отношение к матерям и материнству в России оказал и распространившийся культ Богородицы» [Крадецкая, 2013:164].

Под влиянием западноевропейского романтизма у русских писателей 1820–1830-х годов сформировался устойчивый интерес к образу женщины-мусульманки Северного Кавказа. Выясняя зарубежные источники образов северокавказской женщины, созданных авторами 1820–1830-х годов, мы нашли их явное генетическое родство с героинями «восточных» поэм Байрона. Эта связь выявляется главным образом на уровне типологических черт, определенных представлениями и идеалами романтизма не столько в его национальном своеобразии, сколько в его общей для литератур Европы направленной основе. Тем не менее, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. В. Полежаев, А. С. Бестужев-Марлинский большей частью не только самобытны в своих выразительных и изобразительных поэтических средствах, но они нередко даже превосходят Байрона, хотя нередко прямо указывают на связь своих «кавказских» поэм и повестей с «восточными повестями» Байрона, отдельными строками или цитатами-эпиграфами из этих произведений английского поэта. «Нет, я не Байрон, я другой / Еще неведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русской душой» [Лермонтов 1968:88], – писал о себе Лермонтов еще на восемнадцатом году своей жизни, интуитив-

но отмечая творческую самобытность даже в лиро-эпических поэмах байронической традиции.

Кавказская тематика в творческом наследии писателя А. А. Бестужева-Марлинского занимает обширное место. За неполные семь лет пребывания на юге России им написано больше десятка путевых заметок, очерков, эссе и повестей о Кавказе. Из всех его произведений наиболее «гендерно маркированной» является повесть «Аммалат-Бек» (1832) [Бестужев-Марлинский, 2010].

Мировая культура запечатлела множество историй трагической разьединенности двух влюбленных людей, их фатальной невозможности быть счастливыми по причине войны: междоусобной, гражданской, международной и т. д. Такая пара трагических героев представлена в повести А. А. Бестужева в лице Аммалат-бека и Селтанеты, ставших заложниками одной из самых жестоких и затяжных войн на южных рубежах России в XIX в. Автор показал, как фронтирная жизнь, полная противоречий, психологических и физических столкновений, бьет по живым человеческим чувствам. Двойной тематикой (войны и любви) определена композиционная структура анализируемой повести, где перемежаются строго реалистические, документальные главы о хронике военных событий и сентиментально-романтические о взаимоотношениях влюбленных.

Повесть А. А. Бестужева-Марлинского читается как ода кавказской женщине-горянке, которая по своей внутренней природе является миротворицей, противницей всяких войн, заступницей всего живого и здорового. Писатель поэтизирует ханшу и Селтанету как женщин, способных встать над семейными, аульскими, национальными интересами во имя высших общечеловеческих, гуманистических идеалов. Такова повесть «Аммалат-бек», культурологическая ценность которой, по справедливому замечанию литературоведа К. К. Султанова, определяется «глубинным зондированием идеи сближения, преодолеваемого отчуждения в совмещении, казалось бы, несоединимого, угадывания поверх конфликта возможного обретения объединяющей исторической дороги» [Султанов, 2007:173].

Кавказ и Лермонтов – особая тема. С полным на то основанием Кавказ можно назвать «интеллектуальной и духовной колыбелью» великого русского поэта. На Северном Кавказе русского поэта давно воспринимают как собственного классика. Касаясь вопросов ориентализма в творчестве русского поэта, один из самых авторитетных лермонтоведов В. А. Захаров, подчеркивает, что «в его произведениях мы не найдем ни малейшего намека на колонизаторскую роль России или на высокомерное отношение к народам, населяющим Кавказ. Весь цикл кавказских произведений Лермонтова, наоборот, проникнут дружелюбием, переходящим в восторг, а где-то и в любовь к Востоку [Захаров 2014:35]. Поэт, на самом

деле, был «новым ориенталистом», которого на Кавказе интересовала не военная романтика, а глубинная культура российского Востока.

В русле «высокого реализма» создан и роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» [Лермонтов 1968], в основу которого положены впечатления автора от пребывания на Кавказе. Тот же реалистический подход отличает и наиболее интересующую нас первую часть романа («Бэла»), где дан один из самых ярких образов северокавказской женщины в истории русской литературы.

Вечная тема любви, предопределенной естественными, природными чувствами, и запрещенной этническими, конфессиональными, социальными предрассудками в анализируемом романе приобретает особую «фронтирную» интерпретацию в изложении М. Ю. Лермонтова. «Любовью с первого взгляда» можно назвать чувства, пережитые горянкой и русским офицером в момент их первой встречи на свадебном пиру. Сложившийся в романе классический треугольник «Бэла – Печорин – Казбич» совсем скоро преобразовывается в настоящий «многоугольник», в который оказываются втянуты меркантильные интересы окружающих. Любопытно отметить, что судьбу Бэлы, по сложившейся в «мужских» романах традиции, решает не сама женщина, а окружающие ее мужчины. В лермонтовском романе даже простой арифметический подсчет показывает превалирование мужчин над женщинами в количественном измерении.

Поведение Печорина, его отношение к Бэле может быть «прочитано» на разных уровнях. С социальной точки зрения в герое «прочитывается» светский ловелас, хорошо владеющий искусством обольщения. Гендерные различия между героями быстро дают о себе знать: девушка настроена на оседлый, семейный образ жизни, в то время как Печорин томим жадой путешествий, наподобие своего литературного двойника – Чайльда Гарольда (Байрон).

Для Бэлы же, как для истинной женщины, жизнь с любимым мужчиной даже в русской военной крепости, с невероятно осложненными отношениями с родными, все равно кажется счастливой. Даже в такой экстремальной обстановке она по-своему «вьет» семейное гнездышко: потихоньку учит родной (русский) язык своего мужа, приноравливается к его вере. Многое в отношении Печорина к Бэле объясняет флористическая образность, сравнение девушки с цветком: любование и любовь, пока растение цветет, и полное равнодушие после того, как «цветок сорван» [Соснина, Карбоне, Ямадзи, 2012:108]. У Печорина огромный экзистенциальный страх перед женитьбой. Сам герой называет это «врожденным страхом» и, самооправдываясь, приводит аргумент: «Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей». И далее снова признание: «Надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне

дает только почувствовать, что я должен на ней жениться, – прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова» [Лермонтов, 1968:583].

Одна из самых парадоксальных и страшных фраз о Бэле, которая звучит в романе, вложена в уста Максим Максимыча: «Нет, она хорошо сделала, что умерла» [Лермонтов, 1968:512]. Мудрый старик с его проциательным умом понимает психологическую несовместимость двух молодых людей, которые «рано или поздно» расстались бы. Жизнь без любимого человека для Бэлы превратилась бы в мучение, по сравнению с которым физическая кончина – избавление, спасение, по-своему даже счастливая развязка этой драматической истории.

Образ Печорина настолько глубок и насыщен культурными смыслами, что его невозможно объяснить и исчерпать до дна в границах гендерных категорий. Он воплощает в себе не только мужчину в его сложных отношениях с женским полом. Печорин – эмблематический герой своего времени, и его странное поведение обусловлено, в том числе, и трагедией Кавказской войны, расколотостью мира на Запад и Восток, Азию и Европу, героическое прошлое и бездействующее настоящее. Сами токи времени перерезают его путь к созданию Дома и Семьи – ценностей, которые ни физически, ни биологически не могут выжить на линии разлома, разрыва, разлада.

Философская идея повести А. В. Дружинина «Madmoiselle Jeannette» [Дружинин, 1865] тесно связана с культурным диалогом, который пусть с большим трудом, в осложненной форме, но все же выстраивается поверх навязанного народам России и Кавказа военного конфликта. По уже сложившейся в «русско-кавказской» прозе XIX века художественной традиции, местом действия в рассказе «Madmoiselle Jeannette» вновь является зона северокавказского фронта. Гендерную составляющую рассказа определяет история взаимоотношений двух женщин, также представляющих две стороны «военной баррикады» – это жена русского офицера Наталья Сергеевна и юная черкешенка Жаннетт. Модель их взаимоотношений во многом напоминает «дружбу-вражду» между Аммалатбеком и Верховским и в определенном смысле может трактоваться как ремейк бестужевской «мужской модели» на сугубо женском материале.

Особой темой для разговора является фанатичная преданность маленькой пленницы своему «похитителю», «господину», боготворимому ею «урус-джигиту». Сам автор, объясняя феномен «привязанности женщин к воинам племени, враждебного их народу» дает интересную трактовку с антивоенной, пацифистской позиции: «Может быть, подобное чувство показывает в женщинах совершенное отсутствие политических добродетелей, но сколько раз их привязанности к чужеземцам, смягчая нравы и извлекая симпатию из дикой борьбы, или сокращали войны, или незаметно подготовляли дружбу между нациями» [Дружинин, 1863:555].

В повести затронут еще один интересный вопрос, связанный с физической силой мадмуазель Джаннет, постоянно упоминаемой автором. На первый взгляд, это не типичный образ кавказской горянки, мир которой все же замкнут преимущественно пределами домашнего очага, поскольку тяжелый физический труд всегда на Кавказе был прерогативой мужской части населения. Но в данном конкретном «кавказоведческом» рассказе, думается, А. В. Дружинин проявляет себя как настоящий реалист, поскольку он рисует не просто «северокавказскую женщину», а «северокавказскую женщину в условиях войны». Жестокие условия военного конфликта не позволили маленькой горской девочке остаться в своей родной «женской нише», вынудив ее перенять множество мужских обязанностей – брать в руки винтовку, чистить лошадь, хорошо ориентироваться в горах, уметь себя защищать и т. д. Гиперболизированная физическая сила Джаннет – это ответ женской природы и женского духа на актуальные вызовы времени, когда скрытые физические резервы женщин выступают в качестве компенсаторной замены мужчинам, погибающим в боях. Северокавказская горянка Джаннет, воспитанная в русской среде, представляет собой «образ нового, поликонцептуального человека, преодолевшего узость этноцентрического сознания» [Кучукова, 2013:106].

Печатью индивидуального почерка самой высокой пробы отмечен реализм Л. Н. Толстого в его знаменитой повести «Хаджи-Мурат». Как отмечает К. К. Султанов, «при обращении к кавказскому сюжету Л. Н. Толстой обнаружил невиданные доселе в его практике рвение исследователя, требовательность аналитика, педантичность историковеда, оставаясь неизменно художником» [Султанов, 2007:109]. Писатель специально изучал языки, историю, географию, этнографию Кавказа, интересовался региональной антропониимикой и т. д. Весь узел противоречий, связанных с войной, фронтиром, коллизиями гендерного характера, Л. Н. Толстой «снимает» поэтизацией семьи, являющейся для него квинтэссенцией самой жизни. Автобиографические черты самого писателя с его культом родственных взаимоотношений легко прочтываются в образе Хаджи-Мурата, для которого в иерархической системе ценностей близкие, род занимают первое место. Нетрудно заметить, что с представителями противоположного лагеря он легко выстраивает дипломатические мосты там, где есть сакральное пространство семьи (дом Воронцовых). Само понятие «семья» для русского писателя и его героя-протагониста – высшая форма отрицания войны.

В романе Л. Н. Толстого военные крепости северокавказского фронта «очеловечиваются» присутствием в них женщин. С большой симпатией автор также рисует образы не только горянок, но и славянских женщин – Марьи Васильевны и Марьи Дмитриевны, «дочери фельдшера». По Толстому, субкультурой северокавказских народов выработалась некая

система женского противостояния тотальной милитаризации населения, разгулу зла и насилия в обществе. Сами народы, движимые инстинктом самосохранения, придумали и ввели в пользование множество тонко разработанных «гендерных» механизмов ослабления антагонизма между противоборствующими сторонами. Аталычество, «молочная мать» (эмчек ана), побратимство, белые платки – все это своего рода социальные «антибиотики» против эпидемии «людской ненависти».

Л. Н. Толстого всегда волновала проблема воспитания и просвещения детей. Воплощая свои педагогические идеи в жизнь, он написал несколько нравоучительных рассказов, среди которых особое место занимает «Кавказский пленник» (1872) [Толстой, 1978]. Для писателя, отрицающего войну как наиопаснейшую из всех мыслимых социальных катастроф, чрезвычайно важными представляются такие человеческие качества, как доброта, милосердие, сострадание. Все перечисленные этические качества русский писатель вкладывает в образ женщины, горянки – маленькой девочки по имени Дина. Задуманный Л. Н. Толстым как детское произведение, рассказ «Кавказский пленник» перерастает рамки своего жанра и превращается в философский текст с ярко выраженной антивоенной направленностью. В нравственном облике малолетней горской девочки просматривается первоначально движений «Белые миротворческие платки» и «Материнское сердце», которые на рубеже XX–XXI веков на Северном Кавказе станут мощной антивоенной общественно-правовой силой.

Северокавказская гендерная картина мира, созданная названными русскими писателями, в точности, без романтических прикрас отображает реальный статус женщин и мужчин в горском патриархальном обществе, осложненном условиями войны. У каждого из писателей-реалистов – свои собственные творческие находки в художественно-философском решении мировоззренческих и гендерных проблем.

Литература

1. *Бестужев-Марлинский А. А.* Аммалат-бек // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3-х т. / Под ред. д-ра социол. наук В. А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 55–109.

2. *Дружинин А. В.* Madmoiselle Jeannette. Рассказ // Собр. соч. А. В. Дружинина. Том 1. Санкт-Петербург. 1863. С. 546–579.

3. *Захаров В. А.* «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. Сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Часть I. Краснодар, 2014. С. 26–81.

4. Крадецкая С. В. Проблема материнства. Взгляд русской общественности рубежа XIX–XX вв. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. 3–6 октября 2013 года. Том 2. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. С. 164–167.

5. Кучукова З. А. Образ русского человека в балкарской литературе // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра Высшей школы ЮФУ. № 4. 2013. С. 105–110.

6. Лермонтов М. Ю. «Нет, я не Байрон, я другой...» // Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1968. – 639 с.

7. Соснина Е., Карбоне А., Ямадзи А. М. Ю. Лермонтов: между Западом и Востоком. – Эссендуки: Творческая мастерская «БЛГ», 2012. – 274 с.

8. Султанов К. К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. – М.: Наука, 2007. – 301 с.

9. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Повести. Рассказы. – М.: Сов. Россия, 1985. – 512 с.

10. Толстой Л. Н. Кавказский пленник // Повести и рассказы. – М.: Детская литература, 1978. С. 488–507.

11. Улаков М. З., Толгуров Т. З. «Этнос-диаспора» как модель функционирования социокультурного пространства. Кавказоведение. М., № 4, 2003. С. 44–52.

12. Шебзухова Т. А., Берберова Е. Г. Северокавказский фронт Российской империи (1722–1864 гг.). – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. – 224 с.

13. <http://alifammara.livejournal.com/453424.html>.

* * *

Хасан ТУРКАЕВ,
доктор филологических наук

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

В наше беспокойное время, когда политические перипетии, локальные конфликты, экономические трудности обуславливают процессы отчуждения народов, живущих рядом веками, на мой взгляд, крайне необходимо повышение уровня знаний об истории друг друга, в первую очередь – истории взаимоотношений с соседями. А они, проверенные временем, самые искренние, уважительные.

Эта мысль заставила меня предложить широкому читателю две чеченские песни о кабардинцах. Песни такого рода – главная отличительная особенность художественного мышления чеченского народа: в его фольклорном наследии много песен, посвященных благородным русским, кабардинским, грузинским, калмыцким, осетинским и дагестанским юношам. Так красноречиво проявлялось бережное отношение чеченского народа к национальным чувствам, национальному достоинству своих соседей.

Песни о кабардинцах – лишь небольшая часть огромного песенного пласта устного творчества чеченцев. Оно формировалось на протяжении многих веков. Морально-нравственные, этические и эстетические представления, накопленные народом в мифах и нартских сказаниях, сказках, легендах и преданиях, выдающейся башенной архитектуре, надписях и рисунках на камнях получили свое дальнейшее воплощение и продолжение в героико-эпических и исторических песнях (чеченцы их называют «илли»). Возникшие в XVI веке и развивавшиеся вплоть до конца XIX века, в условно хронологической последовательности они замыкают названные выше эпохальные пласты искусства народа. Песни логически завершают стройную череду формирования и взаимосменяемости форм и жанров фольклора, в которых запечатлелась эволюция художественного восприятия и осмысления народом разных этапов своей истории.

Илли – драматизированные песни-поэмы, крупнейший памятник героического эпоса чеченцев, одно из ярких проявлений их духовной культуры. Илли воссоздают сложный путь становления чеченского этноса, его мировоззрения, исторический оптимизм, веру в силу дружбы, доброты и справедливости, уверенность в грядущей свободе и счастье. Для илли характерна глубокая разработанность идей и образов, новизна поэтических красок, горячее дыхание сложной и героической истории народа.

Интерес к илли проявляли А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, особенно Л. Н. Толстой, многие известные ученые России дооктябрьского периода и советской эпохи.

Подлинными шедеврами поэтического слова во все времена создавались только тогда, когда в них правдиво запечатлевались судьбы народа, его радости и горести, мечтания и надежды. Героико-эпические песни илли – живая летопись истории чеченцев за последние четыреста лет, хотя, разумеется, и не документальная.

Формирование из разрозненных тайпов единого народа – процесс исторически долгий и сложный. Загнанные в горы волнами завоевателей, владычествовавших на Северном Кавказе, чеченские тайпы жили разрозненно, не консолидируясь в единую этническую общность. Формирование из многочисленных чеченских тайпов монолитного чеченского этноса ускорило благодаря усиленному заселению ими в XVI–XIX веках равнин Большой и Малой Чечни, контролировавшихся ранее, в ордынский период и продолжительное время после него, иноязычным нобилитетом. Заселение и освоение этих земель происходило в процессе длительной борьбы против феодалов. Одновременно крепились экономические и культурные связи чеченцев с соседними народами. В это время возник и развивался жанр героико-эпических песен.

На плоскости образовывались поселения из представителей разных тайпов. На первый план выдвигались уже не кровно-родственные связи,

а социально-экономические факторы. Начавшийся еще в горах процесс ломки патриархально-родовых отношений и зарождения феодализма получил дальнейшее выражение в плоскостных селениях – соседских общинах. Постепенно вырабатывался комплекс морально-нравственных и этических представлений, происходило формирование нового быта и уклада, без которых существование в новых условиях жизни – на равнине – было бы немыслимо.

В этих условиях усилилась социальная и экономическая дифференциация. Поэтому-то илли, выражая идеалы широких народных масс, глубоко демократичны. Появлению в героико-эпических песнях образа героя, преисполненного отваги, справедливости, щедрого и благородного, честного и преданного дружбе, во многом способствовали не только и не столько боевые схватки с иноземными феодалами, сколько формирующееся понимание внутрисословного социального единства и, как следствие внутривидовых противоречий – кристаллизация эталонного образа воина-защитника, в большинстве образцов актуализированного в границах представлений неимущих слоёв. Это полностью определяет семантику героических песен, воспевающих мужество, храбрость, дружбу, верность слову, нравственную чистоту, скромность, вежливость, уважение к женщине.

Одним из главных достоинств илли является и то, что в них нельзя найти и намёка на оскорбление национальных чувств соседних народов. Так, песенные герои выясняют отношения с кабардинскими, грузинскими, кумыкскими, калмыцкими князьями, царскими генералами. Тем не менее, страны фольклорных врагов чеченских героев уважительно именуется Мать-Россия, Мать-Грузия, Мать-Кабарда, Мать-Калмыкия, Мать-Осетия, Мать-Тарки, Мать-Дагестан.

Сказанное, безусловно, подтверждают песни, вот уже сотни лет не теряющие популярности у чеченского народа: «Илли о кабардинце Курсолте» и «Илли о князе Кахарме кабардинском». Они – красноречивое свидетельство уважительного отношения чеченцев к кабардинцам: не важно, кто они – князь Кахарма или не имеющий титула, но отважный, благородный, щедрый, верный слову и дружбе Курсолта. Оба героя вобрали в себя лучшие черты своего народа, его мудрую философию жизни и фольклорные представления народа-создателя об идеальном мужчине – о его морали, поведении и внешности.

Убежден, что в наше сложное время одним из действенных средств для сближения и взаимопонимания северокавказских народов является их история, полная фактов взаимовыручки и взаимопонимания, фольклор, в котором во всей полноте отразились их гуманные устремления.

ПОЭТ, ДРАМАТУРГ И ВОИН

В Нальчике, в рамках Года театра, в ГНБ им. Т. Мальбахова прошёл вечер воспоминаний «Верность себе и театру», посвящённый 100-летию со дня рождения заслуженного артиста КБАССР, поэта и драматурга, участника Великой Отечественной войны Ибрагима Шакмановича Маммеева.

На вечере присутствовали почётные гости – дочь, Людмила Маммеева, зав. библиотекой СК ГИИ; писатели и театральные деятели, молодёжь.

Встречу предварила видеопрезентация «Театра мир откроет нам свои кулисы», рассказывающая не только о блистательном пути служителя балкарской национальной сцены, но и ратных подвигах И. Маммеева – личности масштабной и многогранной, бесстрашном воине, дошедшем до Берлина. На книжно-иллюстративной выставке «В главной роли актёр» участники смогли увидеть артиста и драматурга, а также талантливого писателя и поэта, чьё творческое наследие по праву вошло в историю кабардино-балкарского сценического искусства, литературы и Великой Отечественной войны.

Организаторы и ведущие вечера зав. отделом литературы по искусству заслуженный работник культуры КБР Зарема Кужева и ведущий библиотекарь отдела Зайнаф Геграева подчеркнули, что национальная библиотека в рамках года театра запустила проект «Его величество театр», в который с полным основанием вписывается личность И. Маммеева, человека, гражданина и сына своего мятежного времени.

Мыслитель, драматург, актёр, незаурядная личность, с именем которого связано развитие и становление профессионального театрального искусства республики. Таков И. Маммеев.

Перелистаем страницы его биографии. Поэт, актёр, драматург Ибрагим Маммеев родился в с. Кёнделен Эльбрусского района. Из прожитых им 85 лет 65 отданы театру. А все начиналось со школьной скамьи – с репетиций Ибрагима в театральном кружке и первых стихов для школьной стенгазеты. Затем последовала учёба в студии колхозно-совхозного театра в Нальчике.

*Ибрагим Шакманович
Маммеев*

Его первая актёрская премьера на сцене состоялась в роли комиссара Кошкина в спектакле «Любовь Яровая» Константина Тренева. День премьеры спектакля – 7 декабря 1939 г. – можно назвать боевым крещением профессионального Балкарского театра.

Но 1940 год круто изменил судьбу молодого актёра: он был призван на военную службу в пограничную часть, где в 1941 году встретил войну. Отступая с погранотрядом, в 1942 году оказался в Воронеже, затем в городе Перемышле. В 1943 году старший сержант Маммеев был переброшен в Старый Оскол и, оказавшись в ставке Воронежского фронта, был приписан к штабу командующего армией. Он прошёл через танковую баталию на Курской дуге. В составе частей II Украинского фронта принимал участие в форсировании Днепра и освобождении Киева.

Лишь единицам известно, что в годы Великой Отечественной войны писатель, баснописец, драматург Ибрагим Маммеев входил в личную охрану генерала армии Ватутина и маршала Советского Союза Жукова. В 2000 г. в журнале «Минги-Тау» вышли воспоминания Ибрагима Маммеева «Колесо времени», где он, хоть и кратко, но все же рассказал о своих встречах с Н. Ватутиным, Н. Хрущевым и Г. Жуковым.

За год до смерти автора увидел свет сборник его пьес «На чужбине» («Киши жеринде»). В драме-повести «Открывайте окна» он возвращается к событиям войны.

Молодой актёр, сын балкарского крестьянина из селения Кёнделен Ибрагим Маммеев стоял в карауле при подписании акта о капитуляции Германии.

Ибрагима в Красную армию забрали в 1940-м. К тому времени он успел сыграть на сцене только одну роль. Судьбе было угодно, чтобы в 1943 г. И. Маммеев со своим другом Федуловым получил приказ: доставить пакет в штаб Воронежского фронта и остаться там. Ибрагим Шакманович вспоминал: «Таким образом, я начал служить в охране командующего Воронежским фронтом генерала армии Ватутина. Наш долг – безопасность его жизни. Есть ещё одна охранная группа члена военного совета Н. С. Хрущева. Туда входят одни офицеры. Мы, ватутинцы, всегда следуем за ним...».

Статный, крепкий, наделённый природной силой и харизмой, Маммеев внушал доверие всякому, кто с ним сталкивался в жизни. Эти качества и позволили молодому человеку служить в охране выдающихся советских полководцев.

После смерти Ватутина вышел приказ об усилении охраны маршала Жукова. Так Маммеев поступил под его командование. Из воспоминаний последнего мы узнаём о некоторых подробностях, связанных с пактом о капитуляции Германии. В частности, о том, как 8 мая 1945 года, рано утром их группа прибыла в пригород Берлина Карлс-хорст и остановилась возле бывшего военно-инженерного учи-

лица. Охрана, осмотрев помещение, встала у дверей. Маршал Жуков прибыл туда к полудню...

Награждённый многими медалями, орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, И. Маммеев демобилизовался лишь в 1946 г. Но вернуться на родину после долгого отсутствия не довелось – он вынужден был отправиться в Киргизию, где находились его депортированные родные. Там, в с. Чок-Тобе он работал учителем в школе, а затем директором библиотеки.

Лишь в 1956 году, вернувшись в Кабардино-Балкарию, Маммеев получил возможности для реализации творческого потенциала. В первые месяцы пребывания на родине он был задействован в воссоздании республиканского печатного органа на балкарском языке – стал корреспондентом и зав. отделом культуры газеты «Коммунизмге жол», попробовал себя в публицистике. По-видимому, это стало определённым толчком в развитии его литературного творчества. Ведь ещё в юности Маммеев писал стихи и баллады, кое-что публиковал на страницах газет. В 1958 году отдельным изданием вышел первый сборник его стихов «Коса», а впоследствии – в издательстве «Эльбрус» – увидели свет сборники «Тебе мой подарок» (1962), «Голос земли» (1976), «Позови меня» (1984), «Пой, свирель!» (1992) и другие.

Но творческое имя Ибрагим Маммееву создали не столько поэзия и проза, публицистика и драматургия. Опираясь на сюжеты из истории и современности балкарского народа, он создал пьесы «Поэма о любви», «После свадьбы», «Крепость Шамая», «Феодал», «Зрячая любовь», «Раненый тур» и другие. Жанровую особенность пьес Маммеева специалисты определяют как социально-философские драмы и драмы-сказки. Ибрагим Шакманович до последнего дня служил театру верой и правдой. Он автор 16 книг, 14 пьес, десять из которых поставлены на сцене родного театра, 9 пьес переведены им на балкарский язык.

Тонкая лирика, басня, новелла, драматургия, детские сказки – необычайно широк диапазон его литературной деятельности. В разработку каждого из этих жанров он внёс свой вклад, обогатив их новыми образами, мотивами, авторскими откровениями и своеобразием художественного языка.

После второго открытия балкарского театра в 1957 году, И. Маммеев вернулся на сцену. Спустя 17 лет после своей первой премьеры, у него появилась возможность раскрыться и как яркому артисту. За годы, от-

данные служению Мельпомене, им созданы десятки образов: Апсаты в «Крепости Шамая», Хан в «Поэме о любви», Кязим Мечиев в спектакле «Раненый тур», Подколесин в «Женитьбе» Гоголя, Миллер в «Коварстве и любви» Шиллера, Юсов в «Доходном месте» Островского.

Ибрагим Маммеев – заслуженный артист КБАССР, член Союза писателей СССР с 1939 года. Не будет преувеличением сказать, что его творчество явилось бесценным вкладом в балкарскую драматургию и профессиональный театр. Отраднo, что с ним познакомились разные поколения читателей и зрителей. Тысячи раз сцена видела его спектакль

«Крепость Шамая», основанный на балкарских народных сказках и предназначенный, конечно, в первую очередь, для детей. Спектакль впервые был поставлен в 1968 году. Было время, когда «Крепость Шамая» играли по 300–400 раз в год, и он собирал аншлаги по всему Кавказу.

Крупным публицистическим документом о театре стал сборник воспоминаний и статей драматурга «Малкъар театр» («Балкарский театр», 2005), рассказывающий об истории зарождения, становления и развития балкарского театра.

Воспоминаниями об И. Маммееве поделились народный поэт КБР и КЧР Салих Гуртуев, журналист и поэт, бывший издатель книг юбиляра Светлана Моттаева, главный редактор журнала «Минги-Тау» Аскер Додуев, заведующий редакцией балкарской литературы Мухтар Табаксоев, театровед и телеведущая Асият Саракуева, деятели сцены – директор Балкарского драматического театра, народный артист КБР Мажид Жангуразов, главный режиссёр театра, лауреат Государственной премии КБР Магомед Атмурзаев, ветеран сцены, заслуженный артист КБР Алексей Шахмурзаев.

Все выступления были пронизаны теплом и благодарностью современнику, которого каждый знал лично как человека исключительного, даже без учёта боевых заслуг и успехов в литературной деятельности. И. Маммеев остался в памяти выступивших как один из зачинателей молодой балкарской литературы и театра. Служению музам он отдал всего себя.

Имя отважного горца, сына своего народа вписано золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны, ратную славу Кабардино-Балкарии!

Махти ДЖУРТУБАЕВ

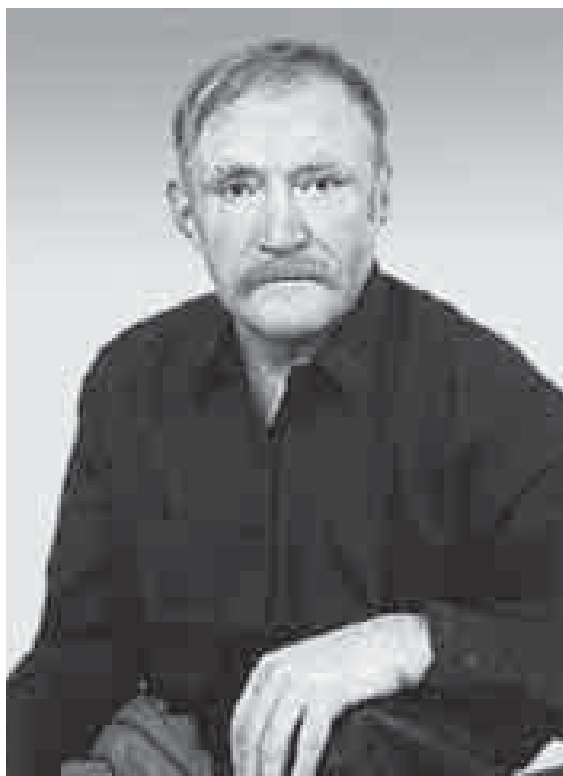
Джуртубаев Махти Чиппаевич родился в 1949 г. в г. Алма-Ата (Казахстан). С 1958 г. живет в Кабардино-Балкарии. В 1975 г. окончил историко-филологический факультет КБГУ, а в 1980 г. – Литературный институт им. М. Горького в Москве.

Его перу принадлежат такие известные широкой публике книги, как «Древние верования балкарцев и карачаевцев», «Духовная культура карачаево-балкарского народа», сборники статей «Душа Балкарии», «Другая повесть о походе Игоря», «Карачаево-Балкарский героический эпос», «Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов» и др. Составил и издал несколько фольклорных сборников. Подготовил и издал этический кодекс карачаево-балкарского народа «Ёзден адет» с обширными комментариями.

Махти Джуртубаев – член Союза писателей Российской Федерации, заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики.

ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Четырнадцать лет, проведенных народом в изгнании, оказались для карачаево-балкарских поэтов и писателей, вступивших в литературу в 60-е годы, тем периодом, в который полностью уложилось их детство; периодом, конец которого совпал с окончанием исторической эпохи в жизни СССР, связанной с именем Сталина. Целое поколение оказалось лишенным не только родины и дома, но и книг на родном языке, в условиях, чрезвычайно затруднявших передачу мощной и многовековой духовной традиции, многие носители которой погибли еще ранее или уже в ссылке. Не об этом ли писал великий Антуан де Сент-Экзюпери («Цитадель»): «Сокровенное и сущностное передается не словом, а приобщением

Али Локманович Байзуллаев

к любви. Но отторгните один-единственный раз одно поколение от другого, и любовь умрет».

На долю детей 40–50-х годов выпало мало любви и много горя, и лишь в одном им неслыханно повезло – они дожили до дня возвращения, с мечтой о котором умерло и погибло столько их старших соотечественников; они увидели всенародное ликование и запомнили стук колес и запах вагонов, которые везли их на землю предков. Но это возвращение оказалось долгим. Народ вернулся на Родину, и началось трудное восстановление хозяйства и уклада жизни. Предстояла огромная работа и в области литературы, искусства, науки. И тут молодые люди, вступающие в литературу, ощутили, что построить или восстановить разрушенный дом или мост, дорогу, ферму дело гораздо более простое, чем воссоздать атмосферу храма духовной жизни, хотя бы в одной ее части – словесности, тем более что и храм этот лежал в руинах.

Оказалось, что созидать предстоит почти на пустом месте; как уже говорилось выше, народная поэзия еще не была ни собрана, ни издана (а ведь ее надо еще и освоить, чего не произошло до сих пор); из всего наследия великого Кязима удалось издать небольшую книгу, а многое из написанного другими писателями и поэтами прежде (в 20–30-е годы), явно и безнадежно устарело. На выполнение этой задачи – обретения почвы под ногами – и ушли силы литераторов среднего поколения, чьи произведения начали публиковаться еще до войны и кто был обречен на молчание в долгие годы жизни на чужбине.

Балкарская литература не имела возможности начать свое формирование, опираясь только на духовное наследие народа. Уже Кязим испытывал влияние восточной поэзии, соединял ее опыт с поэтикой народной лирики. Преувеличивать значение и силу этого влияния никаких оснований нет, и все же оно очевидно. Но произошла революция, и началась эпоха безраздельного господства русского языка и литературы. Горизонт мировидения и писателей, и читателей стал намного шире, в их сознание стали входить огромные пласты русской и европейской литератур. Чтобы творчески освоить их, требовалось время, но этот непростой труд в самом его начале был прерван войной и выселением. Следует сказать, что, вместе с тем, сфера употребления родного языка постепенно и неуклонно сужалась.

Получилось так, что Саиду Шахмурзаеву, Кайсыну Кулиеву, Кериму Отарову, Омару Этезову и другим предстояло творить плечом к плечу с молодыми поэтами, только что начавшими творческий путь, причем только в качестве старших, а не предшественников. Поэтому те, кто входил в литературу в эти годы, не были и не могли быть ни их последователями, ни учениками – слишком крутой поворот совершила история в период их формирования, слишком разными были их судьбы, как и среда, в которой они выросли. И – поскольку никакая традиция за ними

не стояла, – молодые литераторы начинали как бы с нуля, сами выбирая точку, от которой можно было оттолкнуться. (Разумеется, все они учитывали опыт литератур других народов, но это не могло им помочь ни в выборе тем, ни в их освещении, ни в постижении тайн родного языка.)

Многое в те годы менялось на глазах – вкусы людей, их мнения, одежда, речь и т. д. И если кто-то из представителей поколения 60-х – тогда или сейчас – воображал себя учеником и продолжателем кого-то из старших, это не соответствует действительности, поскольку практически то же самое (начинать с нуля) предстояло всем, – до той поры, когда количество литературных текстов достигнет степени критической массы и начнется производимый временем отбор достижений и образцов, т. е. формирование традиции, и даже, возможно, стиля, присущего только крупным и плодотворным периодам.

Труднее всего приходилось тем, кто только начинал свой творческий путь; им предстояло восстановление образа Родины в сердце, что невозможно без восстановления (хотя бы только в сознании) ее духовной атмосферы, созданной усилиями предков за многие столетия и развеянной в середине XX в. Писателям среднего поколения было в этом отношении легче – они успели впитать традиционную культуру (пусть и замутненную вмешательством государственно-партийной идеологии) до войны. Те же, кто родился перед войной, провели свое детство и отрочество на чужой земле, в совершенно других условиях, узнав о своем народе, его культуре и своей земле только то немногое, что успели и смогли поведать родные или немногочисленные соседи.

Оказалось, что вернуться и пребывать в Балкарии – это еще не все, этого мало: надо было увидеть ее (народ и его землю) внутренним зрением, почувствовать ее вечное притяжение, создать ее образ в своем сердце, т. е. вернуться на Родину не только телом, но и душой, а это требовало времени и усилий. Возможны были два пути: соединять опыт фольклора с опытом литературы мировой в стремлении к выражению души народа, или двигаться от чужого к своему, самобытному (понимая, что поэзия, созданная безымянными поэтами прошлого, и есть высшая идейная и художественная ценность непреходящего значения). На каждом из этих путей можно было достигнуть успеха, но можно было и заблудиться, а то и вовсе зайти в тупик.

В путях и судьбах литературы отражалась судьба карачаево-балкарского народа, находящегося на стыке двух (или даже трех) цивилизаций, и прилагающего огромные усилия, чтобы сохранить свой язык, богатейшее духовное наследие и культурную самобытность, творчески (а не механически) осваивая еще и достижения иных культур (не говоря уже о прочих, весьма важных задачах). Начать этот непростой путь выпало на долю двух великих поэтов – Кязима, соединившего карачаево-балкарскую поэтику с поэтикой Востока, и Кайсына,

обратившегося к поэтическому опыту России и Европы. (Еще один корифей – Исмаил Семенов, на наш взгляд, продолжил линию развития национальной поэзии без опоры или обращения к иноязычным литературам; к сожалению, изучение шедевров, созданных им, еще только впереди, поскольку большая часть его творческого наследия даже не издана.) Начало новой жизни на Родине стало еще и началом нового периода усвоения мировой культуры и науки в целом, и оттого, насколько органичным оно будет, насколько естественно соединится чужое со своим, народным опытом и миропониманием, во многом зависит судьба народной культуры. Процесс этот продолжается, синтез еще не достигнут, – слишком сложна задача.

Поэзия Али Байзуллаева наиболее отчетливо представляет вторую линию развития балкарской поэзии; именно он приложил самые большие усилия, чтобы сплавить воедино опыт русской и европейской поэзии с духом и стихией карачаево-балкарской речи. Это относится и к ритмике, и к образной системе, и к тематике, и к мировоззрению, и даже к психологическому портрету лирического героя его произведений.

Али Локманович Байзуллаев, как и подавляющее большинство его сверстников-балкарцев – человек нелегкой судьбы. Отец погиб на фронте, детей растила одна мать, выбиваясь из сил, зарабатывая горький хлеб спецпереселенки. Холодное и голодное детство, воспоминания о котором отразятся потом во многих стихах. Ранний, непосильный труд, скитания с беспризорниками по железным дорогам. Возвращение на родину, в горняцкий город Тырныауз, работа на предприятиях города, на стройке, в шахте, учеба в Литературном институте им. А. М. Горького.

В 1971 году выходит сборник его стихов – «Къаяла» («Скалы»). С первых же строк этой маленькой книги, было понятно, что в балкарской литературе появился поэт, ни на кого из собратьев по перу не похожий, наделенный резко очерченной индивидуальностью. Интонация, стиль, лексика, в которой неожиданно и естественно уживались высокое и низкое, вульгаризмы и философские термины, – все было ново, непривычно, точнее, своеобразно. Но самое главное было даже не то, о чем или что говорил поэт, а то, как говорил – резко и определенно, не прячась за словами, не рядясь в тогу учителя, мудреца или праведника, а заявляя право быть и выглядеть таким, каков он есть – грешным, страстно увлекающимся, впадающим в заблуждения, гневным, нескромным, раздраженным, отвергающим и принимающим по велению сердца, а не по указанию кого-то или чего-то. Вероятно, Али Байзуллаев по праву мог бы выбрать своим девизом слова Кнута Гамсуна: «Лучшая объективность – это искренняя субъективность»; он – один из немногих поэтов, кто в те годы посмел и сумел быть предельно и искренне субъективным.

И, конечно, тех, кто всегда боялся высказывать вслух собственное мнение (если, конечно, оно имелось), это пугало или раздражало, несмо-

тря на то, что поэт вовсе не стремился к эпатажу; подобная открытость не была нормой, да и вряд ли когда-нибудь ею станет (помню строку из рецензии маститого балкарского критика на сборник стихов не менее «маститого» поэта: «Имярек никогда не боится заявить, что он на стороне добра, не боится прямо сказать, что он ненавидит зло»). Неслучайно о другой книге Байзуллаева, вышедшей 20 лет спустя, Фазиль Искандер писал: «Его горячие и горящие строки, полные непосредственной боли, с точки зрения не слишком искушенного читателя выглядят, вероятно, недостаточно обработанными. Но это п о э з и я. А привычка к зализанным стихам, где все правильно, это тоже – наследие того, что мы сегодня называем застоём» (с последним утверждением согласиться трудно; боязнь всего, что чрезмерно, что выходит за определенные рамки, есть психологическая черта, присущая многим людям и во все века).

Уже в первой книге поэт, которому чужда всякая поза, меньше всего был озабочен тем, как будет выглядеть в чьих-то глазах (подобная забота как раз и убивает поэзию). Но тогда, а кое-кем и сейчас, рвущиеся из сердца строки Байзуллаева воспринимались как вызов. Например, такой моностих (здесь и далее подстрочный перевод наш):

*Кюсейме журтумда да журтуму!
И на родине по родине томлюсь!*

Или, из стихотворения «Пайгъамбар» («Пророк»):

*Шо, он минг жыл озса да, келирме,
Къара жукъу басхан жерге,
Жомакъ тюшюгюзню бёлюрме,
Хахай эте бийиклеге!*

*Жукълагъыз, харипле! Шо, окъду,
Пайгъамбарла сёзю жерде,
Сизни мында, кёкде да жокъду
Аллахыгъыз. Болсун тюшде.*

И тогда, пусть даже через десять тысяч лет,
Я приду на землю, объятую глухим сном,
И прерву ваш волшебный сон
Воплем, обращенным ввысь!

Спите же, несчастные! Лишь стрелы –
Слова пророка на земле.
Для вас ни здесь и ни на небесах
Нет Бога. Пусть будет Он во сне.

Али Байзуллаев был и остался совершенно чужд всякой идеологии – как той, что господствовала тогда (он так и не написал ни одной

строчки, посвященной вождям, юбилейным датам, партии и пр.), да и любой другой. Разумеется, идеологи отвечали ему взаимностью, не отметив его творчество какой-либо премией, даже самой завалящей (он и сейчас остается как бы неизвестным критикам и литературоведам). Да и не могли вызвать их одобрение такие, например, стихи:

*Мен ашагъан ётмек – ачы:
Ачы – аны тапхан жолум;
Халал кюзню сары чачын
Сылайдыла эки кьолум.*

Хлеб, который ем я – горек:
Горек и путь, на котором я его добываю;
Доброй осени рыжие волосы
Гладят мои руки.

Чуткий читатель ясно понимал: что-то изменилось в течение времени, что-то надломилось в системе, казавшейся железобетонно-несокрушимой, если подобные книги стали выходить из печати.

Поэт свободен настолько, насколько он сам себе позволяет быть свободным. Полное отсутствие «внутреннего цензора» – таково первое впечатление при знакомстве со стихами Байзуллаева. Все можно сказать всем, любому – то, что думаешь, как думаешь и что чувствуешь. Поэт смеет быть мудрым и глупым, скромным и развязным, грубым, смешным и ироничным – но и возвышенным. Именно впечатление чего-то возвышенного – голоса, интонации, вдохновения остается после прочтения первой, такой маленькой по объему (30 стихотворений) книги поэта «Скалы». Как проникновенны, пронзительны строки из стихотворения «Начинается плач ветра...», посвященного памяти детства, и интонация которого, возможно, навеяна известным произведением Гарсиа Лорки «Начинается плач гитары, разбивается чаша утра...». Но это все свое, это голос и чувство самого Байзуллаева, это его боль:

*Башланады желни жилиауу,
Гюрхожан агъачны ичинде,
Тюшюнде жилигъанча сабий...*

Начинается плач ветра,
Словно в Гюрхожанском лесу
Плачет во сне ребенок...

И далее:

*Сагъышлыды желни жилиауу,
Сагъышыла ачлыкъ, ёксюзлюк,
Сууугъан тыпырла, кёчгюнлюк.*

*Башланады желни жилияуу,
Башланады халкъны жилияуу,
Башланады сабий жилияуум.*

Печален плач ветра,
Как печальны сиротство и голод,
И остывшие очаги, и изгнание.
Начинается плач ветра –
Начинается плач народа,
Начинается плач моего детства.

Али Байзуллаев посмел быть свободным, и это было прекрасно; но справедливости ради следует сказать, его свобода иногда напоминала волю и даже разгул. Поэтому в его стихах часто встречались (иначе, вероятно, и быть не могло для поэта, ненавидящего всякие правила, рамки и запреты) и прегрешения и против норм языка, снижающие впечатление от прочитанного. Например, в только что цитированном стихотворении вместо слова *мудах* «грустный, унылый», поэт употребляет несуществующее в языке *мудахлы*; с помощью аффикса *-лы* от имен существительных образуются имена прилагательные, например, *таш* (камень) – *ташлы* (каменистый); слово *мудах* само является прилагательным. Но в целом это не повлияло на общую оценку книги, благодаря которой Али Байзуллаев в глазах многих ценителей поэзии (но не официальной критики) сразу же занял свое, только ему принадлежащее место, как поэт самобытный, по призванию, но никак не ученик, подмастерье; в первой же книге определились и его основные темы, которым он остался верен на протяжении многих лет – Родина и чужбина, мир и война, жизнь и смерть, судьба человека и судьба народа, личность и среда. Большое место в творчестве Байзуллаева занимает и любовная лирика; есть у него стихи о поэзии и судьбе поэта, но их немного.

Чаще всего произведения Байзуллаева – это монологи, обращенные к любимой, к другу, к недругу, к матери, просто к читателю, т. е. в подавляющем большинстве это прямая речь (в полном смысле этого слова). Поэт всегда видит перед собой адресата, даже если и не упоминает его. Это, и очень ярко, выпукло проявилось во второй его книге – «*Узакъ аулакъ*» («Далекое поле»), вышедшей в 1973 году и состоящей из 100 стихотворений. Если в сборнике «Скалы» обращали на себя внимание читателя индивидуальные, резко и прихотливо меняющиеся интонации, преобладание эмоционального начала, то в «Далеком поле» совершается полный отход и от привычной ритмики и канонов стихосложения. Байзуллаев создает новую форму, состоящую, подобно сонету, из 14 строк, но напоминающую прямоугольный треугольник основанием вверх. Видеть в этом нечто эпатазирующее нельзя при всем желании – настолько органично, естественно уложилась в эти «треугольники», пройдя через

сознание поэта, стихия карачаево-балкарской речи. Его мироощущение нашло свое выражение, и содержание этих стихов стало неотделимо от необычной формы (иная даже непредставима).

Скорее всего, можно усмотреть здесь не результат формальных поисков Байзуллаева (которым он не чужд), но шаг к дисциплине стиха, стремление обуздать поток и напор эмоций, образов, мыслей; 14 строк – как 14 ступеней: взгляд поэта движется с широкой площадки первой строки к одному-двум словам строки последней, двигаясь в себя, в свою глубину, к итогу, иногда вытекающему из всего предыдущего, но часто и к неожиданному выводу, прерывающему плавное течение слов, когда самое важное прорывается как бы внезапно не только для читателя, но и для самого автора, объясняя или даже отменяя все остальное, что было только порывом, приближением к этому неожиданному осознанию. Вот первый из сонетов:

*Башха жашаууму эсге алама мен мында:
Кёгю – жууукъ, жери – бийик жашаууму анда,
Жулдузлары, бишген алмалагъа ушай,
Жарыйдыла кёкде, эллериме къарай.
Къаялары, булут башлыкъ къысып,
Турадыла деменгили, къысыр.
Анда – жауун этген чарсда –
Элле бурунгулу халда.
Сюеме мен аны! –
Жаныды дуняны
Мени жерим.
Сабийлигим –
Узакъ
Аулакъ.*

Другую жизнь свою я вспоминаю здесь:
Там небо моей жизни близко, а земля – высока,
Ее звезды, подобные спелым яблокам,
Светят в небе, взирая на мои аулы.
Ее скалы, повязав башлыки облаков,
Стоят могучи, монолитны.
Там – в дымке, сеющей дождем.
Мои селенья в прежнем виде.
Влюблен я в нее! –
Моя земля –
Душа мира.
Мое детство –
Далекое поле.

Постоянный, возникающий то в одном, то в другом стихотворении, и пока еще призрачный образ далекого поля есть не только образ детства (это – в первую очередь), прерванного черной полосой выселения и жизни на чужбине; он возникает перед взором поэта и тогда, когда он говорит о неразделенной любви, и при взгляде на покинутый и больше не возродившийся аул, и при мыслях о причинах вражды и непонимания, недоверия людей друг к другу. Оно, это короткое словосочетание, каждый раз вспыхивает в нем, как заклинание, спасающее от отчаяния, от мучительных вопросов, на которые нет ответа:

*Жазыклагъа кимде да бар
Акъыл юйретиучю хапар.
Ийнанмасанг манга,
Не айтайым санга?
Оноу да жокъ,
Отоу да жокъ.
Узакъ
Аулакъ.*

Для несчастных у любого наготове
Поучительный рассказ.
Если ты мне неверишь,
Что я скажу тебе?
Нет ни совета,
Ни жилья.
Далекое
Поле.

Далекое поле – это образ не только чего-то ушедшего, может быть, безвозвратно, прекрасного, как почти забытый добрый сон, но и образ прошлого родины – и ее будущего, и одиночества, и мечты, и надежды, чей лик неясно светит в мареве отчаяния, образ счастья и свободы, живущий в душе поэта, которому доступна только одна свобода – быть искренним перед собой и перед читателем. Скажем больше – это пока еще смутный образ Родины, из материнских объятий которой поэта вырвали в самом начале его жизни:

*Мен бюгюн: «Насыплыма!» – деп
Айтмам кимге да, эсеппен.
Фикир эркинлигим
Таза суймеклигим
Болду жерде.
Жюрегимде –
Узакъ
Аулакъ.*

Я ныне, поразмыслив, никому
Не скажу: «Я счастлив!»
Свобода мысли стала
Моею истинной любовью
На земле.
В сердце моем –
Далекое
Поле.

Так, с самого начала своего творчества, сам не ведая того, Али Байзуллаев вступает на путь поиска отнятой у него, униженной и оскорбленной Родины – и начинает он этот поиск с небес (как шаман в ритуале камлания пускался верхом на своем невидимом коне в иные миры на поиски души больного человека, украденной злыми духами). Стихи Али Байзуллаева тех лет совершенно чужды всему повседневному, приземленному, в них нет ни любви, ни интереса к мелочам, деталям, к взаимоотношениям людей на уровне быта, к психологическим нюансам. Это взгляд поверх прозы жизни, которая тяготит, от которой уйти нельзя, но можно постараться не замечать ее, забыть о ней, быть выше; прозы жизни, кажущейся чем-то временным, изменчивым, в чем, как в лабиринте, можно блуждать без конца и так и не найти выхода (название одного из циклов «треугольных сонетов» – «Туман заман» (Туманное время)). Но поэт чувствует, что пустившись на поиск в надмирных высях, он обречен на бесплодное блуждание среди абстракций. Кто или что может помочь? Жизнь? Но как расслышать ее голос? Не верит поэт и в спасительность благоприобретенного и даже опыта:

*Мен кѐп жылны окъуйма дуняда:
Таулу элде, орус шахарлада.
Газет, китап, илму, басма,
Сизни бла терсине басмам.
Жашауду юйретген,
Кече жолда элтген.
Аны билсенг,
Болурса сен
Базыкъ
Къязыкъ.*

Много лет учусь я в этом мире –
В балкарском селе и в русских городах.
Газеты, книги, наука, издания,
С вами я не оступлюсь.
Жизнь – вот кто учит,
Кто указывает путь в ночи.

Если ты это уразумеешь,
То станешь
Толстой
Дубиной.

«Пойди туда – незнамо куда, принеси то – незнамо что...». Призвание велит поэту быть в поиске, но не говорит – что нужно искать и куда идти; все это он должен понять сам и сам обязан постичь свою задачу. Что же истинно, что не обманывает человека в многоликом и сложно устроенном мире, где его могут предать друзья, любимая (или он сам их может предать), где не дают надежных ориентиров ни учение, ни великие книги, ни собственный опыт, бесполезный в ежеминутно меняющейся жизни? Поэт никого не вопрошает и ни от кого не ждет ответа – он, не заботясь о «правилах приличия», только откликается на вопросы, возникающие перед ним. Что это за мир, в котором даже солнце равнодушно дарит свет и тепло высокому, и низкому, живому и мертвому?

*Кюлгенме бош кюнню хурметине,
Аны эски, осал адетине:
Кимге да – бирча жарыгъы,
Жылылыгъы, тазалагъы.
Назмучугъа да – ол!
Тонгузчугъа да – ол!
Ана сютюнг
Болсун тютюн,
Тели
Али!*

И посмеялся я над пустым благоволеньем солнца.
Над его древним и дрянным обыкновеньем:
Для всех в одной и той же мере –
Его тепло, и свет, и чистота.
Оно и для стихотворца!
И для свинопаса!
Молоко матери (в тебе)
Да станет дымом,
Глупец
Али!

Лирический герой книги Байзуллаева – одинокий путник, бездомный и бесприютный. В тумане времени он ищет приметы желанного образа Родины (чтобы найти и себя), шагая по дороге, ведущей, как ему хотелось бы верить, к далекому полю – «а оно и позади, и впереди». Родина, судьба, народ, правда, сам путь, как веление судьбы, вера в нее, любовь к высокой

земле и к высокому небу – вопреки одиночеству, отчаянию, усталости. Основной пафос этой книги поэта – напряженное самопостижение, но не в смысле выстроенных в логическую цепь размышлений, сводящихся к отточенным выводам. «Далекое поле» – книга, в которой отчетливо слышен шум битвы: это дух поэта сражается с грозно обступающими его вопросами, как шаман со злыми бесами, борется, изнемогает, иногда падает, но поднимается вновь и вновь, пусть и со стоном, готовый к продолжению сражения. Душа его изранена, но не сломлена.

Каждое стихотворение – короткий, эмоционально насыщенный комментарий к поединку, или сам поединок; он может закончиться победой, но может обернуться и тяжким поражением. Это книга одинокого воина (в одном из сонетов поэт неслучайно именуется волком, противостоящим своре волкодавов). Свой путь в себя, путь Орфея за Эвридикой-Балкарией, лирический герой Байзуллаева проходит до конца, и последний сонет – как взгляд на пройденное, с высоты, когда определенные выводы неизбежны («то я умен, то глуп», «нет на земле никого прекраснее меня, но и безобразней тоже нет»). И заключение:

*Дуня тирмени
Болгъанма мен:
Ишим –
Кесим.*

Мельницей мира
Стал я:
Мой труд –
Я сам.

Постижение и творение себя – вот что оказалось еще одним смыслом той битвы-поиска лирического героя Байзуллаева, бессознательно пробивавшегося к тому светлому и великому образу, который в нем пытались, но не смогли убить. И произошло преображение: обретение себя и своей цели прокламируется в заключительном стихотворении, в котором поэт обращается к себе, к миру, к поэзии, именуя себя уже не волком, а охотником, принимая радость и беду, принимая мир во всей его сложности. Прежнее оказалось исчерпанным до дна; прежний мир, созданный воображением поэта, с его постоянными образами скал, гор, вершин, снега, ветра, звезд, снов, космоса, времени, пути, судьбы, поэзии, смерти, ночи, с его лирическим героем – неприкаянным путником, который сражается с вечными вопросами, как сказочный герой с химерами, должен был, в конце концов, обнаружить перед автором свою неполноту, несовершенство по сравнению с миром земным и реальным, приоритет действительности перед миром воображаемым, пусть ярким, но холодным и пустым (поэт неслучайно говорит о раздвоенности своего сознания в последнем сонете сборника).

Спуск с горних высот и оказался финалом битвы за обретение образа родины, которая нашлась не в небесах, а на земле и в сердце поэта: душа должна была обрести ее, слившись с душой народа и природы. Это стало и приятием реальной, «низкой» действительности, новым взглядом на нее, более трезвым, точным.

Но ситуация грозила и творческим кризисом, поскольку поэтическое освоение плотной, грубой действительности представляло собой задачу куда более трудную, чем битвы с химерами в разреженном воздухе воображаемого мира, в котором поэт, несмотря ни на что, все-таки ощущал себя мощным воином, усмиряющим бунтующее подсознание, и где в любой момент можно было прекратить жаркую схватку, где лирический герой имел перед своими противниками то же самое преимущество, что и Дон-Кихот перед ветряной мельницей, – они были косными, неподвижными; теперь этого преимущества не было.

В 1979 году выходит сборник «*Жулдуз сюрюуле*» («Звездные стада»), через шесть лет – еще один, «*Жанган жундузла*» («Пылающие звезды»), в 1989 году – «*Жангыз терек*» («Одинокое дерево»). Это был уже другой Байзуллаев – зрелый, более терпимо и спокойно относящийся и к себе, и к другим, пристально всматривающийся в жизнь. И свой диалог с нею он уже ведет без гнева и раздражения, без категорического требования к ней соответствовать представлениям автора; обжигающий холод надмирных высот уступает место теплу и обаянию человеческих чувств:

*Унутмам Журтуму тарларын,
Тарлада кыйынылы эллерин да;
Унутмам анамы кьолларын,
Жашына жарсыгъан кёзлерин да.*

Не забуду теснин моей Родины,
И ее многострадальных селений в теснинах;
Не забуду руки матери,
И глаза ее, полные тревоги за сына.

Появляется в произведениях Байзуллаева и юмор (венки сонетов «Человек», легко, раскованно написанная маленькая поэма «Звезды в ночи», напоминающая «Графа Нулина» А. С. Пушкина, и др.). Мысли о времени, о судьбе народа и его культуры не декларируются – они конкретны, осязаемы («Монолог», «Лебединая песнь жизни или трещина разума», «Терпение» и другие стихи).

Александр Блок, в статье «О назначении поэта», видя это назначение в привнесении гармонии в мир и считая, что нет таких средств, которые могли бы помешать поэту в выполнении его задачи, все же добавлял: «Но, может быть, такие средства уже изыскиваются?» Спустя полвека

Али Байзуллаев написал замечательное стихотворение, в котором нечаянно ответил на вопрос великого поэта:

*Сыйыргъан эдиле акъ таулары,
Жырладыкъ кёчгюнлюк туманда да;
Жашауну сыйыргъан заманда да,
Сыйыралмадыла жырлары!*

*Тынгылайма санга да, манга да,
Жокъду жыр бу таулу элдеде...
Жырлары сыйыргъан амалгъа да
Юйренгендиле бу ёмюрде.*

Отняли у нас белые горы –
Но пели мы и в тумане изгнания;
Тогда у нас отнимали жизнь,
Но песен отнять не смогли!

Ныне вслушиваюсь, но ни для тебя, ни для меня
Нет (больше) песен в балкарских селеньях...
В этом веке уже научились
Даже способу отнимать песни.

В тот же период Али Байзуллаев много работал над переводами стихов Пушкина, Есенина, Гарсиа Лорки, Андрея Вознесенского.

К концу 80-х годов Али Байзуллаев, по-прежнему словно бы не замечаемый критиками и литературоведами, тем не менее, бесспорно, занимал в балкарской литературе свое, только ему принадлежащее место, как один из самых оригинальных поэтов, автор стихотворений, достойных украсить любую антологию. Но поэт делает еще один шаг, вроде бы неожиданный. В 1992 году выходит сборник стихов, написанных им на русском языке – «Ворованный воздух». Появление этого сборника было предопределено судьбой автора, который на протяжении многих лет активно и творчески осваивал опыт русской поэзии. Стихи, вошедшие в этот сборник, вовсе не являются неким остатком, строительным материалом, который до поры до времени не был востребован. В поэте жила стихия и другой речи, и часть его души искала воплощения именно на этом языке. Отсюда, несмотря на ясно уловимое влияние лексики, стиля и ритмики, иногда и интонаций русских поэтов (то Пушкина, то Есенина, то Вознесенского) – причем часто и странно сочетающихся в одном и том же стихотворении – та свобода самовыражения, которой веет со страниц книги.

Ни на каком другом языке, кроме русского, стихи из сборника «Ворованный воздух» написаны быть не могли. Настолько они органичны для поэта, настолько в них ощущается полнота реализации творческого

чувства, когда соседство высокой лексики с жаргоном, а научного термина с архаизмом ничуть не снижает впечатление, производимое этими стихами. Более того, поэзия Али Байзуллаева сохранила, обратившись к читателю на русском языке, те же черты, что были присущи его произведениям на родном; он не превращается в русского, или, скажем, в «русскоязычного» поэта, т. е. нет впечатления, что он пишет только на этом языке. Что-то неуловимое в интонации, не говоря уже о лексических или стилевых особенностях, выдает его инопроисхождение (за редким исключением). Иногда его стихи ироничны, иногда и сентиментальны, но всегда – без недомолвок, умолчаний, без подтекста. Смелость, открытость – основные качества поэзии Байзуллаева – сохраняются и в этом сборнике; способность к иронии и самоиронии не убивает в нем способности к высокой речи, а искренность не позволяет видеть в его стихах нечто выспренное:

Но ты, звезда возвышенной мечты,
Бросай лучи в поля больной надежды,
И указуй во мраке мне, как прежде,
Тернистый путь добра и красоты,
Чтоб не багрила стыдной кровью совесть
Твои страницы, жизненная повесть!

При этом, конечно же, совершенно очевидно, что сборник не является вершинным достижением Байзуллаева, что лучшими его творениями продолжают оставаться стихи, написанные на родном языке. В эти же годы вышло (к сожалению, очень маленьким тиражом) его исследование шедевра древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве», удачно объясняющее несколько «темных мест» памятника.

Поэт-лирик, поэт-романтик, вслед за Кязимом и Кайсыном многое сделавший для расширения горизонтов для балкарской поэзии, Али Байзуллаев дал себе, в одном из стихотворений, очень точную характеристику:

*Бирде болгъанма токъ, бирде уа тоймай
Тургъанма да, болуп жюрек кючюм,
«Ачлыкъ уят къоймаз», – дегенча болмай,
Бир сёз да жазмадым ахча ючюн.*

Порой бывал я сыт, порой недоедал,
Так жил я, но, имея в сердце силу, –
Не по пословице «Голод лишает стыда», –
Ради денег не написал ни единого слова.

*Мухамед КАРДАНОВ,
член Союза журналистов РФ
с. Исламей Баксанского района*

НА ЗЕМЛЕ ХОЗЯИН

Очерк

Во время службы в Белоруссии я видел огромное кладбище. Бесконечное поле и кресты до самого горизонта. Ничего вокруг – только кресты, серые, одинаковые, постаревшие за долгие годы. Единственное, что осталось на земле от сотен тысяч людей, убитых здесь в годы войны.

На кладбище всегда тихо и пусто. Но иногда, это бывает здесь в установленные дни, откуда-то издалека, с конца поля, раздается отчаянный крик: «А-а-а-а!» Это несколько мгновений воеет труба.

Не мог не вспомнить я этого кладбища, когда бродил по Нальчику. Между тем далеким городом с одиноким криком трубы и этим нашим – светлым и шумным – так много общего. Нальчик тоже пережил страшные годы. И сегодня здесь помнят советских солдат, павших в боях за город, помнят ужас безжалостных бомбардировок.

Часто подолгу стоял я у памятника-мемориала. Я понимаю, может быть, это немножко странно, но мне часто хотелось подойти к какому-нибудь, ну хотя бы вот к тому, в старой гимнастерке, или нет, к другому, с орденской планкой, подойти, взять за локоть, постоять и потом сказать: «Спасибо». Он и сам понял бы, за что.

Так случилось однажды. Как-то товарищ предложил навестить его друга-фронтовика. Вечером мы поехали на ферму колхоза «Красная Кабарда» Баксанского района, что около бурной реки Баксан. Когда доехали, было почти темно, только река поблескивала редкими искорками.

Здесь нас приветливо встретил Хасин Ахомготов. Огромный с богатырской фигурой, он, как глыба, вышел из темноты. Несмотря на, казалось бы, грозный вид, он оказался добродушным человеком. Ему и сказал я это самое «спасибо!».

Ахомготов в колхозе «Красная Кабарда» работает десятки лет. Начинал пастухом на ферме у отца, теперь стал мастером-животноводом. В тот день, когда фашисты подошли к Нальчику, он ушел в ополчение. Потом с регулярными частями воевал под Севастополем и Керчью.

...Командующий армией подписал ходатайства о награждении орденами и медалями отличившихся в последних боях, вдруг задержал руку: «Ахамготов Хасин Талибович. Что за джигит так здорово воюет у нас в армии? – спросил он полковника, принесшего бумаги на подпись. – К Славе первой степени? Ого! Будет, значит, полным кавалером ордена. Герой, настоящий герой! Кажется, во всей армии всего десяток

солдат с тремя орденами Славы? Поднял батальон в атаку, что решило исход боя, – вот это я понимаю. Надо посмотреть на этого парня-кавказца...»

И приказал вызвать его с передовой в штаб армии.

– Ваш личный счет – семьдесят? – с уважением спросил командующий. Да, он уничтожил семьдесят фашистов из своей трехлинейной винтовки. Был ли он серьезно ранен? Нет, ни разу.

Беседа командующего с Хасином Ахомготовым продолжалась недолго. Много вопросов генерал не задавал, а солдат скупился на слова по обычной своей сдержанности, щадя время командующего. На прощанье генерал велел подобрать лучшую снайперскую винтовку с оптическим прицелом и сделать на ней надпись: «Старшему сержанту Ахомготову от командующего».

Хасин Ахомготов

Семнадцатилетним парнишкой-добровольцем Ахомготов ушел на войну. Попав в часть, Хасин попросил у командования позволить ходить ему со снайперами на передовую (несмотря на молодость, он был хорошо подготовлен и метко стрелял). С каждым боем счет уничтоженных им гитлеровцев рос, и все постепенно привыкли к мысли о его неуязвимости. Но однажды немецкий снайпер заметил Ахамготова на секунду раньше, чем он его. Пуля пробила пилотку, опалила волосы. «Плохо замаскировался», – вынес для себя урок Хасин и в дальнейшем действовал хитрее.

Окрыленный первыми успехами враг двигался все дальше и дальше с желанием превратить Крымский полуостров в неприступную крепость. Советские воины перешли пролив и начали продвигаться к Севастополю. Но с Сапун-горы немцы мешали продвигаться. Во что бы то ни стало надо было захватить гору. Ахомготов находился среди тех, кому была поручена эта трудная задача.

Перед рассветом наступила гробовая тишина. Воздух немного поспежел, и воинам дышалось легче. Хасин на минутку замер, пристально всматриваясь в даль и прислушиваясь. Неожиданно заговорила одна огневая точка. Он озадаченно приготовил снайперскую винтовку. «Тебе я доверяю, джигит, – обратился командир к Ахомготову, отправляя на задание. – Но зря не рискуй», – и пожал руку солдату. Хасин ползком отправился в противоположную сторону и скоро очутился в тылу про-

тивника. Он прицелился и плавно нажал на курок – вражеский пулемет затих. Подавил и вторую огневую точку. В это время показались груженные автомашины, которые направлялись в крепость. Ахомготов издалека начал расстреливать фашистов, сидевших в машине. Потом вместе со всеми ринулся в атаку. Крику «ура-а-а» эхом отозвались старые горы. И вдруг удар по голове. Хасин роняет винтовку и теряет сознание. Очнувшись, он сжался от нестерпимой боли в голове, с трудом поднялся...

Затем Ахомготов вернулся в свой полк и героически сражался за освобождение Севастополя и Керчи. За смелость и мужество, проявленные при освобождении этих городов, Ахомготов награжден орденами Славы II и III степеней и несколькими медалями.

Как только закончилась война, он вернулся в родные места и стал восстанавливать родной колхоз, сохраняя и увеличивая колхозное богатство. Молодому человеку, бывшему снайперу, доверили двухтысячную овцеводческую ферму.

Случилось это ночью. Лил дождь, сменившийся градом. Хасин собрал своих овец и погнал в укрытие. Неожиданно в глубине пещеры раздалось свирепое рычание. Чабан вздрогнул: «Неужели опять рысь?». Собака устремилась в ту сторону, откуда послышалось рычание. Хасин схватил ружье и побежал вслед за ней. В темноте горели две пары глаз. Собака бросилась на одного зверя, другая рысь кинулась на чабана. Прогремел выстрел – и хищник упал.

Десятки умелых чабанов воспитал он, многие из них стали известными в республике. Ферма ежегодно выполняла план, получала от ста овцематок 120 ягнят. За преданность и верность избранному делу Хасин Ахомготов был награжден орденом «Знак почета» и орденом Октябрьской революции.

Небольшой домик Ахомготовых весь утопает в зелени. Ветки с яблоками и грушами свисают прямо на улицу, их может рвать, кто захочет. Когда кто-нибудь укоряет хозяев за «непорядок», они смеются: «Все равно всего не оборвут, да и зачем нам так много?».

Первое, на чем останавливается глаз в его в его доме, – большой книжный шкаф. Судя по затертым корешкам книг, он здесь очень нужен. Сам хозяин больше всего любит роман Фурманова «Чапаев». С застенчивой гордостью показывает многочисленные письма от командования, в которых благодарят его за то, что воспитал хорошего сына. Парень сейчас демобилизовался, работает в колхозе, собирается поступать в институт.

...Мы сидим у костра. Дым ест глаза, приходится пересаживаться. Не знаю, может быть, к долгим разговорам располагает костер, может быть, у старших, много повидавших на своем веку, просто есть какая-то потребность поговорить с молодежью, но проходит час, два, а разговор не ослабевает. Перескакивая с одной темы на другую, все время вертится

вокруг одного: кто идет на смену им, старшему поколению, тем, кто вынес на своих плечах страшный груз войны и ее последствий.

– Поневоле начинаешь задумываться, – говорит Хасин, – откуда сейчас такая жажда до книг? Молодежь вся бросилась учиться – читают, думают, роются в книгах, и с каждым годом таких все больше. Они за собой тянут других, и сейчас в колхозе, в кого ни ткни из молодых, можно почти наверняка сказать, что он где-то учится. Почему? Может быть, в зарплате они от этого выгадают. Нет. У нас дояр или доярка, полеводы часто зарабатывают больше любого специалиста. Видно, просто ребята хотят быть умнее, больше знать, боятся отстать от жизни. Примерно половина народу в колхозе учится, – продолжал Хасин. – Если так пойдет и дальше, чем колхозник будет отличаться от специалиста? Через несколько лет у нас все работники будут со средним образованием. Уже сейчас дояры и доярки – кто техникум окончил, кто институт. Пожалуй, один я остался с начальным. Сейчас бы сел за парту, даром, что почти дед...

Костер по-прежнему потрескивал, я все время подбрасывал туда сучья. Уходить совсем не хотелось. Слушаю своего собеседника.

– Много вокруг людей и все разные. Один с огоньком, задором, не представляет жизни без дела. Другой шумный с виду, а на деле – пустой болтун. Третий, что ледышка, не дышит, не греет, и для чего живет, не знает. А то есть еще любители за чужой счет поживиться, одним словом, паразиты. Ясно, настоящие люди те, которые украшают землю своими делами, люди радостные, светлые умом и сердцем, люди трудовые, от них и след в жизни останется. Иногда говорят, что молодежь иждивенчески настроена сейчас послабее, она, дескать, не знала войны, нет у нее настоящей закалки, тычут на лоботрясов, маменькиных сынков. Есть у нас в колхозе, конечно, такие, но это «накипь». Если по-настоящему поработать, думают правильно и товарища не подведут. Мне нравится сегодняшняя молодежь, у нее горячности, знаний, инициативы, смелости хоть отбавляй. Это все хорошо. Только мы, кто постарше, очень нужны рядом.

Совсем рассвело, заголосили птицы. Хасин спросил: «Слушай, зачем люди ездят отдыхать куда-то далеко? Разве там лучше, чем здесь? – Он помолчал немного и вдруг вспомнил: – Между прочим, здесь, на этом самом месте, когда-то сидел отличный парень из Азербайджана – Камиль Зульфугаров. Хороший был парень. Погиб, когда наше село обороняли от немцев...»

Я опять вспомнил то самое кладбище, потому что Хасин заговорил о войне. Они, Хасин и Камиль, миллионы других солдат воевали за самое большое и самое важное, что есть в жизни. Они воевали и за эту ферму, за землю, на которой она стоит, и откуда не хотелось уходить...

КОГДА ОТЧИЗНА ПОЗВАЛА

Очерк

Магомед Залиханов

В прошлом году ветерану Великой Отечественной войны Магомеду Залиханову исполнилось бы 100 лет. Юношей он поступил на учительские курсы в г. Пятигорске. По окончании был на комсомольской работе, возглавлял Эльбрусский райком ВЛКСМ. А в 1938 году его призвали в ряды Красной Армии, в танковую часть. Исполнилась давняя мечта молодого горца: водить стальную чудо-машину. В 1939 году отличник боевой и политической подготовки Залиханов был направлен на финский фронт. В одном экипаже с ним был его тезка и земляк Агмурзаев из с. Кенделен. Друзья не дрогнули перед врагом, хладнокровие и смелость горцев вдохновляли сражавшихся рядом бойцов. Об их подвигах на

финском фронте рассказал журнал «Большевик»: «Недавно друзья участвовали в бою, враг взорвал мост и вел огонь из ближайшей огневой точки. Командир части приказал уничтожить огневую точку противника, на выполнение задачи пошел танк товарищей Агмурзаева и Залиханова. Боевая задача была выполнена блестяще: огневая точка противника была уничтожена, наша пехота получила возможность продвинуться вперед...» За мужество и героизм Указом Президента ВС СССР от 8 июля 1940 года М. Залиханов и М. Агмурзаев были награждены орденами Красной Звезды, тогда же им предоставили краткосрочный отпуск.

В родных сёлах орденосцев встретили с почестями. На торжественный митинг в Верхнем Баксане увидеться с Залихановым пришли, практически все жители – уважение кавказцев к воинскому мастерству традиционно. Кстати, пример односельчанина воодушевил юношей высокогорного аула и определил судьбу некоторых из них. Во всяком случае, одного: после окончания средней школы Мусса Жаппуев поступил в танковое училище. Он закончил его уже во время войны – в 1942-м, а

летом 43 года на Курской дуге проявил отвагу и мужество в грандиозном танковом сражении и был представлен к высокой награде.

О нападении фашистской Германии на Советский Союз Залиханов услышал в Калуге, где стоял танковый полк, в котором он служил. Сюда, в калужские летние лагеря, танкисты прибыли в первые дни июня сорок первого года. Третьего июля в районе Смоленска танковый полк оказался в самом пекле кровопролитного сражения. Первый бой с фашистскими бронированными полчищами полк принял под Сенно. Магомед был ранен. После излечения снова вернулся в строй. Вскоре он, в числе ещё нескольких человек, служивших в 18 танковой дивизии и имевших боевой опыт, получил особое задание. Красная Армия отступала, дивизия выполняла дальний переход, ей требовалось арьергардное прикрытие. По приказу командира 36 полка несколько экипажей остались на стратегически важном шоссе, окопав свои танки и превратив их в доты.

Позиция удерживалась 40 часов. Много это или мало? Военные историки знают: для первого полугодия войны такой срок обороны от превосходящих сил Вермахта без поддержки если не уникален, то весьма редок, это настоящий подвиг. Очевидцы утверждали, что за сорок часов непрерывного боя наши танкисты превратили шоссе в натуральное кладбище для гитлеровских соединений. Более того, Магомеду Залиханову и его экипажу посчастливилось выжить, хотя сама поставленная задача этого изначально не предполагала. Изменение планов советского командования спасло жизни нескольких экипажей – тактическое контрнаступление позволило им принять участие в атаке и вернуться к своим.

Через полгода после начала войны Магомед по праву считался одним из самых способных и опытных воинов – одним из тех немногих, кто доказал превосходство советской школы танкостроения и индивидуального мастерства наших воинов. Учитывая его навыки, командование посчитало нужным доверить ему редкий по тем временам тяжёлый танк – лучшую до середины 1942 года боевую машину.

Однако впереди еще было немало испытаний. Немецко-фашистские войска рвались к Москве. На штурм столицы Советского государства гитлеровцы бросили 77 дивизий, в том числе 22 танковые и моторизованные. В числе защитников Москвы был и отважный балкарец Магомед Залиханов. 7 ноября 1941 года он со своим танком участвовал в легендарном параде у Кремлевской стены и прямо с Красной площади его КВ отправился в бой с врагом у ворот Москвы. Первое же столкновение с фашистами, произошедшее на встречных курсах в условиях ограниченной видимости соснового леса, окончилось полным уничтожением немецкой автоколонны. Используя свой предыдущий опыт, экипаж «замкнул» колонну между подбитыми головной и замыкающей машинами,

и за полчаса раздавил и расстрелял десятки автомашин с припасами и личным составом.

Летом 42-го года советские войска держали оборону на всех фронтах, но генштаб разработал план по окружению 330-тысячной армии фельдмаршала Паулюса. Краснознаменный ордена Ленина и ордена Суворова первый гвардейский танковый корпус генерал-майора Родина форсировав Дон, перешел в наступление на врага. В составе разведывательного батальона, который первым ворвался в город Калач, находился и боевой офицер Магомед Залиханов.

Генерал Родин лично вручил Магомеду медаль «За отвагу» и в честь победы на Волге попросил станцевать лезгинку. «Вместе со мной пустился в пляс и сам генерал», – вспоминал Магомед.

Проиграв битву на берегах Волги, гитлеровское командование решило взять реванш на Курской дуге. В составе 50 дивизий, брошенных в район Орла и Белгорода, было 20 танковых и моторизованных. Но и это сражение завершилось победой Красной Армии.

Несмотря на появление новых и действительно очень эффективных в бою машин «Тигр», «Пантера» и «Фердинанд» советские танкисты и пехотинцы не дрогнули, проявили мужество и героизм, в их числе был и старший лейтенант Магомед Залиханов.

Преследуя отступающего врага, танковый гвардейский Донской корпус, в котором воевал Залиханов, освободил от фашистов Чернигов, Гомель, Бобруйск, Минск, Калининград. В июне 2013 года из Калининграда пришло письмо от учащихся школы № 47 – членов клуба «Книжная гостиная». Председатель правления Союза писателей Калининградской

области Виталий Шевцов, будучи приглашенным на очередное заседание клуба, показал ребятам списки советских воинов – участников штурма Кенигсберга. Школьники и их родители решили написать письма родственникам участников боев за город. В каждом конверте – письма-треугольники, подобные тем, которые фронтовики отправляли своим близким. В них слова: «Мы с благодарностью обращаемся к вам, уважаемые близкие отважного воина. От всех жителей Калининградской области поклонитесь могиле солдата. Его имя навечно вписано в книгу памяти героев-участников боев за Кенигсберг».

Среди 11 балкарцев, увековеченных в Калининграде, есть имя и Магомед Залиханов. Он был вновь ранен в боях, после излечения догнал свою часть. Прошел по улицам освобожденного Бреста, вступил на польскую землю, освобождал Гданьск, Млаву, Золдау, Плацк, Дробив, участвовал в штурме Бота, Бода, Доберана, Нойсбрука, Варина, Витенберга, Штрасбурга, Ноймбраденбурга, Трептова, Деммина, Штеттина. В последние месяцы войны Залиханов был представлен к польскому ордену «Крест заслуги». В наградном листе, подписанном гвардии генерал-лейтенантом танковых войск Пановым, говорилось: «Залиханов всегда находился в боевых порядках. Неизменно хладнокровный, организованный, он тщательно выполнял требования воинской присяги. Благодаря его бдительности в районе города Черск был задержан шпион, засланный в наш тыл гитлеровской разведкой».

Гвардии капитан Залиханов закончил войну в городе Росток, на берегу Балтийского моря, как и полагается, испив солёной морской воды за победу своей великой Родины, высоко оценившей ратный подвиг воина-балкарца – он был награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степеней, многими медалями.

В последние годы жизни Магомед работал в системе Кабардино-Балкарского совета по туризму. Многие сделал для превращения родной республики во всесоюзный центр туризма, альпинизма и горнолыжного спорта. Был частым гостем учащих школ и вузов. И неизменно всем желал: чистого неба, доброго здоровья, радости. То же самое он пожелал своему внуку Роману. В день своего 75-летия он написал: «Дорогой мой Ромик! Желаю тебе чистого неба, доброго здоровья, бодрого настроения, постоянной радости, счастья и отличных успехов во всех твоих делах. Будь достойным родного дедушки. Твой дед Магомед».

Магомед Залиханов ушел из жизни в 1992 году. Его помнят родные и близкие, люди которым он помог, имя его высечено на мемориале в родном селе. Благодаря таким людям в мае 45-го на небосклоне зажглась звезда победы, благодаря таким людям она светит и по сей день.

РОМАН КАВКАЗСКОГО ПЛЕННИКА

В Нальчике ограниченным тиражом вышла удивительная книга. Мой товарищ по старой, советской еще, редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда» Борис Таукенов выпустил роман «Смерть всегда рядом».

Выпускник факультета журналистики Ленинградского государственного университета, кандидат экономических наук Борис Таукенов в начале 90-х годов в силу ряда обстоятельств стал руководителем регионального филиала одного московского банка. Неожиданно банк стал уполномоченным финансовым органом по восстановлению экономики и социальной сферы Чечни.

В романе «Смерть всегда рядом» автор в беллетризованной форме фактически рассказывает о своих приключениях в ходе многократных поездок в Чечню для перевозки денежных средств пророссийским структурам. Уже был освобожден Грозный, боевики ушли в горы, но каждая поездка в зону боевых действий могла закончиться печально. Для автора она завершилась пленом и почти четырехмесячным пребыванием в зиндане.

«Многие из нас до первой чеченской войны понятия не имели, что такое зиндан. Любители истории, конечно, слышали о такой тюрьме в Средней Азии в период басмачества. Но кто мог предположить, что старинный восточный способ содержания невольников может вновь напомнить о себе в наше время, помеченное печатью цивилизации?» – пишет в предисловии к книге легенда российского спецназа, ветеран группы «Альфа» Евгений Расходчиков.

«Деточки, как вам повезло, что вы попали именно ко мне. Я вас никому в обиду не дам. Вам здесь будет хорошо», – скажет нашим пленникам добрая бабушка, хозяйка подвала-зиндана на очередном этапе их одиссеи, и от щедрости душевной кинет им для ночлега чистые мешки из-под картошки.

А более молодые будут более конкретными:

« – Сколько за тебя могут заплатить?»

– Миллиард. (Середина 90-х – все мы тогда были миллионерами. – И. Т.)

– Что такое миллиард? – возмутился он. – Двухсот тысяч долларов не наберется...

– Ну, два миллиарда...

Боевик расплылся в улыбке, – так легко ему удалось удвоить начальную сумму выкупа».

Сейчас темой похищения людей ради выкупа никого не удивишь. Она стала проходной у киносъемщиков отечественных сериалов (называть их

сценаристами или режиссерами язык не поворачивается). Однако все сцены киднеппинга и освобождения заложников в отечественном полицейском телемарафоне, как близнецы, похожи одна на другую и отличаются только степенью начи-

*Е. Расходчиков и Н. Иванов (крайние слева)
после освобождения писателя*

танности (или насмотренности?) записавшего их копирайтера. В отличие от телевизионного «криминального чтива» в романе «Смерть всегда рядом» действуют не экранные злодеи, а обычные горские юноши и молодые мужчины, у которых просто снесло крышу от безграничной свободы, дарованной после распада СССР национальным регионам в хмельном угаре нашим первым гарантом – уральским алкоголиком (помните его бессмертное: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»?).

«Непримиримый все это время злобно смотрел в мою сторону... увидев, что Долговязый углубился в свои печальные мысли, быстрыми шагами приблизился ко мне.

– Сколько дадут за твою голову?

У меня пересохло во рту, отчего с трудом удалось выдавить единственное слово.

– Нисколько.

– А мы сейчас проверим, – вымолвил он. Быстрым движением расстегнул кобуру, вытащил пистолет и приставил к моей голове. – Нисколько, говоришь?

Я ожидал выстрела». Выстрела не последовало, Долговязый не дал уничтожить соратнику живой товар.

Вот другая сцена при очередной перевозке пленных, чтобы запутать следы их местонахождения:

« – Ты не тем чеченцам помогал. Те, кто с федералами, – не чеченцы. Чеченцы здесь, в горах. Как-нибудь выберу время, покажу настоящую Че...

Боевик остановился на полуслове. Наступила короткая пауза. Вдруг что-то темное мелькнуло перед глазами. От неожиданности среагировал на то, что оказалось проверяющим жестом, и следом получил сильный

удар. Еще и еще. Почувствовал, как нос, рот наполнились густой стального вкуса влагой. Застонал от боли...

– Понял, за что? – спросил боевик.

– Да, – промычал я...»

Или такая вот «беседа»:

« – Вообще, если хочешь жить, вот тебе автомат, расстреляй русского полковника. Тогда мы тебя отпустим без денег.

Из глаз боевика посыпались дьявольские искры, которые больно обожгли сердце.

– Да ты чего? – выдавил из себя, с трудом разомкнув мгновенно ссохшиеся губы.

– Ладно, ладно, – смягчился боевик. – Бегом марш в волчок (в блиндаж-зиндан. – *И. Т.*)».

Боевики тоже мечтают о прекращении войны, наступлении мира, когда можно будет спокойно заниматься любимым делом, например, воровать автомобили в Кабардино-Балкарии и продавать их в Дагестане. Или отправиться в Афганистан, чтобы воевать за деньги. Впрочем, и среди них встречаются натуры, не чуждые искусству, литературе, музыке и кинематографу. Один из таких пытается приобщить рассказчика к идеалам гангстерского мира, демонстрируя ему по «видику» свой любимый фильм «Однажды в Америке». Другой, узнав, что товарищ банкира по несчастью является писателем, военным журналистом, просит у него разрешения почитать стихи. «И он стал декламировать «Евгения Онегина» огромными кусками. Затем перешел к стихам Хлебникова, Пастернака, Мандельштама, объявляя авторство. Его друзья заворуженно смотрели то на него, то на Максима (*полковника. – И. Т.*), дабы увидеть на лице последнего неподдельное восхищение». Потом стал читать стихи, как понимает рассказчик, собственного сочинения, но признаться в этом не захотел, или поосторожничал в окружении других боевиков. После своего «творческого вечера» боевик украдкой бросил пленным несколько пакетиков для приготовления сладкой шипучки. А через некоторое время «он даже не зашел, а ворвался в блиндаж с двумя боевиками и стал орать с такой злостью, что никак не вязалась с его интеллигентной натурой:

– Кто из вас знает чеченский? Кто из вас из спецслужб? Ты?! Ты, полковник?!».

Похоже, самое время рассказать, кто был этот русский полковник, которого наш банкир взялся подвезти из Грозного до Нальчика, и которого ему предлагали расстрелять, чтобы самому освободиться из плена, тот полковник, с которого началось пребывание банкира в зиндане, и с помощью которого оно же и завершилось. В романе его зовут Максимом Лобановым. В реальности это был начальник пресс-службы федеральной Налоговой полиции Николай Иванов, нынешний председатель Союза писателей России. Он был освобожден из плена в результате спецопе-

рации, проведенной сотрудниками Управления физической защиты Федеральной службы налоговой полиции. За проведение данной операции Евгений Расходчиков и его напарник Геннадий Нисифоров были награждены орденами Мужества, еще группа офицеров – медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. После своего освобождения Николай Иванов сделал все возможное, чтобы вскоре обрели свободу и его товарищи по несчастью – Борис Таукенов (в романе – Булат) и водитель Махмуд Битуев (в романе – Али).

«Могу предположить, что написанное в книге – художественный вымысел. Но очень похоже на правду. Иногда даже кажется, что речь в ней о моем сослуживце и тех, кто томился с ним в течение долгих месяцев в чеченском зиндане», – тонко отмечает в предисловии к роману «Смерть всегда рядом» многоопытный генерал Е. Расходчиков.

Роман Б. Таукенова не только повествование о приключениях гражданского лица, оказавшегося в жерновах между воюющими сторонами и пережившего все унижения и издевательства бандитов, но, прежде всего, это роман о людях, которые в нечеловеческих условиях смогли сохранить свои честь и достоинство, людях, которым не стыдно спустя годы смотреть друг другу в глаза. Это книга из разряда «Повести о настоящем человеке», «Как закалялась сталь», «Человек ли это?», но написанная без идеологических обертонов, подобно «Лесу богов» Балиса Сруоги. При хорошей редакторской правке и минимальной работе корректора (книга вышла в типографии, где нет подобных специалистов) роман Б. Таукенова «Смерть всегда рядом» может стать достойным пополнением современной российской «Библиотеки приключений».

В конце романа, когда герой уже оказывается дома, маленький сын говорит ему:

«– Папа, все во дворе только о тебе и говорят. Ты герой?»

– Нет.

– А кто?

– Просто нормальный человек».

Нормальный человек, которого долго еще преследовали кошмары пережитого в плену. «А здесь (в *Нальчике*. – *И. Т.*), когда лежал в больнице, и вечерами шел домой, оборачивался назад на проезжающие автомобили со страхом, а вдруг выстрелят из них в спину, или выскочат боевики и повезут меня в Чечню, чтобы опять посадить в яму», – пишет автор в эпилоге к роману.

Герои – это не те, кто ничего не боится, а те, кто умеют преодолевать страх и оставаться человеком в любой чрезвычайной ситуации. Борис Таукенов и его товарищи по плену доказали, что они относятся именно к такому человеческому типу.

III Региональный чемпионат «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia) Кабардино-Балкарская Республика – 2019»

Популярность движения WorldSkills в России растет, а воздействие на институты профессионального образования и национальной системы квалификаций усиливается, поскольку ее задача – пробудить энтузиазм молодежи в освоении рабочих профессий, мотивировать к конкуренции для повышения навыков и способностей. Благодаря международному сотрудничеству и развитию связей между производствами, правительствами, организациями и институтами, движение уверенно развивается, демонстрируя преимущества и необходимость в квалифицированных специалистах через проведение соревнований, организацию совместных проектов и обмена опытом. С 2012 года Союз «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)» является официальным представителем международного движения WorldSkills в России и охватывает все регионы страны. В 2019 году Россия выиграла право на проведение мирового первенства WorldSkills Competition в Казани, уже стартовала лицензионная программа по использованию товарного знака WorldSkills Russia при производстве товаров и предоставлении услуг. Региональные же чемпионаты «Молодые профессионалы» – самые массовые в России соревнования по стандартам «Worldskills» среди студентов профессиональных образовательных учреждений. Кабардино-Балкария участвует в движении уже третий год.

С 26 февраля по 2 марта 2019 года в Нальчике проходил III Региональный чемпионат «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia) Кабар-

дино-Балкарская Республика – 2019». В прошлом году во II Региональном этапе чемпионата приняли участие 80 человек из 25 образовательных учреждений, которые состязались в 15 компетенциях, а в финале национального чемпионата выступили семеро представителей Кабардино-Балкарии. С каждым годом республика внедряет новые профессии. В этом году в профессиональном мастерстве состязались 100 конкурсантов из 33 образовательных учреждений региона. Соревновательные мероприятия чемпионата осуществлялись по 18 наиболее востребованным и актуальным для региона компетенциям (профессиям) в трех возрастных категориях: основная возрастная группа (16–22 года) – 13 компетенций + 1 демонстрационная – «Национальный мужской костюм (черкеска)». В этом году участниками чемпионата стали как юниоры, молодые специалисты, так и опытные педагоги. Кабардино-Балкария впервые включила в число компетенций чемпионата «Молодые профессионалы» три юниор-компетенции (16 лет и моложе): «Мобильная робототехника», «Медицинский и социальный уход», «Преподавание в младших классах», и компетенцию «Навыки мудрых» (50+).

Соревнования проходили одновременно на пяти площадках: Региональный координационный центр WSR (Кабардино-Балкарский колледж «Строитель») – основная площадка чемпионата, Кабардино-Балкарский торгово-технологический колледж, Кабардино-Балкарский автомобильно-дорожный колледж, Педагогический колледж КБГУ им. Х. М. Бербекова и Кабардино-Балкарский Агропромышленный колледж им. Б. Г. Хамдובה (с. Старый Черек).

Организаторы чемпионата: правительство Кабардино-Балкарской Республики, министерство просвещения, науки и по делам молодёжи КБР, региональный координационный центр WSR в Кабардино-Балкарской Республике (колледж «Строитель») при поддержке «Агентства развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы» (Ворлдскиллс Россия), представителей органов исполнительной власти Кабардино-Балкарской Республики, представителей работодателей. Главная цель проекта: ***повышение престижа рабочих профессий, привлечение молодежи в производственные секторы экономики, совершенствование квалификационных стандартов по рабочим профессиям и специальностям профессионального образования с учетом российских и международных требований к профессиональным компетенциям.***

В чемпионате приняли участие 97 конкурсантов – обучающихся и выпускников профессиональных образовательных организаций высшего и среднего специального образования, молодые рабочие промышленных предприятий, добившиеся высоких результатов в трудовой деятельности в возрасте от 16 до 22 лет. В составе жюри чемпионата работали

156 экспертов, 243 волонтера, представители Союза WorldSkills Russia, оргкомитета, рабочей группы, организаций и предприятий КБР.

В рамках III Регионального чемпионата «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia) Кабардино-Балкарская Республика – 2019» была предусмотрена и Деловая программа. Одновременно с соревнованиями были проведены пресс-конференция для СМИ, круглые столы с участием правительства КБР, депутатов парламента КБР, оргкомитета, рабочей группы, представителей заинтересованных министерств и ведомств, работодателей, руководителей организаций и предприятий, образовательных учреждений республики, представителей системы образования республик Северного Кавказа, представителей Союза «Молодые профессионалы» («WorldSkills Russia»). Чемпионат – это не только соревнования по компетенциям, но и большое количество полезных мероприятий для студентов и школьников. В рамках профориентационной работы были проведены мастер-классы, семинары, выставки профмастерства по компетенциям, культурные и экскурсионные программы для гостей по конкурсным площадкам.

Первой (основной) площадкой проведения чемпионата являлась база Регионального координационного центра Движения «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) в Кабардино-Балкарской Республике – ГБПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель» (г. Нальчик, ул. 1-й Промышленный проезд). В соревнованиях основной возрастной категории конкурсанты демонстрировали свои практические навыки в 10 компетенциях (8 основных и 2 юниорских): «Облицовка плиткой», «Сухое строительство и штукатурные работы», «Сетевое и системное

администрирование», «Медицинский и социальный уход», «Медицинский и социальный уход» (юниоры), «Сварочные технологии», «Парикмахерское искусство», «Технологии моды», «Мобильная робототехника» (юниоры), «Национальный мужской костюм» (черкеска).

Колледж «Строитель» в очередной раз занял первое место в компетенции Wall and Floor Tiling (Облицовка плиткой). Мозаика «Москва-Сити» – конкурсное задание. Компетенция «Облицовка плиткой» представляет собой укладку керамической плитки, мозаики и натурального камня на стены, пол и лестницы в домах, а также включает в себя строительство фрагментов стен и ступеней из кирпича или блоков. Конкурсное задание разработано по навыкам: чтения чертежей, подготовки поверхностей, фиксации плитки и блоков, затирки швов.

Вторая площадка разместилась в ГБПОУ «Кабардино-Балкарский торгово-технологический колледж» (г. Нальчик, ул. Темрюка Идарова, 139а) – компетенции «Поварское дело»; «Выпечка осетинских пирогов».

Третья площадка расположилась на базе ГБПОУ «Кабардино-Балкарский автомобильно-дорожный колледж» (г. Нальчик, ул. Мальбахова, 4А) по компетенции «Ремонт и обслуживание легковых автомобилей».

Четвёртая площадка – ФГБОУ ВО «Педагогический колледж КБГУ им. Х. М. Бербекова» (КБР, Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173). Соревнования по 4 компетенциям: «Дошкольное воспитание», «Преподавание в младших классах», «Преподавание в младших классах» – юниоры». Профессиональное долголетие и конкурентоспособность продемонстрировали специалисты в возрастной категории 50+ («Навыки мудрых») по новой компетенции «Преподавание в младших классах».

На площадке прошёл семинар «Качественные изменения профессиональной подготовки студентов СГС в условиях современного рынка труда», в работе которого приняли участие директор педколледжа КБГУ Фатимат Ашабокова, проректор по довузовской подготовке и ДПО КБГУ Артур Кажаров, представители Карачаево-Черкесского педагогического колледжа, Северо-Осетинских педагогических учреждений, директора школ города Нальчика и другие. На семинаре были обсуждены важные вопросы внедрения стандартов WorldSkills в систему подготовки будущих педагогических кадров, формирования профессиональных компетенций студентов СПО посредством интерактивных занятий, внедрения со-

временных технологий в профессиональной подготовке, практического использования опыта победителей чемпионата профмастерства прошлых лет и его реализации в профессиональной деятельности.

Пятая площадка на базе ГКПОУ «Кабардино-Балкарский Агро-промышленный колледж им. Б. Г. Хамдохова» (КБР, Урванский р-н, с. Старый Черек, улица Куашева, 3. – По компетенции «Эксплуатация сельскохозяйственных машин».

Церемония открытия чемпионата прошла в Кабардино-Балкарском колледже «Строитель» 27.02. 2019 г.

«Год для этого движения в России очень знаменателен, у нас впервые пройдет чемпионат мира среди молодых профессионалов. Мы очень надеемся, что хотя бы один из наших ребят примет участие и покажет, что в Кабардино-Балкарии это движение развивается», – сказал на открытии министр просвещения, науки и по делам молодежи КБР Аусес Кумыков.

По словам заместителя председателя правительства КБР Нины Емузовой, в дальнейшем список компетенций планируется расширять. В рамках чемпионата будут работать не только конкурсные, но и деловые площадки, в которых примет участие более полутора тысяч молодых людей».

Председатель комитета парламента КБР по образованию, науке и молодежной политике Светлана Азикова: «Обладатели рабочих профессий сами обеспечивают свое будущее. Что может быть лучше того, когда ты сам своими руками можешь заработать себе на жизнь. Рабочие специальности были и будут востребованы во все времена».

Первый день чемпионата (основная площадка): **Пресс-конференция** для средств массовой информации с представителями Союза WorldSkills Russia, Оргкомитета, рабочей группы, организаций и предприятий КБР состоялась в конференц-зале в колледже «Строитель». Организатор: министерство просвещения, науки и по делам молодежи КБР. Участники: Кумыков А. М. – министр просвещения, науки и по делам молодежи КБР, Иванюк Л. А. – заместитель руководителя Управления регионального развития Союза «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы «Ворлдскиллс Россия», Асанов А. О. – министр труда и социальной защиты КБР, Кяров Э. Х. – заместитель министра промышленности КБР, Арипшев М. Х. – директор

ГБОУ «ДАТ «Солнечный город», Амшокова Ф. К. – председатель Рескома профсоюзов, и другие.

Открыла и вела пресс-конференцию Агирова С. Х. – начальник отдела профессионального образования министерства просвещения, науки и по делам молодежи КБР, модератор. Она выразила благодарность экспертам за активность и благожелательное отношение к участникам чемпионата. Далее подробно рассказала о сегментах и новых подходах нынешнего чемпионата, о расширении возможностей и рабочих площадках.

О профориентационной работе в рамках чемпионата рассказал Суншев З. Ш. – председатель РКЦ «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)» Кабардино-Балкарская Республика: «Профориентационная работа проводится через Молодёжный центр, кроме того, проводятся выставки профмастерства по разным направлениям, мастер-классы и другие полезные встречи. Родители и школьники приходят к нам за консультацией, выбирают компетенции. На наших мастер-классах они могут воочию увидеть оборудование, попробовать собрать то или иное изделие из заготовленных элементов. Наши же студенты отвечают на их вопросы. Сверстники быстрее устанавливают контакт. Мы стараемся максимально охватить все школы республики. После зачисления в колледж проводится опрос «Откуда вы узнали о профессии?». Разумеется, информацию можно получить и из интернета, но студентам больше запоминаются наши мастер-классы».

О профориентационной работе в рамках чемпионата рассказал Суншев З. Ш. – председатель РКЦ «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)» Кабардино-Балкарская Республика: «Профориентационная работа проводится через Молодёжный центр, кроме того, проводятся выставки профмастерства по разным направлениям, мастер-классы и другие полезные встречи. Родители и школьники приходят к нам за консультацией, выбирают компетенции. На наших мастер-классах они могут воочию увидеть оборудование, попробовать собрать то или иное изделие из заготовленных элементов. Наши же студенты отвечают на их вопросы. Сверстники быстрее устанавливают контакт. Мы стараемся максимально охватить все школы республики. После зачисления в колледж проводится опрос «Откуда вы узнали о профессии?». Разумеется, информацию можно получить и из интернета, но студентам больше запоминаются наши мастер-классы».

Хурсинов Аскер – представитель Молодёжного центра минпросвещения КБР – продолжил тему профориентации: «Осознанный выбор профессии – актуальный вопрос. Рынок труда меняется, технологии влияют на экономику страны. Молодёжь в основном выбирает престижные профессии, не задумываясь о том, будут они трудоустроены или нет. Рынок труда перенасыщен юристами и экономистами. На чемпионатах WorldSkills представлены рабочие профессии, которые будут востребованы в ближайшие 10–20 лет. Сюда можно прийти и наглядно увидеть будущую профессию. Работу надо продолжить, менять методологии, необходимо профдиагностирование молодежи».

Шонтукова И. В. – зам. министра просвещения КБР: «Движение Ворлдскиллс прижилось у нас и быстро развивается. Существенные сдвиги в профессиональном образовании нужно сделать системными. Приятно отметить изменение менталитета в том, что нужно рынку труда,

что нужно каждому для жизни и что предложить этому миру от себя лично. Одно удовольствие смотреть на молодых людей, которые во многом уже владеют профессией, готовы выдать продукт, полезный обществу».

На пресс-конференции присутствовали молодые профессионалы Карданов Амир – участник Национального чемпионата WorldSkills Russia-2018 (компетенция «Облицовка плиткой») и Каширгова Динара участница Национального чемпионата WorldSkills Russia-2018 (компетенция «Медицинский и социальный уход»). Они поделились своими впечатлениями от участия в Национальном чемпионате. К слову сказать, Амир – студент КБКС, смог достичь исключительных результатов на всех этапах: победитель регионального чемпионата, призёр отборочного тура и призёр Национального чемпионата. По результатам Национального чемпионата в прошлом году Каширговой Динаре была предложена работа в Сургуте с зарплатой 75 тыс. и служебная квартира.

Экспертно-методический совет III Регионального чемпионата «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia) КБР – 2019» подвел итоги чемпионата 2 марта. Победители регионального чемпионата представят Кабардино-Балкарскую Республику на федеральном конкурсе, в ходе которого будут названы лучшие профессионалы страны, они попробуют свои силы на мировом чемпионате. Финал VII Национального чемпионата «Молодые профессионалы» пройдет в мае 2019 года в Казани.

В Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х. М. Бербекова (учебный театр творческой мастерской А. Н. Сокурова) состоялась церемония закрытия III регионального чемпионата «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia)». Поздравить победителей и призеров про-

фсоревнований пришли врио Главы КБР Казбек Коков, главный федеральный инспектор по КБР Евгений Ткачев, депутат Государственной Думы Заур Геккиев, председатель парламента КБР Татьяна Егорова, члены правительства республики, общественные деятели, представители науки и культуры КБР.

Обращаясь к финалистам и победителям республиканского этапа конкурса, Казбек Коков сказал: «Президент России Владимир Путин в своём Послании Федеральному Собранию особо подчеркнул значимость движения «WorldSkills», необходимость использования опыта

его развития для повышения престижа рабочих профессий, подготовки специалистов, способных создавать новые прорывные технические решения, в том числе для модернизации среднего профессионального образования. Отрадно отметить, что это движение с каждым годом обретает всё большую популярность и в Кабардино-Балкарии. Талант, энергия, креативные способности нашей молодёжи являются одним из главных конкурентных преимуществ республики. Мы это понимаем, и будем всемерно развивать систему проектов и конкурсов личного роста. В частности, в рамках реализации национального проекта «Образование» будут созданы центр опережающей профессиональной подготовки, а также соответствующие стандартам «WorldSkills» и современным требованиям пятьдесят мастерских. Призываю молодёжь республики активно и смело использовать эти возможности, осуществлять свои мечты и планы, приносить пользу родной Кабардино-Балкарии и нашему Отечеству. Дальнейшее развитие, – сказал Казбек Коков, – получают и такие зарекомендовавшие себя проекты, как «Билет в будущее», «Мой первый бизнес», «Я – профессионал», «Лидеры России», «Новая высота», ряд других. – Слова особой благодарности руководитель региона адресовал организаторам, экспертам и тренерам чемпионата: – Достигнутые высокие показатели – во многом результат их заинтересованного напряжённого труда!».

Заместитель руководителя Управления регионального развития Союза «Молодые профессионалы» WorldSkills Russia Людмила Иванюк подчеркнула уникальность проекта «Эстафета флага мирового движения WorldSkills». Шествие флага по нашей стране началось 8 августа 2018 года в Южно-Сахалинске на Финале VI Национального чемпионата «Молодые профессионалы» и завершится в августе 2019 года в городе Казани, где пройдет 45-й мировой чемпионат WorldSkills. «Совершив большое путешествие, флаг WorldSkills сегодня здесь, в вашей прекрасной республике. Думаю, что символический взмах флага на этой сцене станет пожеланием всем вам успехов в вашей профессиональной жизни. Огромное вам спасибо за высокий уровень проведения соревнований, за большую культурную программу, организованную в рамках чемпионата», – сказала Людмила Иванюк.

Эстафету флага WorldSkills принял Казбек Коков. Символический взмах вместе с врио Главы КБР совершили министр просвещения, науки и по делам молодежи Ауес Кумыков, директор лицея «Строитель» Заудин Суншев и руководитель Управления регионального развития Союза «Молодые профессионалы» Людмила Иванюк. Далее флаг WorldSkills направится в город Ижевск.

Мировой чемпионат по профессиональному мастерству по стандартам WorldSkills Kazan – 2019 пройдет с 22 по 27 августа 2019 года в городе Казани. Право его проведения Россия выиграла 10 августа

2015 года на Генеральной Ассамблее международной организации WorldSkills International в Сан-Паулу (Бразилия).

Кульминацией торжества стала церемония награждения победителей и призеров III Регионального чемпионата WorldSkills Russia Кабардино-Балкарской Республики, им вручили дипломы, сертификаты на трудоустройство, денежное поощрение и сладкие подарки от кондитерской фабрики «Нальчик-Сладость». Творческие коллективы ГБОУ ДАТ «Солнечный город» и звезды эстрады КБР подарили виновникам торжества свои яркие выступления.

Новые перспективы рабочей профессии? На самом деле выбор рабочей профессии – это залог карьерного роста, материального благополучия и уверенности в завтрашнем дне. Главная проблема – это не отсутствие рабочих рук как таковых, а отсутствие квалифицированных рабочих. Многие производственные предприятия используют оборудование мирового уровня, современную технику и технологии. Работодатель сегодня ждет технически подготовленных рабочих, которые могут работать не только руками, но и хорошо соображать головой, чтобы правильно работать с инновационным оборудованием и уметь его обслуживать. Примечательно, что и правительство активно поддерживает движение WorldSkills, пропагандируя привлекательность и перспективность рабочих профессий. Для амбициозных и динамичных молодых людей чемпионат – это старт профессионального роста.

Оргкомитет, Минпросвещения, Региональный координационный центр выражают благодарность спонсорам, работодателям, экспертам за всемерную поддержку в организации и проведении III Регионального чемпионата WorldSkills Russia КБР.

Оргкомитет, Минпросвещения, Региональный координационный центр выражают благодарность спонсорам, работодателям, экспертам за всемерную поддержку в организации и проведении III Регионального чемпионата WorldSkills Russia КБР.

В номере:

К 25-летию Парламента КБР	2
<i>Юрий Тхагазитов</i> . Диалог со своим читателем. <i>Статья</i>	9
<i>Сафарби Бейтуганов</i> . Пылающий куст терновника. <i>Статья</i>	10
<i>Асият Кармова</i> . И... будет отпущено слово. <i>Интервью</i>	14
<i>Руслан Ацканов</i> . Босоногая любовь. <i>Новелла</i>	21
<i>Жанна Кулиева</i> . Искренность и глубина поэзии Аскера Додуева. <i>Статья</i>	29
<i>Аскер Додуев</i> . <i>Стихи (перевод А. Пряжникова)</i>	31
<i>Тахир Толгуров</i> . Клаша с посвистом... <i>Рассказы</i>	41
<i>Людмила Шауцукова</i> . Черкесская рапсодия. <i>Гл. из романа</i>	63
<i>Заур Махошев</i> . «Человечество – проявление поэзии...» <i>Интервью</i>	87
<i>Артур Кенчешаев</i> . <i>Стихи</i>	91
<i>Бурхан Берберов</i> . Глоток воды. <i>Рассказ</i>	97
<i>Надежда Ворокова</i> . Ее мужчины. <i>Рассказ</i>	103
<i>Азиза Махиева</i> . Экранный сын. Консультант. <i>Рассказы</i>	108
<i>Хиса Османов</i> . Ночной путник. <i>Рассказ</i>	112
<i>Султан Пишибиев</i> . Женидьба по-кавказски. <i>Рассказ</i>	115
<i>Олеся Шереужева</i> . А у нас есть обычай такой. <i>Рассказ</i>	123
<i>Татьяна Подыман</i> . <i>Стихи</i>	128
<i>Зухра Караева</i> . Национальный литературный процесс. Структура и векторы развития. <i>Статья</i>	131
<i>Эсет Манкиева</i> . Женская субкультура Северного Кавказа в художественной интерпретации русских писателей XIX века. <i>Статья</i>	139
<i>Хасан Туркаев</i> . Чувства добрые. <i>Статья</i>	148
<i>Светлана Моттаева</i> . Поэт, драматург и воин. <i>Очерк</i>	151
<i>Махти Джуртубаев</i> . Трудное возвращение домой. <i>Статья</i>	155
<i>Мухамед Карданов</i> . На земле хозяин. <i>Очерк</i>	170
<i>Мухтар Боттаев</i> . Когда Отчизна позвала. <i>Очерк</i>	174
<i>Игорь Терехов</i> . Роман кавказского пленника. <i>Рецензия</i>	178
<i>Фатима Тазова</i> . III Региональный чемпионат «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia) Кабардино-Балкарская Республика – 2019». <i>Статья</i>	182

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова, Э. Караевой

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 06.05.19. Подписано к печати 05.06.19.

Выход в свет 24.06.19. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 980 экз. Заказ № 116. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).